

Друж. № 27223

Publ. do

ЗАПИСКИ

24.4.14.3

23.X.58 (w)

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 1.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Краковское Предмѣстье, № 3.

1902.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 1.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1902.

D-28/93

110

133503

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества исторіи, филологіи и
права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Θ. Леонтовичъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	<i>Стр.</i>
Уставъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ	1— 10.
Сокращенные протоколы засѣданій Общества	11— 44.
Приложенія къ протоколамъ	45— 56.

ОТДѢЛЪ II.

Ө. В. Тарановскій. Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка	1— 27.
И. И. Замотинъ. Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя	28— 51.
П. А. Заболотскій. Гоголь въ эпоху творчества I тома Мертвыхъ Душъ	52— 74.
И. Д. Малиновскій. Знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ	75 —91.
Д. В. Туткевичъ. О введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ Установленій въ Варшавскомъ судебномъ Округѣ	92—120.
В. В. Есиповъ. О преподаваніи права	1— 34.

Редакторъ *Н. Новосадскій.*

ОТДѢЛЪ I.

LIBRARY

На основаніи Высочайше утвержденнаго 15 февраля 1897 г. Положенія Комитета Министровъ утверждаю.

Министръ Народнаго Просвѣщенія *Боголюбовъ*.
24 ноября 1900 года.

УСТАВЪ

Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

I.

Цѣль общества и предметы его дѣятельности.

§ 1. Общество исторіи, филологіи и права учреждается при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ съ цѣлью содѣйствія совмѣстной разработкѣ:

а) общихъ научныхъ вопросовъ, одинаково входящихъ въ область исторіи, филологіи и права.

б) специальныхъ вопросовъ по каждой изъ этихъ научныхъ дисциплинъ въ отдѣльности.

в) научныхъ вопросовъ по мѣстной исторіи, археологіи, этнологіи и праву.

§ 2. Для достиженія означенныхъ цѣлей общество назначаетъ собранія для обсужденія научныхъ рефератовъ и сообщеній по соотвѣтственнымъ вопросамъ, заботится объ изданіи своихъ трудовъ, о приобрѣтеніи книгъ, рукописей, разнаго рода коллекцій и т. п., входитъ, какъ внутри Имперіи, такъ и за границей, въ сношенія съ отдѣльными специалистами и учеными обществами, преслѣдующими тѣ же цѣли.

Кромѣ того, обществу предоставляется:

1. Входитъ въ сношенія, какъ съ частными хранилищами книгъ и рукописей, такъ и съ управленіями архивовъ старыхъ дѣлъ при мѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, о предоставленіи членамъ

общества, по его порученію, свободного доступа къ пользованію архивнымъ матеріаломъ въ видахъ его изученія и, въ нужныхъ случаяхъ, изданія на счетъ общества.

2. Входить въ сношенія съ правительственными учрежденіями о доставленіи въ общество перечневыхъ записей, съ указаніемъ хранящихся въ этихъ учрежденіяхъ архивныхъ актовъ, предназначаемыхъ къ уничтоженію, съ доставленіемъ обществу, по его указаніямъ, подлинныхъ актовъ, которые окажутся важными въ научномъ отношеніи.

3. Входить въ сношенія съ мѣстными властями о мѣрахъ сохраненія извѣстныхъ обществу памятниковъ исторіи и археологіи.

4. Устраивать публичныя лекціи (по программамъ, утвержденнымъ совѣтомъ общества) и сѣзды филологовъ, историковъ, археологовъ и юристовъ.

5. Снаряжать ученыя экскурсіи для изученія мѣстныхъ древностей, для собиранія и приобрѣтенія рукописныхъ актовъ стараго времени, также памятниковъ народнаго творчества (пѣсень, былинъ, пословицъ и проч.), сохраняющихся въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ,—для изученія мѣстныхъ говоровъ и нарѣчій (русскихъ, польскихъ и литовскихъ), для собиранія на мѣстѣ разныхъ предметовъ и матеріаловъ по мѣстной археологіи, этнографіи, обычному праву и пр., съ выдачей членамъ общества, командируемымъ въ экскурсіи, открытыхъ листовъ отъ имени совѣта общества для безпрепятственнаго посѣщенія мѣстъ, гдѣ находятся предметы научныхъ розысканій.

6. Назначать членамъ субсидіи для выполненія предпринимаемыхъ ими лично или по порученію общества научныхъ изслѣдованій, также для изданія сочиненій, сборниковъ актовъ и другихъ матеріаловъ.

7. Предлагать вопросы для научныхъ изслѣдованій и за рѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи и медали.

8. Принимать другія мѣры, которыя будутъ признаны обществомъ необходимыми для успѣшнаго выполненія преслѣдуемыхъ имъ научныхъ цѣлей.

II.

Составъ общества, права и обязанности его членовъ.

§ 3. 1. Общество состоитъ изъ двухъ отдѣленій: а) историко-филологическихъ наукъ и б) юридическихъ наукъ.

2. Каждое изъ этихъ двухъ отдѣленій можетъ въ свою очередь открывать секціи для разработки научныхъ вопросовъ по особымъ спеціальностямъ, входящимъ въ кругъ занятій общества, какъ напр., по археологіи, статистикѣ, педагогіи, обычному праву и пр.

3. Учеными трудами по спеціальнымъ научнымъ вопросамъ от-

дѣленія занимаются каждое по своей части самостоятельно, въ остальномъ же дѣйствуютъ лишь въ составѣ всего общества.

§ 4. Членами отдѣленій состоятъ, безъ особой баллотировки, члены общества, письменно заявившіе о томъ свое желаніе предсѣдателью общества.

§ 5. Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и членовъ-сотрудниковъ.

§ 6. Лица, подписавшія проектъ устава, считаются членами-учредителями общества и входятъ въ общій составъ дѣйствительныхъ членовъ со всѣми ихъ правами и обязанностями.

§ 7. 1. Въ почетные члены избираются лица, пріобрѣвшія извѣстность своими учеными трудами въ области исторіи, филологіи и права, а также лица, оказавшія особые услуги обществу.

2. Почетные члены избираются въ годичномъ собраніи общества по письменному предложенію трехъ дѣйствительныхъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, при чемъ для избранія требуется не менѣе двухъ третей голосовъ.

3. Почетные члены пользуются всѣми правами дѣйствительныхъ членовъ и освобождаются отъ членскаго взноса.

§ 8. 1. Дѣйствительными членами могутъ быть:

а) профессора и преподаватели высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, причемъ лица, занимающія преподавательскія должности въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ, зачисляются въ члены безъ баллотировки, лишь по письменному заявленію предсѣдателью общества о ихъ желаніи вступить въ члены;

б) лица, имѣющія дипломы высшихъ учебныхъ заведеній или же извѣстныя обществу своими трудами въ области филологіи, исторіи, археологіи или права, также педагогическою или юридическою практикою.

2. Дѣйствительные члены избираются въ распорядительныхъ собраніяхъ, по письменнымъ заявленіямъ двухъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, простымъ большинствомъ голосовъ. Заявленія эти вносятся предварительно въ совѣтъ общества (§ 14 п. 3 и § 26 п. 4).

3. Дѣйствительные члены уплачиваютъ въ кассу общества ежегодный денежный взносъ въ размѣрѣ определяемомъ на пятилѣтній срокъ годичнымъ собраніемъ; не уплатившіе взноса въ теченіе двухъ лѣтъ считаются выбывшими изъ числа членовъ общества и могутъ быть приняты вновь безъ баллотировки, лишь по уплатѣ недоимки. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ, размѣръ котораго также опредѣляется на пятилѣтній срокъ годичнымъ собраніемъ.

4. Дѣйствительные члены участвуютъ во всѣхъ занятіяхъ общества, имѣютъ рѣшающій голосъ въ его собраніяхъ, избираютъ и могутъ быть избираемы во всѣ должности по обществу (съ ограниченіями, указанными въ § 16) и получаютъ бесплатно по экземпляру всѣхъ изданій общества.

§ 9. Въ члены-соревнователи избираются въ распорядительномъ собраніи, по предложенію одного изъ дѣйствительныхъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, простымъ большинствомъ голосовъ, лица, оказавшія обществу значительныя матеріальныя услуги.

§ 10. Въ члены-сотрудники избираются тѣмъ-же порядкомъ, какъ и члены-соревнователи, лица, которыя заявятъ о своемъ желаніи участвовать въ дѣятельности общества своими научными работами.

§ 11. Члены-соревнователи и члены-сотрудники освобождаются отъ обязательныхъ членскихъ взносовъ и присутствуютъ въ собраніяхъ общества съ правомъ совѣщательнаго голоса.

III.

Управление дѣлами общества.

§ 12. Дѣлами общества завѣдываютъ совѣтъ и собранія общества.

§ 13. 1. Въ составъ совѣта входятъ: предсѣдатель общества, его товарищъ, предсѣдатели двухъ отдѣленій, секретарь общества и два члена (по одному отъ cadaго отдѣленія), избираемые въ годичномъ собраніи общества.

2. Совѣтъ завѣдываетъ текущими дѣлами общества и созывается, по мѣрѣ надобности, предсѣдателемъ общества, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдатель совѣта.

§ 14. Къ обязанностямъ совѣта относятся:

1. Завѣдываніе печатаніемъ протоколовъ собраній общества, отчетовъ о его дѣятельности и ученыхъ трудовъ общества подъ цензурою совѣта.

2. Составленіе годичнаго отчета о дѣятельности общества.

3. Сообщеніе собранію общества письменныхъ заявленій о кандидатахъ, предлагаемыхъ къ избранію въ члены общества.

4. Предварительное разсмотрѣніе, для представленія собранію со своимъ заключеніемъ, заявленій членовъ по дѣламъ общества.

5. Составленіе списковъ изданій, предположенныхъ къ приобрѣтенію.

6. Утвержденіе программъ публичныхъ лекцій.

7. Представленія въ распорядительное собраніе проектовъ по устройству сѣздовъ и экскурсій, также о субсидіяхъ членамъ для научныхъ изслѣдованій или для изданія ученыхъ трудовъ.

8. Производство расходовъ въ предѣлахъ смѣтныхъ назначеній и разрѣшеніе въ нужныхъ случаяхъ единовременныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, не превышающихъ 50 руб.

9. Выдача казначею шнуровыхъ книгъ, скрѣпленныхъ подписью председателя и секретаря общества, за печатью общества.

10. Составленіе смѣты доходовъ и расходовъ на наступающій годъ и отчета о состояніи суммъ за минувшій годъ, для приложенія его къ годичному отчету о дѣятельности общества.

11. Разрѣшеніе всѣхъ текущихъ вопросовъ по распорядительнымъ дѣламъ общества.

§ 15. 1. Засѣданія совѣта считаются законными, если, кромѣ председателя или лица, заступающаго его мѣсто, присутствуютъ въ немъ не менѣе половины остальныхъ членовъ.

2. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; при раздѣленіи ихъ по ровну голосъ председателя даетъ перевѣсъ.

§ 16. 1. Должностныя лица общества: председатель, его товарищъ, секретарь и члены совѣта, казначей, библіотекарь и редакторъ изданій общества избираются въ годичномъ собраніи общества срокомъ на три года, при чемъ председатель общества утверждается въ семь званіи Попечителемъ Округа.

2. Кандидаты на эти должности (на первыя двѣ—изъ лицъ, состоящихъ или состоявшихъ профессорами въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ) предлагаются по запискамъ членовъ, присутствующихъ въ собраніи.

3. Избраніе каждаго должностнаго лица производится посредствомъ закрытой баллотировки, простымъ большинствомъ голосовъ.

4. Каждое отдѣленіе имѣетъ своего председателя (изъ настоящихъ или бывшихъ профессоровъ Варшавскаго Университета) и секретаря, избираемыхъ членами отдѣленія въ годичномъ собраніи общества тѣмъ же порядкомъ и на тѣ же сроки, какъ и соответствующія должностныя лица общества.

Примѣчаніе. Права и обязанности председателя и секретаря отдѣленія въ отношеніи къ послѣднему тѣ же, что и председателя и секретаря общества въ отношеніи къ его общимъ собраніямъ.

§ 17. Председатель общества созываетъ, открываетъ и закрываетъ засѣданія совѣта и общихъ собраній, опредѣляетъ очередь предметовъ обсужденія въ нихъ, руководить преніями, ставитъ вопросы для голосованія, объявляетъ рѣшенія, принятые обществомъ, наблюдаетъ за порядкомъ въ засѣданіяхъ и за исполненіемъ устава общества и въ нужныхъ случаяхъ сносится отъ имени общества, по опредѣленіямъ совѣта или общихъ собраній, съ правительственными или обществен-

ными учреждениями и частными лицами, при чемъ исходящія отъ общества и подписанныя предсѣдателемъ бумаги скрѣпляются секретаремъ.

§ 18. Секретарь общества ведетъ протоколы общихъ собраний общества и все дѣлопроизводство по текущимъ дѣламъ общества, составляетъ проекты отчетовъ и докладываетъ дѣла, подлежащія обсужденію совѣта и распорядительныхъ собраний общества.

§ 19. Казначей принимаетъ поступающія въ кассу общества суммы, ведетъ денежные счета по приходу-расходнымъ книгамъ, исполняетъ постановленія совѣта и распорядительныхъ собраний о расходованіи суммъ общества и докладываетъ совѣту о состояніи суммъ.

§ 20. Библіотекаръ завѣдуетъ бібліотекою общества на основаніи правилъ, составленныхъ совѣтомъ общества и утвержденныхъ распорядительнымъ собраніемъ.

§ 21. Труды общества, а равно изданія памятниковъ и другихъ научныхъ матеріаловъ и переводы относящихся къ кругу дѣятельности общества научныхъ сочиненій, могутъ выходить въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, безерочныхъ или періодическихъ сборниковъ. Съ авторами трудовъ, издаваемыхъ обществомъ, совѣтъ можетъ входить въ соглашеніе о вознагражденіи ихъ отдѣльными оттисками. Вопросъ о допущеніи къ печати на средства общества и отъ его имени рѣшается относительно каждаго труда, а также относительно извлеченій изъ протоколовъ, посредствомъ закрытой баллотировки въ одномъ изъ распорядительныхъ собраний, простымъ большинствомъ голосовъ. Собраніе можетъ передать свои права въ этомъ отношеніи совѣту или особой комиссіи, права и обязанности которой опредѣляются собраніемъ.

§ 22. Для провѣрки отчета и для ревизіи кассы и имущества общества распорядительное собраніе, предшествующее годичному, избираетъ ежегодно изъ своей среды ревизіонную комиссію въ составѣ трехъ лицъ. Заключение комиссіи сообщается совѣту, который со своимъ объясненіемъ докладываетъ въ годичномъ собраніи отчетъ о дѣятельности общества и заключение ревизіонной комиссіи. Отчетъ о дѣятельности общества ежегодно представляется въ совѣтъ Императорскаго Варшавскаго Университета и, по усмотрѣнію университетскаго Совѣта, или включается въ общій отчетъ о дѣятельности Университета, или же печатается отдѣльно и въ послѣднемъ случаѣ сообщается точно также тѣмъ лицамъ и учреждениямъ, коимъ сообщается и университетскій отчетъ.

IV.

Собрания общества и его отдѣленій.

§ 23. Собрания общества бываютъ распорядительныя и ученыя, послѣднія въ общемъ составѣ членовъ общества и по отдѣленіямъ.

§ 24. Распорядительныя собранія годичныя, очередныя и чрезвычайныя учреждаются для обсужденія и рѣшенія вопросовъ по общему управленію дѣлами общества.

§ 25. 1. Годичныя собранія назначаются въ январѣ для заслушанія и утвержденія отчета о дѣятельности общества, о состояніи его суммъ за истекшій годъ, для утвержденія смѣты доходовъ и расходовъ на наступающій годъ, для избранія почетныхъ членовъ и должностныхъ лицъ общества, для присужденія премій и медалей и для окончательнаго рѣшенія другихъ вопросовъ, какіе по уставу, а также по постановленіямъ распорядительныхъ собраній, признаются подлежащими разрѣшенію годичныхъ собраній.

2. Въ засѣданія годичныхъ собраній могутъ произноситься членами рѣчи, по программѣ, предварительно разсмотрѣнной и одобренной совѣтомъ.

3. Годичное собраніе считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ не менѣ половины дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ Варшавѣ.

4. Если по неявкѣ надлежащаго числа членовъ не можетъ состояться засѣданіе собранія, то черезъ недѣлю назначается второе засѣданіе, которое считается законнымъ при какомъ бы то ни было составѣ наличныхъ членовъ, явившихся въ собраніе.

§ 26. 1. Очередныя распорядительныя собранія общества созываются въ теченіе года въ опредѣленные сроки, назначаемые по постановленіямъ годичнаго собранія.

2. Число членовъ, необходимыхъ для дѣйствительности очередныхъ собраній, опредѣляется годичнымъ собраніемъ.

3. Въ очередныхъ собраніяхъ производится избраніе предлагаемыхъ кандидатовъ въ члены и рѣшаются текущія дѣла по представленіямъ совѣта.

4. Сообщенія совѣта о лицахъ, предложенныхъ къ избранію въ члены общества, вносятся въ ближайшее очередное собраніе; но закрытая баллотировка такихъ лицъ откладывается на слѣдующее собраніе.

§ 27. Чрезвычайныя распорядительныя собранія назначаются по постановленіямъ совѣта или по письменному заявленію не менѣ пяти дѣйствительныхъ членовъ во всѣхъ случаяхъ, не терпящихъ

отлагательства. Составъ чрезвычайныхъ распорядительныхъ собраній тотъ же, что и очередныхъ.

§ 28. 1. Ученыя собранія общества и его отдѣленій созываются по мѣрѣ накопленія рефератовъ и сообщеній, вносимыхъ въ собранія (первыя—для обсужденія, вторыя — для свѣдѣнія) въ письменномъ изложеніи. Устные сообщенія и рефераты допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія предсѣдателя собранія, которому дѣлаются о нихъ заявленія до открытія засѣданія; предсѣдатель можетъ также потребовать представленія въ письменномъ изложеніи полного текста предполагаемаго чтенія.

2. Лицами, не числящимися въ составѣ членовъ общества, рефераты и сообщенія докладываются въ ученыхъ собраніяхъ общества и его отдѣленій лишь съ разрѣшенія совѣта общества, который можетъ потребовать представленія полного текста предполагаемаго чтенія.

§ 29. 1. Засѣданія ученыхъ собраній общества ведутся подъ руководствомъ предсѣдателя общества (или заступающаго его мѣсто) по научнымъ вопросамъ общаго содержанія, входящимъ въ область исторіи, филологіи и права. Предсѣдатель общества уступаетъ свое мѣсто товарищу или одному изъ членовъ совѣта, когда онъ лично выступаетъ съ рефератомъ.

2. Засѣданія отдѣленій происходятъ подъ руководствомъ ихъ предсѣдателей.

§ 30. Отдѣленія предлагаютъ на разсмотрѣніе распорядительныхъ собраній общества вопросы для конкурсныхъ сочиненій и, въ случаѣ представленія послѣднихъ, даютъ о нихъ отзывы, которые вносятся въ совѣтъ для доклада въ годичномъ собраніи общества.

§ 31. Изслѣдованія членовъ общества, представляемыя ими для изданія отъ имени общества и на его средства, поступаютъ также на разсмотрѣніе отдѣленій по принадлежности и съ ихъ отзывами вносятся въ совѣтъ для доклада распорядительному собранію.

§ 32. Протоколы засѣданій отдѣленій, со внесеніемъ въ нихъ письменныхъ рефератовъ и сообщеній, обсуждавшихся въ ученыхъ собраніяхъ отдѣленій, ведутся ихъ секретарями. Члены, участвовавшіе въ обсужденіи письменныхъ рефератовъ или докладывавшіе устные сообщенія и рефераты, доставляютъ, по своему желанію, мнѣнія и рефераты въ письменномъ изложеніи, для внесенія ихъ въ протоколы засѣданій.

§ 33. Засѣданія ученыхъ собраній общества и его отдѣленій по обсужденію рефератовъ и пр. дѣйствительны при всякомъ составѣ явившихся въ засѣданіе членовъ общества.

§ 34. Собранія общества имѣютъ мѣсто въ зданіи Варшавскаго

Университета. О времени и предметах занятий собраній общества и его отдѣленій председатели ихъ по принадлежности доводятъ до свѣдѣнія Варшавскаго Оберъ-полицеймейстера и извѣщаютъ членовъ въ пригласительныхъ повѣсткахъ или въ мѣстныхъ газетахъ.

§ 35. Въ собраніяхъ дѣла рѣшаются такимъ же просгымъ большинствомъ голосовъ, какъ и въ совѣтѣ.

§ 36. Закрытая баллотировка, кромѣ вопросовъ, указанныхъ въ другихъ параграфахъ устава; можетъ примѣняться и при рѣшеніи прочихъ дѣлъ, когда того потребуютъ не менѣе пяти членовъ общества, присутствующихъ въ засѣданіи.

§ 37. Собранія общества и его отдѣленій, кромѣ годовыхъ, закрыты для посторонней публики. Въ ученыя собранія отдѣльныя лица могутъ допускаться каждый разъ съ разрѣшенія председательствующаго въ обществѣ или въ отдѣленіи по принадлежности.

V.

Права и средства общества.

§ 38. Труды и изданія общества выходятъ безъ предварительной цензуры.

§ 39. Общество имѣетъ свою печать и печатные бланки для письменныхъ сношеній, съ надписью: „Общество исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ“.

§ 40. Общество выдаетъ почетнымъ членамъ и членамъ-состязателямъ дипломы за подписью председателя и членовъ совѣта и за скрѣпою секретаря, съ приложеніемъ печати общества.

§ 41. Въ устныхъ и письменныхъ сообщеніяхъ и рефератахъ членовъ, въ печатныхъ трудахъ и дѣлопроизводствѣ общества употребляется русскій языкъ.

§ 42. Средства общества состоятъ:

1. Изъ единовременныхъ и ежегодныхъ членскихъ взносовъ.
2. Изъ субсидій Императорскаго Варшавскаго Университета, если таковыя будутъ ассигнованы съ надлежащаго разрѣшенія.
3. Изъ выручки отъ входной платы съ публичныхъ лекцій.
4. Изъ пожертвованій членовъ, постороннихъ лицъ и учреждений, которыя расходуются сообразно указаніямъ жертвователей, если таковыя не противорѣчатъ цѣлямъ общества.

§ 43. Сумма, собираемая изъ членскихъ взносовъ, расходуетъ главнымъ образомъ на текущія нужды общества. Всѣ пожертвованія безъ опредѣленнаго назначенія, а также единовременные членскіе взносы отчисляются въ запасныя суммы общества, которыя назначаются на покрытіе издержекъ при большихъ предпріятіяхъ общества—

на снаряженіе экскурсій, печатаніе дорогихъ изданій и т. п. Процентами съ запасныхъ суммъ общество распоряжается по своему усмотрѣнію.

§ 44. Суммы, поступающія въ общество, принимаются казначеемъ, причемъ текущія суммы свыше 50 руб. вносятся на текущій счетъ въ указанное для сего совѣтомъ кредитное учрежденіе, а капиталы, по мѣрѣ надобности, обращаются въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и вносятся на храненіе въ сберегательную кассу или контору государственнаго банка.

§ 45. Императорскій Варшавскій Университетъ даетъ у себя помѣщеніе для засѣданій общества. Археологическіе и этнографическіе предметы и коллекціи, прибрѣтенныя обществомъ путемъ дара, экскурсій и пр., поступаютъ въ соотвѣтственные музеи Университета. Получаемыя обществомъ произведенія печати, рукописи и другія ученыя пособія, а также изданія общества, остающіяся отъ распродажи и раздачи членамъ общества, хранятся отдѣльно въ библиотекѣ или другомъ помѣщеніи Университета, причемъ въ этомъ случаѣ общество обязуется подчиняться всеѣмъ законнымъ требованіямъ университетскаго начальства.

VI.

Объ измѣненіи устава и о закрытіи общества.

§ 46. Ходатайство объ измѣненіи или дополненіи устава можетъ быть возбуждаемо лишь по постановленію общаго чрезвычайнаго собранія, на которое созываются заблаговременно и не проживающіе въ Варшавѣ члены. Присутствовать въ такомъ засѣданіи должны не менѣе двухъ третей всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ Варшавѣ, и ходатайство можетъ быть постановлено только въ томъ случаѣ, если за него выскажется не менѣе двухъ третей присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ. Постановленія собранія объ измѣненіи или дополненіи устава вносятся на утвержденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

§ 47. Постановленіе о закрытіи общества можетъ состояться лишь въ чрезвычайномъ его собраніи, на которое приглашаются все почетныя и дѣйствительныя члены. Для дѣйствительности постановленія требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ его членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ. Въ случаѣ закрытія общества все его имущество поступаетъ въ собственность Императорскаго Варшавскаго Университета.

СОКРАЩЕННЫЕ ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

I.

Засѣданіе Общества 30-го сентября 1901 г.

Въ первомъ собраніи Общества исторіи, филологіи и права, которымъ была начата его ученая дѣятельность, присутствовало около 50 членовъ. Предсѣдательствовалъ товарищъ Предсѣдателя Общества Н. Н. Любавичъ, открывшій засѣданіе слѣдующей привѣтственной рѣчью.

„Мм. гг! 24-го ноября минувшаго года послѣдовало утвержденіе г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія устава Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія встрѣчаетъ Университетъ выполнение своего давнишняго желанія получить возможность вступить въ общеніе со всѣми друзьями науки. Излишне было бы говорить о томъ, какъ способствуетъ развитію научной жизни совмѣстная работа. Наше же Общество представляетъ особенно широкое поле для разработки научныхъ вопросовъ, такъ какъ въ немъ исторія и филологія идутъ рука объ руку съ юриспруденціей. Выражая глубокую увѣренность, что Общество наше встрѣтитъ самый сочувственный откликъ у всѣхъ занимающихся этими науками, объявляю засѣданіе открытымъ“.

За рѣчью г. Любавича послѣдовала рѣчь предсѣдателя историко-филологическаго отдѣленія Е. О. Карскаго „О задачахъ отдѣленія историко-филологическихъ наукъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ“.

„Мм. гг.“, сказалъ г. Карскій: „позвольте сосредоточить Ваше вниманіе на разсмотрѣннѣи тѣхъ задачъ, которыя, по моему мнѣнію, должны лечь въ основу дѣятельности отдѣленія историко-филологическихъ наукъ нашего общества. Я не стану касаться тѣхъ задачъ, которыя принадлежатъ нашему обществу наравнѣ съ другими подобными учрежденіями: эти задачи очень

обширны, почти безграничны, какъ великъ и обширенъ кругъ наукъ историко-филологическихъ. Припомнимъ, что въ эту область входятъ—философія въ обширномъ смыслѣ слова, исторія русская и всеобщая, языковѣдѣніе, филологія классическая, славянская, включая сюда и русскую, съ ихъ литературами, всеобщая литература и множество разныхъ вспомогательныхъ наукъ. Теперь мы еще имѣемъ возможность обращаться къ помощи дисциплинъ, изучающихъ право, которое подчасъ имѣетъ очень много точекъ соприкосновенія съ нашими науками. Но, какъ я замѣтилъ, объ этомъ теперь у насъ рѣчь. Наше общество находится въ нѣсколько исключительномъ положеніи: въ Варшавѣ нѣтъ такихъ богатыхъ рукописныхъ собраній, столь необходимыхъ для успѣшной дѣятельности историко-филологическаго общества, какія имѣются, напр., въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ; нѣтъ у насъ достаточнаго количества и печатныхъ пособій. Но зато у насъ есть кое-что такое, чего лишены другія общества. Мы на рубежѣ съ западной Европой; въ районѣ дѣятельности нашего общества сталкиваются главнѣйшія русскія племена съ ихъ рѣчью: великорусское, представленное преимущественно служилымъ сословіемъ съ его литературнымъ языкомъ, бѣлорусское на востокѣ и малорусское на юговостокѣ; тутъ же два народа и языка нерусскихъ, но очень важныхъ для нашихъ наукъ—польскій и литовскій. Наконецъ, преимущество нашего общества и въ томъ, что оно имѣетъ юридическое отдѣленіе. Да, сказать правду, не совсѣмъ ужъ мы лишены и рукописныхъ сокровищъ: слѣдуетъ лишь ихъ поискать. Наша университетская библіотека, конечно, имѣетъ очень мало ц.-славянскихъ и русскихъ рукописей (лишь нѣсколько грамотъ да довольно позднихъ рукописныхъ книгъ), но зато она владѣетъ довольно цѣнными рукописями на другихъ языкахъ, особенно на польскомъ, не говоря уже о богатѣйшей, почти единственной коллекціи рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ есть нѣсколько и кирилловскихъ. Правда, все это не приведено надлежащимъ образомъ въ извѣстность, такъ что при каждомъ знакомствѣ съ подобными матеріалами можно надѣяться сдѣлать цѣлое научное открытіе. А если отъ университетской библіотеки перейдемъ къ нѣкоторымъ частнымъ, которыя также не недоступны для публики, то тамъ найдемъ еще болѣе интереснаго. Припомнимъ, что въ библіотекѣ гр. Замойскихъ имѣются такія замѣчательныя ц.-славянскія рукописи, какъ, напр., Супрасльская XI вѣка (большая часть памятника); въ ней же имѣется доволь-

но богатая коллекція среднеболгарскихъ и югозападно-русскихъ памятниковъ, а также множество рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ. То же слѣдуетъ сказать и про библіотеку гр. Красинскихъ, владѣющую многими почти неизвѣстными наукѣ ц.-славянскими и др.-русскими рукописями, а также грамотами и актами, не говоря уже о рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ польскихъ. Недалеко отъ Варшавы Вильна съ ея довольно цѣннымъ рукописнымъ собраніемъ, которое очень мало изслѣдовано. А сколько имѣется въ недалекомъ сосѣдствѣ съ Варшавой частныхъ библіотекъ, заключающихъ въ себѣ немало рѣдкихъ рукописей и актовъ. Имѣю въ виду, напр., несвижское собраніе князей Радивилловъ, щерсовское Бутеневыхъ-Хребтовичей, рукописныя собранія Кракова, Львова. А разные архивы, находящіеся въ самой Варшавѣ,—сколько здѣсь матеріала для историка! Ни одно изъ указанныхъ мною книгохранилищъ, кромѣ Виленской публичной библіотеки, не имѣетъ доступныхъ публикѣ печатныхъ описаній своихъ рукописныхъ богатствъ. Поэтому *первая* и самая необходимая *задача* нашего общества—описаніе рукописей, грамотъ и актовъ, имѣющихся въ варшавскихъ, а затѣмъ и сосѣднихъ книгохранилищахъ, сначала тѣхъ изъ нихъ, которыя писаны кириллицей, а потомъ и другихъ. Такими описаніями, особенно если они не будутъ носить характера простыхъ инвентарныхъ указателей, а удовлетворять въ той или другой степени требованіямъ современной науки, будетъ положено прочное основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій какъ памятниковъ, имѣющихся здѣсь же, такъ и хранящихся въ библіотекахъ С.-Петербурга, Москвы и др. мѣстъ.

Всѣмъ Вамъ извѣстенъ періодъ въ русской литературѣ и жизни, обнимающій время съ XV по XVIII столѣтіе, когда на Русь проникаетъ много переводовъ и передѣлокъ разныхъ западно-европейскихъ произведеній. Большинство изъ нихъ носитъ повѣствовательный, точнѣе беллетристическій характеръ, но были и ходкія въ то время болѣе или менѣе научныя произведенія по географіи, исторіи, военному искусству, политическимъ и другимъ наукамъ. Въ большинствѣ случаевъ эти произведенія шли къ намъ не прямо съ Запада, а черезъ Польшу и Чехію; были произведенія, для которыхъ и оригиналами служили, насколько можно судить объ этомъ по языку и нѣкоторымъ другимъ признакамъ, польскіе образцы. Для многихъ переводныхъ произведеній въ настоящее время уже открыты оригиналы и указаны пути, по которымъ они проникли къ намъ; но еще много, по крайней мѣрѣ не меньше, найдется такихъ перевод-

ныхъ произведеній, относительно которыхъ можно сказать только, что они нерусскаго происхожденія; но что лежитъ въ основѣ ихъ, какъ и когда они явились къ намъ—все это еще ждетъ своего отвѣта. Особенно это слѣдуетъ замѣтить относительно апокрифической литературы, а затѣмъ беллетристики. Оригиналы многихъ изъ такихъ произведеній слѣдуетъ искать прежде всего въ библіотекахъ Варшавы. Чтобы не быть голословнымъ, сошлюсь на нѣкоторыя мои работы, напр., о западно-русскихъ переводахъ псалтыри въ XV—XVII вв., о страстяхъ Господнихъ, о поклоненіи трехъ королей (волхвовъ), о Сивиллѣ пророчицѣ, для которыхъ нѣкоторые очень цѣнные и рѣдкіе матеріалы добыты именно въ библіотекахъ Варшавы (университетской и гр. Красинскихъ); тутъ же, въ библіотекѣ гр. Замоискихъ, мною найденъ польскій оригиналъ довольно распространеннаго въ XVII в. „Выданія о добронравіи“ Яна Забчица (изд. у Симони: „Старинные сборники русскихъ пословицъ“). Года три тому назадъ проѣздомъ работалъ здѣсь извѣстный ученый, проф. А. И. Соболевскій; въ варшавскихъ библіотекахъ онъ также нашелъ очень много интереснаго по части открытія оригиналовъ для русской переводной литературы прежняго времени (см. его сочиненіе: „Западное вліяніе на литературу Московской Руси“. С.-Пб. 1899 г. и др. работы). Да и помимо переводной литературы, разсмотрѣніе сюжетовъ нашей народной словесности, напр. былинь, даже обрядовой поэзіи, какъ коляды, масленичной обрядности, русалокъ и нѣк. др., сравнительно съ народнымъ творчествомъ Запада, какъ показали многочисленныя изслѣдованія Вессловскаго, Жданова, Сумцова, Созоновича и др., приводитъ иногда къ неожиданнымъ открытіямъ—къ указанію сходства, основаннаго не только на первобытномъ сродствѣ индоевропейскихъ племенъ, или на одинаковыхъ пріемахъ психической дѣятельности первобытныхъ народовъ, но и на непосредственномъ или посредственномъ заимствованіи русскими и отчасти другими славянами западныхъ сюжетовъ и вѣрованій съ сопровождающею ихъ обрядностью. Изученіе народной словесности въ указанномъ отношеніи, при обиліи въ варшавскихъ библіотекахъ иностранныхъ пособій, можетъ быть здѣсь очень плодотворно. Такимъ образомъ *второю* нашей задачей можетъ быть изслѣдованіе тѣхъ произведеній русской словесности и отчасти ученой литературы прежняго времени, на которыхъ называется или можетъ быть предполагаемо западное вліяніе.

Очень близка къ отмѣченнымъ двумъ задачамъ и *третья*—изслѣдованіе тѣхъ эпохъ русской исторіи и жизни вообще, ко-

торыя имѣють непосредственное отношеніе къ западной Европѣ и Польшѣ. А такихъ моментовъ окажется очень много. Уже древняя Русь вступала въ сношенія и роднилась съ Западомъ и поляками. Далѣе, одна часть Руси—югозападная—долгое время жила совмѣстной жизнью съ Польшей. Особенно сильно сказалось вліяніе Польши на жизни Московской Руси въ Смутное время. Наконецъ, бѣольшая часть Польши, послѣ паденія ея самостоятельности, вошла, какъ часть, въ составъ Русскаго государства. Изслѣдованіе всѣхъ отмѣченныхъ эпохъ—богатѣйшій матеріалъ для научной разработки въ нашемъ обществѣ.

Наше общество, какъ я уже замѣтилъ, имѣетъ юридическое отдѣленіе, что является его выдающимся преимуществомъ. Никто не станетъ отрицать того, что правильное пониманіе многихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ, напр., хотя бы Русской Правды, кормчихъ, даже болѣе позднихъ литовскихъ статутовъ, а затѣмъ грамотъ и актовъ, и особенно юридической терминологіи, безъ содѣйствія чисто филологическихъ наукъ съ ихъ вспомогательными отраслями—палеографіей, дипломатикой, нумизматикой и др.,—для исключительнаго юриста немислимо; но и наоборотъ, въ этихъ памятникахъ, да и въ другихъ, не говоря уже о живомъ народномъ бытѣ, о чемъ рѣчь ниже, найдется много такого, что для правильного и всесторонняго своего освѣщенія потребуетъ содѣйствія юридическихъ дисциплинъ, напр., статистики, обычнаго права. Названныя дисциплины начинаютъ уже съ успѣхомъ примѣняться въ изслѣдованіяхъ по всеобщей исторіи, исторіи литературы и даже языкознанію. Отсюда сама собой вытекаетъ *новая задача* нашего отдѣленія—обсужденіе такихъ сторонъ нѣкоторыхъ древнихъ произведеній, а также народной жизни, которыя для правильнаго своего пониманія требуютъ содѣйствія юридическихъ наукъ.

Польша и въ частности Варшава играли и играютъ съ давнихъ поръ видную роль въ русской жизни. Наши писатели нерѣдко касаются Варшавы и поляковъ въ своихъ произведеніяхъ. Для примѣра сошлюсь на Гоголя, 50-лѣтіе со дня смерти котораго черезъ 5 мѣсяцевъ будемъ праздновать. Гоголь два раза былъ въ Варшавѣ и нѣсколькими художественными штрихами очертилъ ее въ своихъ произведеніяхъ, напр., въ «Тарасѣ Бульбѣ». Кому, какъ не нашему обществу заняться по мѣстнымъ матеріаламъ провѣркой такихъ изображеній?

До сихъ поръ я имѣлъ въ виду больше архивные и библіотечные матеріалы; но и помимо данныхъ указаннаго рода въ нашемъ распоряженіи еще имѣется обильнѣйшій этнографиче-

скій матеріалъ, интересный во всѣхъ отношеніяхъ: лингвистическомъ, историко-литературномъ, юридическомъ, бытовомъ. Вѣдь только всестороннее изученіе народнаго міросозерцанія и быта, а также языка даетъ возможность на прочныхъ началахъ установить тѣ основныя черты, которыя рельефно обрисовываютъ народную личность извѣстной націи, ея индивидуальныя особенности. А между тѣмъ если обратимся къ племенамъ, которыя наиболее къ намъ по географическому положенію, то окажется, что, напр., до сихъ поръ еще точно не опредѣлена даже этнографическая граница малорусскаго племени, входящаго въ составъ привислянскихъ губерній; не указано опредѣленно, въ какихъ, напр., мѣстахъ Сувалкской губерніи попадаются бѣлорусскія поселенія, хотя есть полное основаніе предполагать ихъ тамъ. Официальныя цифры конечно имѣются, но онѣ не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности, такъ какъ при рѣшеніи вопроса о народности русской, польской, часто опираются на религію, а не на языкъ и антропологическія особенности.—Что касается въ частности языка, то по этому предмету о русскомъ населеніи здѣшняго края у насъ самыя смутныя и отрывочныя свѣдѣнія. Установить ихъ *теперь же* крайне необходимо, такъ какъ мѣстное населеніе часто теряетъ даже свой родной языкъ. Мало извѣстны наукѣ и польскіе народные говоры, а также народная поэзія, хотя въ послѣднее время и польскіе фольклористы начинаютъ обращать вниманіе на эти предметы. Изслѣдованіе быта, народной поэзіи, языка, права мѣстнаго русскаго и польскаго населенія, выработка этнографической карты на строго научныхъ основахъ составляетъ также *одну* изъ важнѣйшихъ задачъ нашего общества.

Мѣстность по бассейну Вислы, а также къ юго-востоку отъ него издревне была заселена славянами, доказательствомъ чего служатъ, кромѣ разныхъ письменныхъ свидѣтельствъ, еще мѣстныя названія урочищъ и вообще географическая номенклатура. Есть основаніе предполагать, что и прародина первобытныхъ славянъ была неподалеку отъ этого края. Собравъ данныя этого рода, равнымъ образомъ установить посредствомъ раскопокъ особенности быта доисторическихъ обитателей Привислянъ и сосѣднихъ областей—тоже *одна* изъ очень плодотворныхъ хотя и трудныхъ *задачъ* нашего общества.

Наконецъ, мм. гг., большинство нашихъ сочленовъ бывшіе или настоящіе преподаватели высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Вопросы чисто педагогическіе, а также касающіеся преподаванія тѣхъ или другихъ предметовъ изъ области исто-

ри, права и филологіи въ обширномъ смыслѣ слова, особенно отечественнаго языка, должны послужить темой живѣйшихъ и занимательнѣйшихъ рефератовъ. Эти вопросы особенно умѣстны теперь, когда обсуждаются проекты реформы нашей школы. Послѣдняя, дѣйствительно, одряхлѣла на нашихъ глазахъ. Всѣ чувствуютъ, что нуженъ животворящій духъ, который надѣлалъ бы юношеской мощью ея падающія силы. Къ чему, напр., свелось въ средней общеобразовательной школѣ преподаваніе русскаго языка, какъ не къ изученію орѳографіи до схоластическаго синтаксиса! А вѣдь это тотъ мощный, гибкій языкъ, который всегда приводилъ въ неподдѣльный восторгъ лучшихъ русскихъ сыновъ, нашихъ писателей и поэтовъ. Не могу удержаться, чтобы не привести хотя бы двухъ слѣдующихъ, извѣстныхъ Вамъ отзывовъ. Первый принадлежитъ Гоголю. Въ концѣ V главы «Мертвыхъ душъ», проводя ту мысль, что слово служитъ лучшимъ отраженіемъ народной личности, онъ такъ характеризуетъ разные языки: „Легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово“. Но истинный апофеозъ нашего языка въ слѣдующемъ стихотвореніи въ прозѣ Тургенева: „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!... Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“—Таковъ нашъ языкъ. Пора, господа, подумать о немъ. Это особенно умѣстно здѣсь, гдѣ подготовка и составъ учащихся иной, нежели въ центральной Россіи“.

Послѣ рѣчи г. Карскаго предѣлатель юридическаго отдѣленія В. Н. Александренко, имѣя въ виду задачи этого отдѣленія, бросилъ ретроспективный взглядъ на происхожденіе и развитіе другихъ юридическихъ обществъ.

Первое юридическое общество составилось во Франціи, въ Тулузѣ, въ 1851 г.; оно основано въ честь Куяція, знаменитаго французскаго юриста XVI в., освободившаго юриспруденцію отъ средневѣковой схоластики и двинувшаго ее на новый путь развитія. Тулузское общество занялось изданіемъ источниковъ права, разрабатывало ихъ по сравнительно-историческому методу и завело свой печатный органъ *Revue historique du droit français et étranger*. Въ пятидесятыхъ же годахъ образуются юридическія общества въ Англіи (*Juridical So-*

133503

ciety, учр. въ 1855 г.) и въ Германіи. Берлинское юридическое общество учреждено въ 1859 г. Оно поставило себѣ цѣлью содѣйствовать движенію впередъ науки права и доставить юристамъ центръ для взаимнаго ихъ сближенія. Въ трудахъ берлинскаго общества на первомъ планѣ стоитъ догматическая разработка права, что привлекаетъ къ участію въ немъ судебныхъ дѣятелей изъ состава магистратуры и адвокатуры. Важную заслугу берлинскаго общества составляетъ то, что оно впервые организовало юридическіе съѣзды, и притомъ на столько удачно, что примѣру Германіи послѣдовали въ этомъ отношеніи и другія страны, какъ то: Италія, Швейцарія, Швеція, Норвегія, Нидерланды и Россія. Первый (и до сихъ поръ единственный) съѣздъ русскихъ юристовъ происходилъ въ Москвѣ съ 5 по 8 іюня 1875 г. По примѣру Берлина организованы были юридическія общества въ Мюнхенѣ, Карлсруэ и другихъ городахъ. Въ 1868 г. учреждено было юридическое общество въ Вѣнѣ. Оно раздѣлено было на семь отдѣлений, изъ которыхъ послѣднее посвящено специально судебной практикѣ, а шестое—судебному краснорѣчію. Но преимущественное направленіе трудовъ вѣнскаго юридическаго общества—теоретическое. Извѣстнѣйшіе юристы-теоретики нашего времени (Лор. Штейнъ, Гнейстъ) принимали участіе въ его работахъ, высказывая въ немъ впервые взгляды, изъ которыхъ многіе производили коренной переворотъ въ общей теоріи и отдѣльныхъ научныхъ дисциплинахъ права. Такъ, напр., знаменитое сочиненіе Геринга *Der Kampf um's Recht* (Борьба за право) было впервые прочтено въ засѣданіи вѣнскаго юридическаго общества 11 марта 1872 г.—Учрежденіе перваго юридическаго общества въ Россіи относится къ незабвенной эпохѣ шестидесятыхъ годовъ; великія реформы пробудили общественную дѣятельность и сплотили друзей юридической науки, теоретическія требованія которой были положены въ основу судебной и другихъ реформъ. Первое русское юридическое общество образовалось въ Москвѣ подъ сѣнью старѣйшаго русскаго университета при дѣятельномъ участіи профессоровъ (особенно С. И. Баршева и В. Н. Лешкова) и обширнаго круга юристовъ-практиковъ. Засѣданія общества начались еще въ 1863 г. и происходили первоначально частнымъ образомъ на квартирѣ декана юридическаго факультета С. И. Баршева. Официальное утвержденіе устава московскаго юридическаго общества послѣдовало лишь въ 1865 г. По образцу московскаго организовались впоследствии другія общества: въ 1864 г.—курское (возобн. въ 1897 г.), въ 1873 г.—кавказское, въ 1876 г.—киевское, въ 1877 г.—петербургское, въ 1878 г.—казанское, въ 1880 г.—одесское, въ 1896 г.—ярославское, въ 1898 г.—екатеринославское, въ 1900 г.—харьковское и въ 1901 г.—томское. Большинство обществъ возникло при университетахъ и въ своихъ трудахъ стремилось къ

установленію возможно тѣснаго сближенія между юридической теоріей и практикой, между наукой и жизнью.

По окончаніи рѣчи г. Александренко Н. Н. Любавичъ прочиталъ докладъ о статистическомъ методѣ въ приложеніи къ исторіи, которыми и было закончено первое засѣданіе общества ¹⁾).

II.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

20-го октября 1901 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ Е. Ѳ. Карскаго, присутствовало 28 членовъ.

Слушали докладъ П. А. Заболотскаго „Нынѣшнее состояніе бывшей Запорожской Сѣчи (природа, населеніе и его преданія). Матеріалы для объясненія повѣсти Н. В. Гоголя Тарасъ Бульба“.

Во вступительной части авторъ объяснилъ причины, побудившія его посѣтить лѣтомъ 1900 г. пепелище Запорожской Сѣчи, т. е. о-въ Хортицу, село Покровское и т. д.: авторъ хотѣлъ на мѣстѣ бывшей Сѣчи познакомиться съ характеромъ народно-пѣсеннаго творчества, преданіями и историческими воспоминаніями потомковъ Запорожья, надѣясь на основаніи собраннаго матеріала содѣйствовать объясненію извѣстной повѣсти Гоголя—Тарасъ Бульба. Во вступительной же части выясняется, что главнымъ пристанищемъ Сѣчи былъ нынѣшній Александровскій уѣздъ Екатеринославской губ., при чемъ указывается нѣсколько точекъ зрѣнія, съ которыхъ изученіе этого уѣзда представляетъ большой интересъ для историка, этнографа и лингвиста. Въ первой части реферата авторъ далъ топографическій и историко-этнографическій очеркъ „старѣйшаго Запорожскаго уѣзда“, какъ называетъ авторъ Александровскій уѣздъ; онъ говоритъ о характерѣ мѣстности, ея орошеніи, населеніи, излагаетъ прошлыя судьбы края на основаніи свидѣтельствъ Геродота и другихъ классическихъ писателей и путешественниковъ; даетъ картину постепеннаго заселенія края, при чемъ подробно останавливается на колонизаторской роли запо-

¹⁾ Этотъ докладъ, напечатанный въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1901 г. № IX, препровождается въ видѣ отдѣльнаго оттиска при настоящемъ выпускѣ „Записокъ Общества“ всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, получающимъ изданія Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

рожскихъ казаковъ. Отмѣтивъ преобладаніе южно-русскаго элемента въ населеніи нынѣшней мѣстности бывшей Сѣчи, авторъ старается объяснить обиліе народно-поэтическихъ воспоминаній и преданій о Сѣчи, записанныхъ въ свое время г. г. Эварницкимъ, Манжурою, Новицкимъ и др. и сохранившихся до извѣстной степени и до сихъ поръ. Во второй части доклада авторъ разсматриваетъ народно-поэтическое творчество указанной мѣстности, главнымъ образомъ какъ матеріалъ для объясненія Тараса Бульбы. Объемъ разсматриваемаго авторомъ народно-поэческаго матеріала опредѣляется записями пѣсенъ и преданій Александровскаго уѣзда въ печатныхъ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова, Новицкаго, въ статьяхъ Эварницкаго, Новицкаго и др., а также записями самого докладчика со словъ „дѣдовъ“ Александровскаго уѣзда. Въ этой части авторъ болѣе подробно разсматриваетъ пѣсни и преданія о борьбѣ Запорожья съ Турками и Ордой, о борьбѣ съ Польшей, объ отношеніи запорожцевъ къ евреямъ, приводитъ рядъ преданій о происхожденіи Сѣчи, составъ ея населенія, о „руйнованіи“ Сѣчи и, наконецъ, даетъ краткій очеркъ народныхъ преданій и пѣсенъ о событіяхъ болѣе поздняго времени—начала XIX в. Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ: „Пройдутъ десятилѣтія, забудутся на пепелищѣ Сѣчи пѣсни и преданія, которыя теперь еще можно слышать и которыя сохраняются для науки благодаря записямъ любителей народной поэзіи, но съ распространеніемъ образованія у потомковъ Запорожья, какъ и у всѣхъ образованныхъ русскихъ людей, останется чудная поэтическая картина Сѣчи и ея сыновъ; то—знаменитая Гоголевская повѣсть „Тарасъ Бульба“, въ которой такъ гармонически слились звуки и образы народной поэзіи съ продуктомъ гениальнаго творчества“.

По поводу реферата г. Заболотскаго произошелъ обмѣнъ мнѣній между Г. В. Демченкомъ, С. И. Вѣховымъ и докладчикомъ.

Послѣ небольшого перерыва *С. Н. Браиловскій* прочиталъ докладъ: „Нѣсколько экскурсовъ въ область школьной грамматики отечественнаго языка“.

Указавъ на то, что въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса специалистовъ о необходимости коренной реформы школьной грамматики отечественнаго языка, докладчикъ призналъ справедливыми упреки, направленные по адресу преподавателей русскаго языка. Хотя измѣнить школьное преподаваніе русскаго языка на новыхъ началахъ очень трудно, „что доказалъ, между прочимъ, и казанскій проф. Будде своею неудачною грамматикою рус. литерат. языка“, однако докладчикъ рѣшился предложить вниманію слушателей нѣсколько соображеній о возможности повести преподаваніе русскаго языка по иному, болѣе плодотворному пути. Цѣль препода-

ванія отечественнаго языка въ средней школѣ заключается, по мнѣнію докладчика, въ томъ, чтобы „научить или утвердить учащихся въ умѣньи правильно, свободно и красиво говорить и писать на родномъ языкѣ, равно какъ и сознательно относиться къ грамматическому его строю“. Въ виду этой цѣли докладчикъ во 1-хъ) рѣшительно высказывается противъ мнѣнія о первенствующемъ значеніи въ школѣ грамматики и во 2-хъ) настаиваетъ на необходимости въ низшихъ классахъ (I—III кл.) средней школы центромъ занятій по русскому языку сдѣлать не грамматику, а хрестоматію, хорошую книгу для чтенія, въ которой были бы собраны всевозможные образцы живой разговорной и художественно-литературной русской рѣчи. Въ эти годы обученія на первомъ планѣ, при изученіи отечественнаго языка, должно стоять наблюденіе фактовъ и явленій языка и усвоеніе ихъ памятью, а потомъ уже составленіе общаго грамматическаго положенія. При такой постановкѣ обученія родной рѣчи уничтожится, по мнѣнію докладчика, погоня за правописаніемъ, которая положительно заполонила собою все преподаваніе русскаго языка въ современной средней школѣ. Орфографія очень легко можетъ быть усвоена практическимъ путемъ, путемъ зрительныхъ впечатлѣній: при списываніи выученнаго или разобранныго текста, при предварительной диктовкѣ или, наконецъ, при изложеніи на бумагѣ прочитанныхъ статей. Если не отождествлять орфографіи съ грамматическимъ стилемъ языка, то въ результатъ мы избѣжимъ многихъ бесполезностей, которыми переполнены существующіе нынѣ школьные учебники русскаго языка. Къ такимъ бесполезностямъ, вреднымъ для дѣла, докладчикъ отнесъ раздѣленіе на части грамматики русскаго языка. По его мнѣнію, принятая въ школѣ синтетическая система изложенія русской грамматики не годится. Рѣчь (въ тѣсномъ смыслѣ—предложеніе, въ широкомъ—цѣлая статья) доступнѣе дѣтямъ, нежели элементы ея (слова, звуки). Поэтому рекомендованный покойнымъ педагогомъ Шереметевскимъ приемъ—въ каждый урокъ грамматики вносить немного фонетики, этимологии и синтаксиса—докладчикъ признаетъ полезнымъ. Онъ даже настаиваетъ, опираясь на авторитетъ представителей лингвистической школы, на томъ, чтобы исходною точкою грамматическаго анализа въ средней школѣ былъ синтаксисъ. Послѣ этого докладчикъ сдѣлалъ три экскурса въ область рекомендуемаго имъ анализа, при чемъ строго проводилъ грамматическую точку зрѣнія. По его мнѣнію, эта точка зрѣнія распутываетъ тотъ гордіевъ узелъ, въ который завязано ученіе о членахъ предложенія логико-грамматическою точкою зрѣнія, доселѣ господствующею въ обиходѣ средней школы. Докладчикомъ сообщены: анализъ рѣчи, анализъ предложенія и распространеніе предложенія. Нормою русскаго предложенія докладчикъ, согла-

сно съ г. Будиловичемъ, признаеть двучленное, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго. Основую предложенія является сказуемое, а подлежащее служить его ближайшимъ поясненіемъ. Всякій управляемый косвенный падежъ—дополненіе, всякій согласуемый падежъ—опредѣленіе; слова несогласуемыя и неуправляемыя суть обстоятельства. По ученію докладчика, двучленное предложеніе можетъ распространяться пояснительными или придаточными и главными членами, почему онъ совершенно отвергаетъ терминъ *слитное* предложеніе, указывая на разногласіе нашихъ ученыхъ грамматистовъ въ ученіи о слитномъ предложеніи.

Докладъ вызвалъ оживленные пренія. Съ мнѣніемъ *С. Н. Браиловскаго*, что въ ученіи о членахъ предложенія слѣдуетъ руководствоваться исключительно грамматическою точкою зрѣнія, не согласились *И. П. Селиверстовъ* и *С. И. Вѣховъ*. Въ доказательство того, что, при синтаксическомъ разборѣ необходимо обращаться часто и къ логикѣ, они приводили разные примѣры („Я—человѣкъ“, „Тащи“—послышалось въ лѣсу“, „Сижу“ и т. п.), которые, по ихъ мнѣнію, противорѣчаютъ и той мысли докладчика, что подлежащимъ надо считать всегда именительный падежъ, а сказуемымъ—глаголь въ личной формѣ. *А. П. Косминскій* замѣтилъ, что указаніе докладчика на необходимость сдѣлать центромъ занятій по русскому языку въ низшихъ классахъ не грамматику, а хрестоматію, въ частности—произведенія образцовыхъ писателей, не представляетъ какой либо новости, потому что то же рекомендуется и объяснительной запиской къ учебному плану преподаванія русскаго языка; при этомъ г. Косминскій прочиталъ отрывокъ изъ указанной записки. *С. Н. Браиловскій* согласился, что въ этомъ отношеніи его рефератъ какихъ либо новшествъ не вводитъ: докладчикъ только настаиваетъ на томъ, чтобы центромъ занятій по русскому языку была всегда хорошая книга для чтенія, ибо не всѣ преподаватели сознають необходимость такой именно постановки дѣла. *Ю. Ю. Цвѣтковскій*, присоединяясь къ мнѣнію докладчика, съ своей стороны замѣтилъ, что важность изученія въ низшихъ классахъ разговорной и художественно-литературной русской рѣчи необходимо постоянно подчеркивать и усиленно рекомендовать, такъ какъ практика преподаванія русскаго языка ввела въ школу разные нежелательные сборники—диктантовъ, періодовъ, грамматическихъ и стилистическихъ примѣровъ и т. п., въ которыхъ живая русская рѣчь то и дѣло искажается. *А. В. Михайловъ* поставилъ на видъ, что докладъ *С. Н. Браиловскаго* затрогиваетъ самое больное мѣсто въ школьномъ преподаваніи, а потому заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но преподаваніе отечественнаго языка нуждается не въ частичныхъ улучшенияхъ, какими ограничивается докладъ г. Браиловскаго, а въ коренной

реформѣ, которая уничтожила бы въ школѣ исключительную элементарность преподаванія и распространила бы обученіе собственно языку и на старшіе классы этой школы. Необходимо, чтобы въ школѣ мы знакомились съ природой, свойствами, жизнью русскаго языка вообще и литературнаго—въ частности, а не съ одной только орфографіей и грамматической системой, какъ это происходитъ въ настоящее время вслѣдствіе служебнаго положенія русскаго языка съ одной стороны и элементарности преподаванія этого языка—съ другой. *Е. О. Карскій* замѣтилъ, что формально-грамматическій методъ при разборѣ предложеній, настоятельно рекомендованный въ извѣстномъ сочиненіи *А. А. Потебни* (*Записки по русской грамматикѣ*), съ большимъ успѣхомъ можетъ быть примѣняемъ въ нашей школѣ. До сихъ поръ, по мнѣнію г. Карскаго, этотъ методъ не могъ привиться (хотя и были попытки популяризировать его—въ извѣстномъ учебникѣ *Баталина*) главнымъ образомъ потому, что въ нашей средней школѣ преподаваніе русской грамматики было подчинено грамматикѣ латинскаго языка; въ классическихъ же языкахъ, ставящихъ во главѣ рѣчи періодъ, построенный исключительно на логическихъ основаніяхъ, часто наблюдаются отступленія отъ формальнаго русскаго предложенія, а при построеніи предложеній на логическомъ основаніи это совпаденіе будетъ болѣе или менѣе удержано. Въ настоящее время, когда древніе языки начинаются въ средней школѣ съ 4-го класса, нѣтъ препятствій къ построенію предложенія и его разбору на формально грамматическихъ основаніяхъ.

III.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

28-го ноября 1901 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ *В. Н. Александренко*, присутствовало 25 членовъ.

Слушали докладъ *А. Г. Гусакова*: „Современныя задачи правовѣдѣнія“.

Въ этомъ докладѣ были развиты слѣдующія основныя положенія.

Догматическая юриспруденція игнорируетъ задачи, выдвигаемыя ей въ связи съ общественнымъ значеніемъ права.

Современные кодексы, поскольку въ нихъ выражается дѣйствующее право, не отражаютъ въ себѣ перемѣнъ, происходящихъ въ сферахъ общественной жизни. Они соответствуютъ той общественной

организации, которая основывалась на земельной собственности, и не дают прямой защиты интересам тех лиц, благосостояние которых основывается на мускульном и умственном трудѣ.

Современное общественное движение вызываетъ потребность въ новыхъ формахъ организации общественныхъ отношеній.

Старыя системы дѣйствующаго права требуютъ не только поправокъ и дополненій, но и измѣненія ихъ въ смыслѣ социализации права.

Послѣдняя задача является новой въ виду укоренившагося въ юриспруденціи подѣ влияніемъ римскаго права индивидуализма и формализма.

Формальное и индивидуалистическое отношеніе къ праву должно уступить мѣсто социологическому его изученію: какъ продуктъ общественной жизни право подлежитъ изученію не только на ряду съ другими общественными явленіями, но и въ непосредственной связи со всеѣмъ ходомъ развитія общественной жизни.

Для разрѣшенія такой задачи не представляется необходимымъ выдвигать самостоятельную дисциплину политики права, и въ частности гражданской политики.

Оставляя догматическое изученіе въ томъ же положеніи, въ какомъ оно находится и нынѣ, политика права не даетъ прочнаго метода и твердыхъ основаній для разрѣшенія задачъ правосозданія и отысканія рациональныхъ къ тому средствъ.

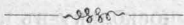
Политика права совершенно неправильно приводится въ связь съ задачами школы естественнаго права.

Идею, выдвигаемую политикой права, вмѣщаетъ юриспруденція съ ея обычными подраздѣленіями.

Возможны три различныя точки зрѣнія на положительное право: историческая, догматическая и третья—прежде носившая названіе философской, потомъ критической, въ настоящее же время получающая названіе социально-политической.

Послѣдняя точка зрѣнія требуетъ большаго развитія и примѣненія.

По поводу реферата А. Г. Гусакова произошелъ оживленный обменъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе Д. В. Туткевичъ, П. П. Вилліамсъ, И. И. Иванюковъ, А. В. Горбуновъ, В. Н. Александренко, О. В. Тарановскій, В. М. Савинковъ и Г. В. Демченко.

IV.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

10-го ноября 1901 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 20 членовъ и посторонніе посѣтители.

Слушали докладъ В. А. Францева „Очеркъ исторіи попытокъ образованія единой славянской азбуки (посвящается памяти О. И. Лезберы)“ слѣдующаго содержанія.

Попытки рѣшенія вопроса о наиболѣе соотвѣтствующей звукамъ славянскихъ нарѣчій единой азбукѣ имѣютъ въ чешской наукѣ свою длинную исторію. Чешскіе ученые и писатели раньше другихъ славянъ обратились къ кирилловской азбукѣ, какъ наиболѣе цѣлесообразной замѣнѣ прежде всего азбуки чешской, а затѣмъ и другихъ славянскихъ азбукъ латинскаго типа. Первоначально вопросъ этотъ обсуждался самъ по себѣ, независимо отъ тѣхъ послѣдствій, какія могло создать для чешской и славянскихъ литературъ утвержденіе общеславянской азбуки; но впослѣдствіи онъ сдѣлался неотъемлемою частью вопроса о единомъ славянскомъ литературномъ языкѣ. Начавъ сравненіемъ чешской азбуки съ русской гражданкой (Фр. Томса), чешскіе ученые вскорѣ перешли прямо къ примѣненію русской азбуки къ чешскому языку. Неудовлетворительность латинской азбуки для выраженія звуковъ славянскихъ языковъ отмѣчаетъ Добровскій; необходимой основой всякой будущей универсальной славянской азбуки онъ считаетъ алфавитъ латинскій. Ученикъ его Ганка сначала дѣлаетъ попытку примѣнить латинскую азбуку, съ нѣкоторыми нововведеніями, къ изданію „Слова о полку Игоревѣ“ (1821 г.), но его новшества не были одобрены Шафарикомъ; затѣмъ Ганка производитъ въ чешской азбукѣ еще нѣкоторыя измѣненія и, наконецъ, переходитъ къ русской гражданкѣ. Такія же нововведенія въ латинско-чешскую азбуку дѣлалъ Челаковскій (въ изданіи „Славянскія народныя пѣсни“), а также извѣстный этнографъ Трнка. Особенно интересна попытка Геркеля (*Elementa universalis linguae slavicae*, 1826), первоначально мечтавшаго о новой азбукѣ, но потомъ ограничившагося лишь введеніемъ въ чешскую азбуку нѣкоторыхъ новыхъ буквъ. Я. Е. Пуркине посвятилъ особый трудъ доказательству выгодъ общаго распространенія латинской азбуки среди славянъ. Опыты печатанія чешскихъ текстовъ русской азбукой дѣлаетъ П. Дубровскій (въ „Денницѣ“ 1842—1843 г.); чешскій лексикографъ Г. Франка-Шумавскій кладетъ въ основаніе общей славянской азбуки русскую азбуку. Однимъ изъ послѣднихъ пропаганди-

стовъ кирилловской азбуки (гражданки) былъ покойный *Θ. И. Іезбера*, выступившій въ 1856 г. съ практическимъ доказательствомъ наибольшей пригодности ея въ качествѣ всеславянской азбуки.

П. А. Кулаковскій сдѣлалъ къ докладу г. Францева нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній. Разсужденія славянъ объ азбукахъ и письмѣ восходятъ уже къ 18-ому стол., такъ что вторую половину 18-го вѣка и первую 19-го можно назвать „ореографическимъ“ вѣкомъ. Тогда очень многіе спорили о преимуществахъ то кириллицы, то латинницы. *Добровскій*, ратуя за кириллицу, между прочимъ постоянно писалъ *Кошитару*: „будь у насъ вторымъ Кирилломъ“; *Линде* изобрѣтаетъ нѣсколько кирилловскихъ буквъ и посылаетъ ихъ *Добровскому*. Кабинетный споръ относительно азбукъ проявляется даже при рѣшеніи широкихъ общественныхъ задачъ; такъ, въ концѣ 18-го вѣка въ Пештѣ, подъ предѣлательствомъ *Загребскаго арх. Мандича*, былъ съѣздъ, который по вопросу объ употребленіи въ Австріи кириллицы постановилъ: гражданское письмо въ печати запретить, а ц.-славянское дозволить. Любопытно, что впослѣдствіи многіе католическіе патеры (*Майеръ* и др.) высказались за кириллицу, какъ единую слав. азбуку. При *Іосифѣ II* былъ снятъ запретъ и съ гражданского письма. Покойный *Θ. И. Іезбера*, всю жизнь ратовавшій за введеніе у всѣхъ славянъ кириллицы, напечаталъ между прочимъ сочиненіе патера *Матія Майера* „Свв. Кириллъ и Меѳодій“ на общеславянскомъ языкѣ, а рядомъ — по словински, и въ обоихъ случаяхъ пользовался русской гражданкой. На этотъ опытъ въ свое время было обращено большое вниманіе. *Ю. Ю. Цвѣтковскій* замѣтилъ, что кириллица—азбука „больше всего фонетическая“ и въ этомъ ея преимущество передъ латинницей. *С. И. Внховъ* возразилъ, что вопросъ о правописаніи не стоитъ въ связи съ алфавитомъ. *А. В. Михайловъ* въ отвѣтъ на замѣчаніе *Ю. Ю. Цвѣтковского* сказалъ, что если слово „фонетическая“ въ примѣненіи къ азбукѣ понимать въ смыслѣ полного соответствія между этой азбукой и звуками живого языка, то вѣдь такого соответствія не было даже въ моментъ изобрѣтенія кириллицы для изображенія звуковъ старославянскаго языка; съ теченіемъ же времени, съ измѣненіями въ звукахъ живого языка, соответствіе еще болѣе нарушилось. О русскомъ языкѣ, для котораго кириллица не изобрѣталась, понятно, и говорить нечего. По этому, при многихъ достоинствахъ кириллицы и ея латинизированнаго вида—гражданки, называть ее азбукой больше всего фонетической не приходится. *Е. Θ. Карскій* обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что и въ Россіи въ эпоху реформъ Императора *Александра II* были попытки реформировать русскую азбуку и даже замѣнить ее латинницей. По этому поводу явилось, напр., много статей

въ журналѣ „Учитель“; обзоръ же этихъ попытокъ мы найдемъ въ Филологическихъ Разысканіяхъ Я. Грота.

А. В. Михайловъ прочиталъ докладъ: „Русскій языкъ въ средней школѣ (критическая замѣтка)“.—Во вступленіи докладчикъ сказалъ, что его критическая замѣтка о преподаваніи русскаго языка въ средней школѣ заключаетъ только нѣкоторое поясненіе, отчасти развитіе тѣхъ мыслей, какія были высказаны имъ въ засѣданіи 20-го октября по поводу реферата С. Н. Браилова. Въ современномъ преподаваніи русскаго языка въ средней школѣ докладчикъ видитъ два главныхъ недостатка: 1)—тотъ, что русскій языкъ изучается въ этой школѣ исключительно элементарно и 2)—тотъ, что изученіе собственно языка приурочивается только къ низшимъ классамъ, не распространяясь на высшіе. Если элементарность ставится конечною цѣлью въ изученіи какого-нибудь иностраннаго языка, то большаго отъ преподаванія этого языка въ средней школѣ и нельзя требовать. Чтобы фактически овладѣть чужимъ языкомъ, т. е. научиться читать, писать на этомъ языкѣ, понимать написанное, понимать грамматическій строй языка, необходимо много и долго работать, при чемъ въ дѣлѣ ознакомленія учащихся съ фактами иностраннаго языка другіе учебные предметы оказать какой либо помощи не могутъ. Въ иномъ положеніи находится русскій языкъ, языкъ преподаванія, родная рѣчь большинства, если не всѣхъ учащихся въ школѣ. Къ достиженію поставленной программы цѣли тутъ содѣйствуютъ не только всѣ учебные предметы, взятые въ совокупности, но также русская семья, русская среда вообще, наконецъ—личныя, такъ сказать, пріобрѣтенія учащагося путемъ чтенія русскихъ книгъ, общенія съ образованными русскими людьми и т. п. Задача преподавателя русскаго языка (именно—языка) этимъ чрезвычайно облегчается, какъ облегчается также и трудъ самихъ учениковъ. Поэтому приписывать всѣ успѣхи, какіе учащійся сдѣлалъ за время пребыванія въ средней школѣ въ русской разговорной рѣчи, въ русскомъ чтеніи и въ письмѣ (т. е. въ изложеніи мыслей), однимъ только урокамъ русскаго языка нѣтъ возможности. Доля, внесенная преподавателемъ, тутъ, несомнѣнно, есть, но долю эту нельзя учесть, какъ нельзя учесть и того, что пріобрѣтено учащимся инымъ путемъ, даже внѣ школы. Если стать на эту точку зрѣнія (а иначе и нельзя смотрѣть на дѣло), то необходимо сознаться, что собственно урокамъ русскаго языка учащійся за время пребыванія въ средней школѣ будетъ обязанъ только усвоеніемъ: во 1-хъ) русской орфографіи и во 2-хъ) грамматической системы (только системы) русскаго языка. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть. На орфографію и систему грамматики, какъ видимые результаты дѣятельности преподавателя, въ школѣ поэтому всегда тратится много времени и силъ, при чемъ факты жи-

вого языка отходить обыкновенно на задній планъ и даже подчиняются требованіямъ системы и орфографіи. Признавая важность орфографіи и грам. системы, докладчикъ однако думаетъ, что наши теоретическія познанія въ русскомъ языкѣ однимъ этимъ не должны ограничиваться: результатъ слишкомъ незначительный. Поэтому въ курсѣ средней школы необходимо ввести и науку о русскомъ языкѣ. Не опредѣляя объема этой науки,—что можетъ быть предметомъ особаго обсужденія,—А. В. Михайловъ выразилъ только пожеланіе, чтобы оканчивающій курсъ въ средней школѣ съ одной стороны—имѣлъ ясное понятіе о положеніи русскаго языка въ семьяхъ индоевропейской и славянской, о нарѣчіяхъ русскаго языка въ ихъ настоящемъ и прошломъ, объ исторіи образованія и развитія литературнаго языка и т. п., съ другой—могъ сознательно и по достоинству цѣнить факты русской фонетики и морфологіи, что, по мнѣнію докладчика, возможно только при сравнительно-историческомъ изученіи языка. Важность такого рода знаній въ дѣлѣ общаго развитія и самосознанія русскаго юношества не подлежитъ сомнѣнію. Къ сожалѣнію, средняя русская школа не даетъ такихъ знаній, хотя и могла бы это дѣлать. Отсюда происходитъ то печальное явленіе, что большинство русской интеллигенціи въ своихъ теоретическихъ познаніяхъ въ русскомъ языкѣ почти ничѣмъ не отличается отъ какихъ либо школьниковъ, вышедшихъ изъ городскихъ и земскихъ училищъ. Указавъ на крупный пробѣлъ въ программѣ по рус. языку, принятой въ современной школѣ, докладчикъ въ то же время отмѣтилъ и нѣкоторые недостатки въ самомъ элементарномъ преподаваніи этого языка, а именно.

А) Изученіе грамматической системы, приуроченное только къ низшимъ классамъ, какъ это совершается въ настоящее время,—явленіе нежелательное, даже вредное. Грамматическій синтезъ (со всѣми его опредѣленіями, классификаціями, категоріями, схемами и т. п.), составляя логическую, философскую сторону грамматики, значитъ—нѣчто отвлеченное, съ примѣсами разныхъ условностей, субъективизма, для отроческаго возраста является пищей самой неудобоваримой и совсѣмъ не питательной. Эта система гораздо легче и совершеннѣе можетъ быть усвоена только въ старшихъ классахъ. Если перенести изученіе грамматической системы въ старшіе классы, то мы во 1-хъ) избѣжимъ тѣхъ нерѣдко безобразныхъ сокращеній русской грамматики, которыя вполнѣ естественно, но въ явный ущербъ дѣлу, производятся въ младшихъ классахъ, и во 2-хъ) поможемъ лучшему усвоенію даже орфографіи, напр., въ ученіи о знакахъ препинанія.

Б) Изученіе орфографіи путемъ только навыка и при помощи одной зрительной памяти докладчикъ находитъ недостаточнымъ. Безсознательнаго усвоенія фактовъ письма нельзя одобрить, ибо такимъ

путемъ орфографію нельзя изучить какъ слѣдуетъ, что подтверждается опытомъ. Необходимо, чтобы юношество въ школахъ научилось сознательно относиться къ русскому письму, а для этой цѣли надо хорошо познакомить учащихся со звуками живого языка, съ отношеніемъ этихъ звуковъ къ ихъ символамъ—буквамъ, съ исторіей русской азбуки и графики, съ дѣйствующими началами современной орфографіи и т. п. Изученіе системъ письма вообще и русской системы въ частности, понятно, можетъ быть приурочено только къ старшимъ классамъ, гдѣ оно будетъ являться какъ бы синтезомъ того, что въ младшемъ возрастѣ было усвоено только путемъ навыка.

В) Въ средней школѣ насъ не обучаютъ выразительности въ чтеніи. Такимъ образомъ преподаваніе русскаго языка въ средней школѣ нуждается не въ какихъ либо частичныхъ улучшеніяхъ, а въ коренной реформѣ. Поднять на возможную высоту теоретическое изученіе русскаго языка въ связи съ церковно-славянскимъ, какъ санскритомъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ настоящее время тѣмъ болѣе необходимо и кстати, что предполагаемая реформа школы стремится не только расширить среднее образованіе, но и придать этому образованію народный характеръ. Общее образованіе немислимо безъ серьезной историко-филологической основы, въ ряду же историческихъ наукъ наука о родномъ языкѣ должна занимать главное мѣсто. Родная рѣчь великое орудіе въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія самосознанія, но лишь въ томъ случаѣ, если мы не только умѣемъ владѣть этимъ орудіемъ, но научимся также и сознательно относиться къ нему.

Ю. Ю. Цвѣтковскій, возражая докладчику, доказывалъ, что роль школы въ дѣлѣ изученія русскаго языка очень большая; только въ школѣ ребенокъ можетъ научиться осмысленно говорить, читать и писать по-русски. Это является цѣлью всякой средней школы и служить предметомъ педагогической литературы, лучшие представители которой, какъ напр., Шереметевскій, постоянно заботились о томъ, чтобы эта цѣль достигалась полностью. Переходя къ частностямъ, г. Цвѣтковскій замѣтилъ, что существуютъ школы, въ которыхъ обращается большое вниманіе на выразительность въ чтеніи, хотя достаточно и того, чтобы учащійся научился только осмысленно читать, о чемъ средняя школа постоянно заботится. Въ нѣкоторыхъ школахъ сообщаются также и свѣдѣнія по исторіи русскаго языка, а въ военныхъ гимназій исторія этого языка преподается по преимуществу: тамъ изучаютъ грамматику Буслаева.

А. В. Михайловъ отвѣтилъ, что картина преподаванія русскаго языка, нарисованная оппонентомъ, очень привлекательна, но она не соответствуетъ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ—что касается средней школы Министерства Народнаго Просвѣщенія. Съ другой

стороны, докладчикъ не отрицаетъ значенія элементарнаго изученія русскаго языка въ средней школѣ: такое изученіе онъ считаетъ только недостаточнымъ, а въ самой элементарности видитъ недостатки. *С. И. Вѣховъ* призналъ изученіе грамматической системы въ низшихъ классахъ необходимымъ, а относительно введенія сравнительно-историческаго изученія русскаго языка сказалъ, что такой курсъ въ нашей школѣ едва-ли возможенъ, такъ какъ для этого необходимо широкое филологическое развитіе и богатый язычный матеріалъ. При отсутствіи въ средней школѣ того и другого, въ сравнительно-историческое изученіе языка неминуемо будетъ введенъ догматизмъ при объясненіи фактовъ, между прочимъ и того факта, который указанъ, въ видѣ иллюстраціи, докладчикомъ (почему во множеств. числѣ именъ муж. рода существуетъ много окончаній: рабы, сосѣди, учителя, сторожа, граждане, друзья). *Е. Θ. Карскій* замѣтилъ, что примѣръ, приведенный докладчикомъ, успѣшно объясняется нѣкоторыми грамматиками даже въ IV-мъ классѣ, при изученіи ц.-славянскаго языка.

А. В. Михайловъ въ отвѣтъ *С. И. Вѣхову* сказалъ, что о программѣ преподаванія русскаго языка въ старшихъ классахъ по сравнительно-историческому методу онъ не поднималъ пока вопроса, а потому судить о томъ, возможенъ или нѣтъ такой курсъ въ средней школѣ, преждевременно. Докладчикъ увѣренъ, что курсъ исторіи русскаго литературнаго языка въ русской школѣ вполне возможенъ, если только изученіе ц.-славянскаго языка будетъ поставлено въ этой школѣ на подобающую высоту, о чемъ въ докладѣ также высказывалось пожеланіе. *И. П. Созоновичъ* замѣтилъ, что въ средней школѣ нѣтъ надобности выходить изъ предѣловъ элементарнаго изученія русскаго языка, такъ какъ, съ одной стороны, надо имѣть въ виду окраины Россіи, а съ другой—руководствоваться примѣромъ Германіи и Франціи, гдѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ отечественный языкъ преподается только элементарно. *А. В. Михайловъ* сказалъ, что о постановкѣ преподаванія отечественныхъ языковъ въ Германіи и Франціи онъ пока не знаетъ, но полагаетъ, что тамъ дѣло не ограничивается элементарностью. Что касается ссылки на окраины, то докладчикъ вопроса о практическихъ приспособленіяхъ въ своей критической замѣткѣ не поднималъ: онъ говорилъ о преподаваніи русскаго языка въ школѣ только для русскихъ дѣтей.

П. А. Кулаковскій сказалъ, что *А. В. Михайловъ* смотритъ на современное преподаваніе русскаго языка въ средней школѣ довольно мрачно, утвержденіе же докладчика, будто исторія русскаго литературнаго языка въ гимназіяхъ не преподается, призналъ не совсемъ правильнымъ. По мнѣнію г. Кулаковскаго, при разборѣ литературныхъ образцовъ сообщаются и факты изъ исторіи русскаго литературнаго

языка. *А. В. Михайловъ* возразилъ, что эпизодическія сообщенія фактовъ язычнаго характера, при разборѣ образцовъ съ одной стороны и отрывочныхъ свѣдѣній по исторіи русскаго словаря и стиля, находящихся въ разныхъ пособіяхъ и руководствахъ — съ другой, нельзя считать какой либо исторіей русскаго языка. Такая исторія, какъ систематическое изложеніе образования и развитія звуковъ и формъ современнаго литературнаго языка на почвѣ языковъ старославянскаго и общерусскаго, по мнѣнію докладчика, носится пока въ воздухѣ: ее еще надо составить. *А. П. Росминскій* замѣтилъ, что въ пособіи Смирновскаго излагается исторія русскаго литературнаго языка, съ чѣмъ докладчикъ не согласился.

Пренія по докладу г. Михайлова были отложены до слѣдующаго за сѣданія, а *Ю. Ю. Цвѣтковскій* предложилъ просить докладчика представить главныя положенія прочитаннаго доклада.

V.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

25-го ноября 1901 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ *В. Н. Александренко*, присутствовало 26 членовъ.

Слушали докладъ *В. В. Есипова* „О преподаваніи права“¹⁾.

По выслушаніи доклада *Д. В. Туткевичъ* указалъ на замѣчаемое имъ пониженіе уровня познаній у современной молодежи, кончающей курсъ юридическихъ факультетовъ и поступающей на службу въ судебное вѣдомство. Повысить этотъ уровень необходимо, но методы университетскаго преподаванія должны быть индивидуализированы примѣнительно къ личнымъ особенностямъ какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Веденіе практическихъ занятій по юриспруденціи вообще не дѣло профессоровъ. Профессора располагаютъ для преподаванія юридической практики только однимъ матеріаломъ — кассационными рѣшеніями. Между тѣмъ эти рѣшенія охватываютъ только незначительную часть судебной практики, такъ какъ только состоятельные люди могутъ доводить свои дѣла до Сената. Широкая жизнь права движется въ сферѣ нужды; съ этою жизнью знакомы могутъ быть

¹⁾ Этотъ докладъ, напечатанный въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1901 г. № IX, помѣщается въ этомъ выпускѣ „Записокъ Общества“ по опредѣленію Совѣта Общества исторіи филологіи и права при Варшавскомъ Университетѣ, съ сохраненіемъ нумераціи „Извѣстій“.

только непосредственные практики—юристы. Их и должны приглашать юридическіе факультеты для практических занятій.

В. М. Савинковъ призналъ усиленіе практических занятій вреднымъ для образованія будущихъ юристовъ. Университетскія лекціи должны быть строго теоретичны. Главная задача университетскаго преподаванія—сообщеніе студентамъ общихъ правовыхъ идей и развитіе въ нихъ чутія правды. Разборъ казусовъ не дастъ имъ солидной подготовки для будущей судебной дѣятельности. Обладая достаточнымъ запасомъ общихъ идей и теоретическихъ познаній молодой юристъ быстро усвоитъ техническіе приемы судебной практики и прикладную сторону права.

Г. Θ. Симоненко упрекнулъ докладчика въ оптимизмъ, съ которымъ онъ смотритъ на нынѣшнюю постановку преподаванія на юридическихъ факультетахъ. По мнѣнію оппонента, нынѣшняя система преподаванія неправильна въ самой своей основѣ. Профессора-юристы теперь совершенно не знаютъ умственного уровня своихъ слушателей и потому читаютъ для нихъ неподходящіе курсы, стоящіе либо выше, либо ниже этого уровня. Студенты слушаютъ профессорскія чтенія пассивно и апатично; записываютъ только два-три человека, которые затѣмъ и издають свои записки въ литографированномъ видѣ. По этимъ литографированнымъ запискамъ, представляющимъ болѣею частью весьма несовершенную, а нерѣдко прямо таки искаженную передачу профессорскихъ чтеній, готовятся всѣ остальные студенты къ экзамену. Отбытіемъ въ такой формѣ экзаменаціонной повинности кончаются у большинства студентовъ-юристовъ всѣ расчеты съ наукою. Это порождаетъ въ студенческихъ умахъ поверхностное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ, что въ свою очередь поддерживаетъ университетскій кризисъ. Чтобы выйти изъ послѣдняго, *Г. Θ. Симоненко* считаетъ необходимымъ поднять научный уровень студентовъ и для этого предлагаетъ замѣнить нынѣшнее чтеніе лекцій конферсаторіями, т. е. веденіемъ живой бесѣды, діалоговъ со студентами по тѣмъ же вопросамъ, которые теперь профессоръ излагаетъ въ своихъ лекціяхъ. Для веденія конферсаторіевъ *Г. Θ. Симоненко* рекомендуетъ слѣдующіе приемы. За нѣсколько дней передъ каждой лекціей профессоръ долженъ сообщить своимъ слушателямъ, какимъ именно вопросамъ онъ намѣренъ посвятить ее, и указать научныя пособія, изъ которыхъ его аудиторія можетъ почерпнуть отвѣты на вопросы, подлежащіе обсужденію. Студенты получаютъ пособія изъ семинарской библіотеки и готовятся по нимъ дома. Самая лекція-бесѣда состоитъ въ преніяхъ между студентами на заданныя темы. Профессоръ руководитъ преніями и въ заключеніе собесѣдованія дѣлаетъ résumé тѣхъ главныхъ выводовъ, къ которымъ пришла его аудиторія, и производитъ оконча-

тельную оцѣнку степени научности этихъ выводовъ. Знаніе студентами такого сжато изложеннаго профессоромъ содержанія всѣхъ научныхъ бесѣдъ, дополненное тѣмъ, что каждый изъ слушателей успѣлъ вынести изъ прочитанныхъ имъ въ теченіе года книгъ, можетъ составить предметъ экзаменовъ. Такимъ путемъ поднимется научная самостоятельность студентовъ, которые при этомъ перейдутъ отъ пассивнаго заучиванія литографированныхъ записокъ къ активному изученію науки.

С. И. Выховъ указаль, что главное зло заключается въ отсутствіи у студентовъ самостоятельнаго научнаго интереса. Нельзя, однако, винить въ этомъ однихъ студентовъ. Вызывается это зло многопредметностью факультетскаго преподаванія. Знаніе должно быть не экстенсивно, но интенсивно. Поэтому слѣдуетъ раздѣлить юридическій факультетъ на разряды. Тогда, сосредоточившись въ болѣе тѣсномъ кругѣ, студенты будутъ работать съ болѣе большимъ интересомъ и съ болѣею самостоятельностью. Что касается веденія преподаванія, то оппонентъ полагаетъ, что нынѣшняя система нуждается въ исправленіи, но не въ радикальной ломкѣ. Нельзя сводить все преподаваніе къ однимъ конфераторіямъ, потому что дѣло отъ этого ничуть не выиграетъ, а только пострадаетъ. Конфераторіи сведутся къ замѣнѣ систематическихъ и продуманныхъ лекцій профессора отрывочными и не продуманными лекціями нѣсколькихъ студентовъ. Большинство аудиторіи будетъ по прежнему усваивать пассивно то, что удастся услышать; только слушать придется не профессора, а своихъ же товарищей. Лекціи слѣдуетъ сохранить, только содержаніемъ ихъ должны быть не установившіеся научные вопросы, а тѣ вопросы, разрѣшеніе которыхъ еще не установлено и возбуждаетъ сомнѣнія. По этимъ вопросамъ студенты и должны слушать профессорскія лекціи, которыя введутъ ихъ *in medias res* современнаго состоянія науки. Съ установившимися же воззрѣніями, съ вульгатой науки они должны знакомиться самостоятельно по указаннымъ профессоромъ учебникамъ и пособіямъ. Практическія занятія предназначаются для спеціальной цѣли пріученія студентовъ къ самостоятельнымъ и методическимъ научнымъ изысканіямъ. Задача ихъ заключается въ монографической разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ путемъ составленія студентами рефератовъ и публичнаго обсужденія ихъ въ аудиторіи.

Ө. В. Тарановскій выразилъ сомнѣніе въ возможности прохожденія всего университетскаго курса въ лекціяхъ-бесѣдахъ, такъ какъ весьма часто пренія студентовъ могутъ вовсе не выяснить сущности предложеннаго вопроса, и профессору придется только констатировать въ своемъ *résumé* полную ненаучность тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришла его аудиторія.

В. В. Есиповъ въ разъясненіе своего доклада высказалъ еще слѣдующее: 1) онъ самъ стоитъ противъ шаблонныхъ пріемовъ и защищаетъ индивидуализацію преподаванія; именно въ видахъ послѣдней предлагается имъ не одна форма научно-практическихъ занятій, а нѣсколько, притомъ самыхъ разнообразныхъ; для казуистическихъ и комментаторскихъ занятій докладчикъ считаетъ полезнымъ и весьма желательнымъ приглашеніе юристовъ-практиковъ; 2) практическія занятія, какъ ихъ понимаетъ и предлагаетъ докладчикъ, вовсе не ослабляютъ значенія теоріи и общихъ идей, но, напротивъ, способствуютъ лучшему ихъ усвоенію, снабжая студентовъ фактическимъ матеріаломъ, на который можно опереть излагаемую имъ теорію; 3) докладчикъ напомнилъ, что онъ самъ высказался противъ многопредметности и въ пользу раздѣленія юридическихъ факультетовъ на отдѣленія; 4) лекціямъ-бесѣдамъ отведено мѣсто въ ряду предложенныхъ разнообразныхъ формъ научно-практическихъ занятій; нельзя лишь согласиться съ тѣмъ, чтобы признать лекціи-бесѣды единственнымъ методомъ преподаванія и замѣнить ими не только все другія научно-практическія занятія, но и самыя лекціи.

Вслѣдствіе важности вопроса о преподаваніи права собраніе постановило продлить пренія о немъ и въ слѣдующемъ засѣданіи.

VI.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

1-го декабря 1901 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ *Е. О. Карскаго*, присутствовало 20 членовъ Общества и посторонніе посѣтители.

Послѣ подписи протокола предшествовавшего засѣданія возобновились пренія по докладу *А. В. Михайлова*: „Русскій языкъ въ средней школѣ“. Мнѣніе докладчика, что русскій языкъ изучается въ средней школѣ не на однихъ урокахъ этого языка, что обученію много помогаютъ и другіе школьные предметы, а также русская семья и вообще русская среда, вызвало возраженіе *Ю. А. Галабутскаго*. *Г. Галабутскій* думаетъ, что „другіе предметы“, напротивъ, только вредятъ изученію отечественнаго языка; преимущественно же это слѣдуетъ сказать о древнихъ языкахъ, преподавателями которыхъ были у насъ большею частью чехи, плохо владѣвшіе русскою рѣчью. И семья, по мнѣнію *Г. Галабутскаго*, тоже обыкновенно не содѣйствуетъ школьнику въ этомъ отношеніи, такъ какъ родители учащихся очень часто

бываютъ люди совсѣмъ необразованные. Далѣе г. Галабутскій не согласился и съ тѣмъ положеніемъ доклада, что въ русской школѣ не обучаютъ дѣтей выразительному чтенію. Ссылаясь на свой педагогическій опытъ и указывая на учебныя пособія по этому вопросу (Острогорскій), онъ, напротивъ, полагаетъ, что на выразительность въ чтеніи, если подъ этимъ не разумѣть „декламаціи“, школа всегда обращаетъ большое вниманіе. Въ заключеніе г. Галабутскій замѣтилъ, что онъ не можетъ также согласиться и съ желаніемъ докладчика ввести въ среднюю школу науку о русскомъ языкѣ. Такая „наука“, по его словамъ, практически неосуществима: не хватитъ школьнаго времени на изученіе предмета. *А. В. Михайловъ* отвѣтилъ, что возраженія г. Галабутскаго не оправдываются положеніемъ дѣла, потому что во 1-хъ) иностранные языки, изучаемые въ средней школѣ только на урокахъ этихъ языковъ, несомнѣнно, усваиваются хуже, чѣмъ языкъ русскій; во 2-хъ) оканчивающіе курсъ средней школы почти поголовно читать выразительно не умѣютъ и въ 3-хъ) наука о русскомъ языкѣ представляется г. Галабутскому болѣе трудной, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; школа, по мнѣнію г. Михайлова, легко можетъ удѣлить время на усвоеніе этой науки, если послѣднюю не отождествлять съ университетской наукой по этому предмету. *А. П. Косминскій* замѣтилъ, что поднять теоретическое изученіе русскаго языка въ средней школѣ необходимо. *В. С. Шимановскій* высказалъ мнѣніе, что спеціализація учебныхъ предметовъ въ средней школѣ вообще невозможна, а потому не слѣдуетъ вводить и науку о русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что наша средняя школа не даетъ для этой науки достаточно подходящаго сравнительно-историческаго матеріала. Въ видѣ иллюстраціи г. Шимановскій указалъ на звукъ *ъ*, о которомъ въ средней школѣ, по его мнѣнію, нельзя сказать ничего научнаго, кромѣ того, что и теперь говорится на урокахъ. *А. В. Михайловъ* сказалъ, что о программѣ „науки русскаго языка“ онъ пока не поднималъ еще рѣчи и ограничился только самыми общими указаніями. Увеличить теоретическія познанія въ русскомъ языкѣ вовсе не значитъ заставлять учениковъ спеціализироваться въ предметѣ, какъ, повидимому, думаетъ г. Шимановскій, указавшій на *ъ*. Между элементарнымъ, почти всецѣло практическимъ изученіемъ русскаго языка въ средней школѣ и спеціальнымъ изученіемъ этого предмета въ университетѣ существуетъ цѣлый рядъ посредствующихъ звеньевъ въ видѣ множества свѣдѣній научно-популярнаго и общеобразовательнаго характера, являющихся какъ бы введеніемъ въ курсъ спеціальнаго изученія исторіи русскаго языка; напр., о положеніи отечественнаго языка въ семьяхъ индо-европейской и славянской, о нарѣчіяхъ русскаго языка въ ихъ современномъ и прошломъ, о развитіи и образованіи русскаго литературнаго языка и т. п.

Заполняя эти пробѣлы, наука о русскомъ языкѣ позаботится также и о томъ, чтобы объяснить, освѣтить и привести къ ясному синтезу все приобрѣтенное по русской грамматикѣ догматически и бессознательно. Это можно сдѣлать, не вдаваясь въ спеціализацію предмета. Что же касается язычнаго матеріала, то въ средней школѣ, при хорошей постановкѣ ц.-славянскаго языка, онъ найдется въ достаточной степени. В. А. Францевъ, возражая г. Галабутскому на его отзывъ о чехахъ-учителяхъ въ Россіи, замѣтилъ, что упрекъ чехамъ несправедливъ. Нѣсколько десятковъ чеховъ, приглашенныхъ въ Россію въ качествѣ учителей древнихъ языковъ, не могли повредить русской молодежи въ усвоеніи родного языка. В. А. Францевъ убѣжденъ, что многіе изъ этихъ чеховъ хорошо познакомились съ русскимъ языкомъ, какъ напр., Черный, который сумѣлъ объяснить даже виды русскаго глагола. Такіе педагоги, какъ П. А. Лавровскій, не боялись чеховъ и сами приглашали ихъ въ Россію. Ю. А. Галабутскій замѣтилъ, что въ плохомъ знаніи русскаго языка сами чехи всегда сознавались. Послѣ этого А. В. Михайловъ сказалъ, что утвержденіе И. П. Созоновича, высказанное въ прошломъ засѣданіи, будто заграницей въ среднихъ школахъ преподаваніе отечественныхъ языковъ носить характеръ исключительно элементарный, не совсѣмъ правильно. Докладчику удалось найти въ библіотекѣ Варшавскаго университета нѣсколько новѣйшихъ учебныхъ программъ среднихъ школъ Германіи и Австріи. Изъ этихъ программъ (принесенныхъ въ засѣданіе) явствуетъ, что преподаваніе нѣмецкаго языка (собственно языка) тамъ во 1-хъ) распространяется и на старшіе классы, т. е. заканчивается VI-мъ, а не IV-мъ и даже III-мъ классомъ, какъ у насъ, и во 2-хъ) не ограничивается одною элементарностью, потому что въ программѣ VI-го класса есть пунктъ подъ заглавіемъ: „Genealogie der deutschen Sprache“. На вопросъ И. П. Созоновича, какія подробности заключаются въ этомъ пунктѣ, г. Михайловъ отвѣтилъ, что въ программахъ объ этомъ ничего не сказано. Тогда г. Созоновичъ замѣтилъ, что подъ „Genealogie“ слѣдуетъ понимать, вѣроятно, самыя общія свѣдѣнія о родствѣ индоевропейскихъ языковъ, обыкновенно встрѣчающіяся въ началѣ школьныхъ курсовъ по исторіи литературы.

По окончаніи преній Е. О. Карскій, признавая, что современная постановка преподаванія русскаго языка въ нашей школѣ дѣйствительно нуждается во многихъ улучшеніяхъ, прочелъ свой отзывъ о двухъ книгахъ Е. Будде: 1) Учебникъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Этимологія для среднихъ учебныхъ заведеній. Казань. 1901 г. 2) Къ вопросу о значеніи русскаго языка, какъ воспитательнаго и образовательнаго предмета, въ связи съ вопросомъ о современномъ положеніи школы. Казань 1901 г.—Хотя обѣ книги, по словамъ до-

кладчика, далеко не свободны отъ разныхъ ошибокъ, тѣмъ не менѣе онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія г.г. преподавателей русскаго языка. Въ нихъ высказанъ серьезный протестъ противъ современнаго положенія русскаго языка въ средней школѣ и его преподавателей „Со времени реформы гр. Д. А. Толстого“, говоритъ авторъ, „за отечественнымъ языкомъ прочно установилось въ нашей средней школѣ мѣсто второстепеннаго предмета преподаванія, и никакія мѣры послѣдняго времени не могутъ и отчасти еще не успѣли сдвинуть русскаго языка съ этого неподобающаго ему мѣста“. Второстепенная роль его обнаружилась въ преподаваніи *примынительно* къ изложенію латинскаго языка, часто учителемъ-классикомъ. Печальныя послѣдствія такого положенія дѣла обнаружились вскорѣ: 1) и общество и юношество оказались безъ какихъ бы то ни было научныхъ понятій объ языкѣ и его явленіяхъ, особенно въ области родного намъ языка; 2) всѣ начали отождествлять русскій языкъ съ русской орфографіей, такъ что грамотность стала считаться знаніемъ языка; 3) видя, какъ опредѣлена и точна грамматика древнихъ языковъ и за правописаніемъ не замѣчая русской грамматики, интеллигентное общество пришло къ заключенію, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ ничего устойчиваго и опредѣленнаго, что однообразіе даже въ орфографіи можетъ быть установлено лишь распоряженіемъ Министерства слѣдовать одному рекомендованному руководству. Между тѣмъ существуетъ наука о русскомъ языкѣ, и пора ей въ элементарной формѣ войти въ среднюю школу. Въ большинствѣ оканчивающихъ курсъ въ средней школѣ не идетъ на филологическій факультетъ, и слѣдовательно своихъ познаній въ этой области не расширяетъ. Все сказанное станетъ особенно ясно, если мы сравнимъ съ преподаваніемъ русскаго языка въ средней школѣ постановку изученія математики: здѣсь учащійся сразу долженъ погрузиться въ область серьезной мысли, которая развивается передъ нимъ въ учебникѣ, рѣшительно и смѣло приучая его къ обращенію съ отвлеченными понятіями и научнымъ методомъ. Оканчивая курсъ средней школы, учащійся не только умѣетъ правильно писать любое число (ср. русскую орфографію), но и даетъ объясненіе того или другого математическаго дѣйствія, сумѣетъ рѣшить задачу, держась извѣстной системы; мало того, онъ обладаетъ большимъ запасомъ отвлеченныхъ математическихъ представленій. Неуспѣшность преподаванія отечественнаго языка, по мнѣнію г. Будде, зависитъ также и отъ ненормальнаго нравственнаго и даже матеріальнаго положенія преподавателей этого предмета.

Въ учебникѣ г. Будде особенно много мѣста удѣлено фонетикѣ (57 стр.), въ которую вводятся данныя о живой рѣчи, а не только письмо; то же и въ морфологіи. Современныя явленія разсматриваются

иногда при историческомъ освѣщеніи. Учебникъ г. Будде, по мнѣнію докладчика, можетъ быть смѣло рекомендованъ для ознакомленія съ языкомъ ученикамъ старшихъ классовъ.

Послѣ небольшого перерыва *И. П. Филевичъ* прочиталъ докладъ: „Пробужденіе народнаго сознанія въ Галицкой Руси въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX вѣка“.

Переходъ Галиціи подѣ власть Австріи составилъ для галичанъ эпоху въ полномъ смыслѣ этого слова. Ихъ жизнь, отличавшаяся отъ жизни другихъ южно-русовъ, входившихъ въ составъ польскаго государства, лишь мѣстными особенностями, теперь оказалась въ совершенно другихъ условіяхъ, благодаря которымъ прежнія исторически сложившіяся польско-русскія отношенія должны были существенно измѣниться, а это, въ свою очередь, повліяло на положеніе галицко-русскаго народа. При переходѣ подѣ власть Австріи русское населеніе Галиціи состояло почти исключительно изъ сѣрой народной массы. Единственнымъ представителемъ этой сельщины было духовенство, которое однако въ то время мало отличалось отъ „хлоповъ“ и, подобно послѣднимъ, даже отбывало барщину; высшее же духовенство, состоявшее почти исключительно изъ базилианъ, было совершенно ополячено. На возрожденіе русской народности въ Галиціи потеряли надежду даже тѣ представители высшаго духовенства, которые еще не утратили русскаго народнаго чувства. Такъ, Львовскій офиціалъ Левинскій въ то время писалъ: „Я совершенно сроднился съ мыслью, что Русь скорѣе погибнетъ, чѣмъ что-либо изъ нея выйдетъ: жаль, что мы учились, потому что въ невѣжествѣ мы не чувствовали своего рабства!“ Но въ это именно время на галицко-русскую народность обратило вниманіе Вѣнское правительство. Благодаря этому, въ Галиціи возникъ т. н. „русскій“ вопросъ (*sprawa russka*), который такимъ образомъ тянется съ первыхъ годовъ австрійскаго господства (а не съ 1848 г., какъ нерѣдко думаютъ) и, надо сказать, не окончательнo рѣшенъ и въ настоящее время. Докладчикъ остановился лишь на первомъ періодѣ исторіи этого вопроса, при чемъ имѣлъ въ виду не столько политическіе факты, сколько культурно-этнологическіе, явившіеся результатомъ всей совокупности новыхъ условій жизни галицкаго народа. Самымъ важнымъ фактомъ въ этомъ отношеніи было прежде всего то, что польская шляхта сразу потеряла прежнее значеніе исключительной представительницы государственности. Австрія, не нарушая при Маріи Терезіи правъ помѣщиковъ, тѣмъ не менѣе старалась показать, что и надъ ними есть сильная власть, которой они должны безпрекословно повиноваться. Затѣмъ правительство обратило большое вниманіе на юридическое положеніе русскаго духовенства: его сровняли въ правахъ съ латинскимъ и въ то же время были приняты

мѣры къ поднятію его образованія. Особенно много было сдѣлано для русской народности при Іосифѣ II; русскій языкъ при немъ официально сталъ называться *Landes-Volks-und Nationalsprache*; въ 1781 г. издается цѣлый рядъ распоряженій, имѣющихъ въ виду облегченіе положенія крестьянъ; учреждается Львовская духовная семинарія, а затѣмъ и Львовскій университетъ, въ которомъ съ 1787 г. на богословскомъ и философскомъ факультетахъ было введено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, т. е. тогдашнемъ литературномъ славяно-русскомъ. Эти распоряженія произвели, можно сказать, переворотъ въ жизни галицко-русской народности. Въ ея средѣ зарождается интеллигенція, которая должна была въ силу вещей стать народною и сдѣлаться естественной защитницей народныхъ правъ. Это, казалось, открывало блестящія перспективы русской народности въ Галиціи. Но со смертію Іосифа всѣ надежды рушились. Съ возвышеніемъ польской шляхты положеніе русскаго народа сразу измѣнилось къ худшему, тѣмъ болѣе, что Австрія въ это время становится непосредственною сосѣдкой Россіи и начинаетъ подозрительно смотрѣть на русское населеніе Галиціи. Название *ruthenus* мало-помалу вытѣсняется выраженіемъ *graeco-catholicus*; воспитанники такъ называемаго „русскаго института“ въ Львовскомъ университетѣ обозначаются терминомъ *veteris educationis* и получаютъ, сравнительно съ прежнимъ, меньшее содержаніе. Въ 1805 г. всѣ народныя школы отдаются подъ надзоръ католическаго духовенства (что продолжалось до 1815 г.); въ 1808 году т. н. „русскій институтъ“ закрываютъ, въ консисторіи русскій языкъ исчезаетъ изъ дѣлопроизводства, а въ 1816 г. власть высказываетъ даже сомнѣніе насчетъ русскаго преподаванія въ народныхъ школахъ. „Для просвѣщеннаго и либеральнаго Австрійскаго правительства“, говорилось въ губернскомъ объясненіи 1816 г., „нѣтъ никакой надобности затруднять преподаваніе на народныхъ языкахъ; но если имѣть въ виду политическія соображенія, то польскій языкъ слѣдуетъ въ Галиціи предпочесть рутенскому языку, такъ какъ послѣдній представляетъ лишь нарѣчіе (*Abartung*) русскаго языка“. Митрополиту по этому поводу пришлось объяснять, что рутенскій языкъ есть совершенно особый самостоятельный языкъ, а не нарѣчіе русскаго языка. Но объясненія дѣйствовали плохо. Въ 1821 г. митрополиту было рекомендовано употреблять въ пастырскихъ посланіяхъ мѣстный говоръ, понятный для народа. Митрополитъ отвѣтилъ на это цѣлымъ ученымъ трактатомъ (его составилъ каноникъ Могильницкій), въ которомъ доказывалось, что рутенское или малорусское нарѣчіе такая же самостоятельная вѣтвь праславянскаго языка, какъ и другія славянскія нарѣчія. Какъ отнеслось къ этому трактату Австрійское правительство, неизвѣстно, но митрополитъ послѣ этого предпочиталъ изда-

вать свои посланія по-латыни, даже по-нѣмецки, а не по-русски. Такъ кончилось первое пробужденіе галицко-русскаго народнаго самосознанія. Выставленное въ 20-хъ годахъ 19-го столѣтія знамя малорусской народной индивидуальности не спасло галицко-русской интеллигенціи отъ почти общаго ополяченія, и только новыя идеи 30-хъ годовъ возбуждаютъ, впрочѣмъ на очень короткое время, русское самосознаніе въ стѣнахъ Львовской духовной семинаріи ¹⁾.

VII.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

8-го декабря 1901 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Общества А. Г. Гусакова, присутствовало 24 члена.

Слушали докладъ *Θ. В. Тарановскаго*: „Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка“ ²⁾.

Выслушавъ докладъ *Θ. В. Тарановскаго*, собраніе, по предложенію *Д. В. Туткевича*, перешло къ дальнѣйшему обсужденію вопроса о преподаваніи права, отложенному отъ предшествовавшаго засѣданія.

При этомъ обсужденіи отдѣльные члены высказали въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Н. А. Потаповъ познакомилъ собраніе съ порядкомъ веденія практическихъ занятій въ Военно-Юридической Академіи. Занятія эти ведутся тамъ на старшемъ курсѣ въ формѣ примѣрнаго судового реченія, причемъ каждому слушателю приходится послѣдовательно проходить всѣ процессуальныя роли: судьи, обвинителя и защитника. По убѣжденію *Н. А. Потапова*, основанному на личномъ опытѣ и наблюденіи, эти занятія никого ничему не учатъ и потому въ учебномъ отношеніи совершенно бесполезны. Да и вообще практическая подготовка въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія совершенно излишня, потому что она приобрѣтается несравненно легче, быстрѣе и основательнѣе во время судебного стажа, въ теченіе котораго каждому кандидату на судебныя должности приходится провести до сотни дѣлъ. Значеніе практическихъ занятій въ Военно-Юридической Академіи не учебное,

¹⁾ См. „Варш. Унив. Извѣстія“, 1902 г., № IV. *И. П. Филевичъ*, Изъ исторіи Карпатской Руси.

²⁾ Этотъ докладъ помѣщается въ настоящемъ выпускѣ „Записокъ“ Общества, см. отдѣлъ II, стр. 1 слл.

но служебное. По нимъ опредѣляется способность слушателей къ предстоящей судебной дѣятельности и опредѣляется, по наблюденію и восьмилѣтнему опыту Н. А. Потапова, безошибочно. Начальство Академіи само смотритъ на практическія занятія, какъ на своеобразное испытаніе будущей служебной годности слушателей.

Д. П. Грановскій указалъ, что въ университетѣ постановка практическихъ занятій должна быть значительно шире. Въ немъ слушатели должны быть раздѣлены на двѣ группы: готовящихся къ ученой дѣятельности и готовящихся къ практической дѣятельности. Для каждой изъ двухъ группъ должны быть устроены особыя практическія занятія. Спеціальныя упражненія въ примѣрномъ судоговореніи имѣютъ для университета только весьма относительное значеніе.

А. А. Адриановъ обратилъ вниманіе на то, что и въ университетѣ число лицъ, готовящихся къ ученой дѣятельности, крайне незначительно; громадное большинство университетскихъ слушателей—будущіе юристы-практики; поэтому и практическія занятія на юридическихъ факультетахъ должны быть приноровлены къ потребностямъ большинства ихъ слушателей.

VIII.

Годичное собраніе Общества.

27-го января 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ товарища предѣлателя Общества Н. Н. Любовича, присутствовало около 70 членовъ Общества.

Слушали слѣдующій отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 1901 г., составленный секретаремъ Общества Г. В. Демченкомъ.

О Т Ч Е Т Ъ.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества.

При своемъ возникновеніи Общество состояло изъ 21 члена-учредителя, которые принадлежали къ составу профессоровъ и преподавателей Университета. Въ теченіе 1901 года произошли нижеслѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ Общества.

Во-первыхъ, Общество лишилось одного изъ своихъ членовъ-учредителей въ лицѣ доцента Университета, Θεодора Ивановича Іезберы, скончавшагося 22 октября 1901 г.

Во-вторыхъ, личный составъ Общества пополнился новыми лицами, избранными въ дѣйствительные члены Общества, такъ что къ 1-му января 1902 года всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ было 100.

Такимъ образомъ Общество состоитъ изъ 120 членовъ: 20 членовъ-учредителей и 100 дѣйствительныхъ членовъ. Общее количество тѣхъ и другихъ распределяется слѣдующимъ образомъ: по мѣсту жительства членовъ иногородныхъ — 10 и мѣстныхъ 110; по занятіямъ—профессоровъ и преподавателей Университета—34, лицъ судебнаго вѣдомства—36, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній—30, лицъ другихъ профессій—20.

Общество состоитъ изъ двухъ отдѣленій—историко-филологическихъ наукъ и юридическихъ наукъ. Большинство членовъ Общества (70) въ отдѣленія не записывались; меньшинство же распредѣлилось такъ: въ оба отдѣленія записалось членовъ—31, въ одно историко-филологическое отдѣленіе—18, въ одно юридическое—1.

Изъ числа проживающихъ въ Варшавѣ членовъ Общества нѣкоторые по избранію входятъ въ составъ Бюро и Совѣта Общества и завѣдываютъ текущими дѣлами, имуществомъ и научной дѣятельностью послѣдняго. Бюро Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ, избранныхъ въ общихъ собраніяхъ 18-го января, 14 и 21 февраля и 16 марта 1901 года: предсѣдателя—Θ. И. Леонтовича, товарища предсѣдателя—Н. Н. Любовича, казначея—О. Θ. Базинера, секретаря—Г. В. Демченка и бібліотекаря—С. И. Вѣхова. Кромѣ того, въ отдѣленіи юридическихъ наукъ предсѣдателемъ состоялъ В. Н. Александренко, а секретаремъ Θ. В. Тарановскій, временно исполнявшій эту обязанность вмѣсто отказавшагося А. В. Горбунова; въ отдѣленіи историко-филологическихъ наукъ предсѣдателемъ состоялъ Е. Θ. Карскій, а секретаремъ А. В. Михайловъ. Въ составѣ Совѣта Общества, которому принадлежитъ завѣдываніе текущими дѣлами Общества, находились: по должности—предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, предсѣдатели двухъ отдѣленій и секретарь Общества; сверхъ того по особому избранію—отъ отдѣленія историко-филологическихъ наукъ И. П. Созоновичъ, отъ отдѣленія юридическихъ наукъ А. Г. Гусаковъ. Редакторомъ изданій Общества былъ избранъ Н. И. Новосадскій. Въ составъ ревизіонной комисиіи вошли по избранію—А. А. Бржезинскій, Д. В. Туткевичъ и А. П. Косминскій.

II. Свѣдѣнія о состояніи бібліотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Библіотека Общества въ теченіе отчетнаго года пополнялась пожертвованіями и книгами, поступившими въ виду предложенія Общества обмѣниваться изданіями. Къ 1-му января 1902 года числилось поступившими въ Библиотеку: книгъ—32 названія въ 34 томахъ, періодическихъ и повременныхъ изданій—39 названій въ 199 томахъ; такимъ образомъ всего было 71 названіе въ 233 томахъ.

Средства Общества къ 1-му января 1902 года слагались изъ прихода 395 рублей членскихъ взносов, полученныхъ отъ 79 членовъ; расхода—93 рублей 35½ коп. Въ остаткѣ къ 1-му января 1902 года находилось 301 рубль 64½ коп., изъ которыхъ 300 рублей хранятся въ Государственной Сберегательной Кассѣ.

Въ этихъ свѣдѣніяхъ о состояніи бібліотеки Общества обращаетъ на себя вниманіе фактъ усиленнаго поступленія въ библиотеку книгъ и изданій, присылаемыхъ отъ другихъ Обществъ, Университетовъ, Академій, редакцій и учреждений, причемъ нѣкоторые изъ нихъ доставили весьма цѣнныя пожертвованія (напр., Императорское Историческое Общество въ Петербургѣ выслало свыше 100 томовъ своихъ изданій).

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Вновь учрежденное Общество (уставъ его утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, покойнымъ Н. П. Боголѣповымъ, 24 ноября 1900 года) было создано на первое общее собраніе г. ректоромъ Университета 18-го января 1901 г. Это засѣданіе, а равно и слѣдующія за нимъ четыре (14 и 21 февраля, 8 и 16 марта) были посвящены (исключительно) избранію новыхъ членовъ и вопросамъ организациі самого Общества, какъ то: избраніе должностныхъ лицъ, опредѣленіе размѣровъ членскаго взноса, установленіе порядка распорядительныхъ собраній и т. п.

Ученая дѣятельность Общества открылась въ соединенномъ засѣданіи обоихъ отдѣленій, состоявшемся 30-го сентября 1901 г. Въ этомъ засѣданіи были сдѣланы три сообщенія: Е. Θ. Карскимъ—О задачахъ историко-филологическаго отдѣленія Общества, В. Н. Александренкомъ—О происхожденіи юридическихъ обществъ въ Россіи и за границей, Н. Н. Любимичемъ—О статистическомъ методѣ въ приложеніи къ исторіи. Послѣ этого Общество имѣло ученые собранія отдѣленій

приблизительно через каждыя двѣ недѣли. Отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ имѣло три собранія и выслушало 6 докладовъ: П. А. Заболотскаго—Нынѣшнее состояніе Запорожской Сѣчи, С. Н. Браиловскаго—Нѣсколько экскурсовъ въ область школьной грамматики отечественнаго языка, В. А. Францева—Очеркъ исторіи попытокъ образованія единой славянской азбуки, А. В. Михайлова—Русскій языкъ въ средней школѣ, Е. Θ. Карскаго—Отзывъ о новыхъ книгахъ, И. П. Филевича—Пробужденіе народнаго сознанія въ Галицкой Руси въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ. Отдѣленіе юридическихъ наукъ также имѣло три собранія и выслушало три доклада: А. Г. Гусакова—Современныя задачи правовѣдѣнія, В. В. Есипова—Къ вопросу о преподаваніи права, Θ. В. Тарановскаго—Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка.

Для текущихъ дѣлъ и избранія новыхъ членовъ Общества распорядительныя собранія устраивались обыкновенно совмѣстно съ засѣданіями отдѣленій. Всѣхъ распорядительныхъ собраній, считая въ томъ числѣ и первоначальныя организаціонныя собранія, состоялось 10. На этихъ собраніяхъ былъ между прочимъ разрѣшенъ вопросъ о предстоящемъ чествованіи памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.

Такимъ образомъ въ теченіе года Общество собиралось всего 17 разъ: 10 разъ въ распорядительныхъ собраніяхъ и 7 разъ въ собраніяхъ ученыхъ. Въ ученыхъ собраніяхъ было доложено 12 рефератовъ и сообщеній, большинство изъ которыхъ вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній между присутствовавшими въ засѣданіяхъ членами Общества. Часть рефератовъ была посвящена вопросамъ, стоящимъ въ связи съ реформой преподаванія какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ. Этимъ Общество отозвалось на одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и жизненныхъ вопросовъ времени.

Послѣ отчета была прочитана *Д. В. Туткевичемъ* рѣчь „О введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ установленій въ Варшавскомъ судебномъ Округѣ“¹⁾.

¹⁾ Эта рѣчь помѣщается во II отдѣлѣ „Записокъ“ Общества, см. стр. 92 слѣд.

Приложенія къ протоколамъ за 1901 годъ.

I. Списокъ членовъ-учредителей и дѣйствительныхъ членовъ Общества (къ 1 іюня 1902 г.).

1. Адріановъ, Александръ Александровичъ.
Акаемовъ, Николай Теоодоровичъ.
Александренко, Василій Никифоровичъ (членъ-учредитель).
Архангельскій, Теоодоръ Ивановичъ.

Багговутъ, Александръ Эдуардовичъ.
Базинеръ, Оскаръ Теоодоровичъ.
Барановичъ, Михаилъ Андреевичъ.
Баранъ-Бутовичъ, Михаилъ Гавриловичъ.
Баранъ-Бутовичъ, Петръ Гавриловичъ.
10. Бенедиктовъ, Петръ Васильевичъ.
Блокъ, Александръ Львовичъ.
Болотниковъ, Петръ Васильевичъ.
Браиловскій, Сергѣй Николаевичъ.
Бржезинскій, Александръ Алексѣевичъ.
Будкевичъ, Флоръ Павловичъ.
Булашевъ, Василій Маврикіевичъ.
Бѣловъ, Григорій Васильевичъ.
Бѣлоруссовъ, Алексѣй Ивановичъ.

Василевскій, Николай Александровичъ.
20. Венгеровъ, Леонъ Соломоновичъ.
Вехтерштейнъ, Эдуардъ Соломоновичъ.
Вилліамсъ, Петръ Петровичъ.
Владиміровъ, Теоодоръ Николаевичъ.
Воиновъ, Алексѣй Ивановичъ.
Волковъ, Яковъ Дмитріевичъ.
Вурцель, Сергѣй Львовичъ.
Вѣховъ, Сергѣй Ивановичъ (членъ-учредитель).

Галабутскій, Юрій Андреевичъ.
Гартманъ, Владиміръ Юльевичъ.
30. Гильченко, Эрастъ Павловичъ.
Голоскевичъ, Константинъ Ивановичъ.
Горбуновъ, Александръ Владиміровичъ.
Горбъ-Ромашкевичъ, Теоодосій Кузьмичъ (членъ-учредитель).
Грановскій, Діодоръ Петровичъ.

Грудининъ, Константинъ Порфиріевичъ.
Гусаковъ, Андрей Георгіевичъ (членъ-учредитель).

- Даниловъ, Петръ Григорьевичъ.
Даринскій, Алексѣй Ильичъ.
Дегенъ, Евгенийъ Викторовичъ.
40. Демченко, Григорій Васильевичъ (членъ-учредитель).
Димитріу, Алексѣй Константиновичъ.
Добровольскій, Иванъ Петровичъ.
Друцкой, князь, Сергѣй Александровичъ.
Дубровскій, Николай Александровичъ.
Дыдынскій, Оеодоръ Максимиліановичъ.
Дьяконовъ, Лука Григорьевичъ.
Дьячанъ, Филиппъ Никитичъ.
- Евдокимовъ, Александръ Николаевичъ.
Егоровъ, Несторъ Евгениевичъ.
50. Есиповъ, Владиміръ Владиміровичъ (членъ-учредитель).
Жижинъ, Василій Дмитріевичъ.
Жуковъ, Петръ Николаевичъ.
- Заболотскій, Петръ Александровичъ.
Замотинъ, Иванъ Ивановичъ.
Засеъ, баронъ, Альфредъ Вильгельмовичъ.
Здановичъ, Паулинъ Паулиновичъ.
Зенгеръ, Григорій Эдуардовичъ (С.-Петербургъ).
Зигель, Оеодоръ Оеодоровичъ (членъ-учредитель).
- Иванюковъ, Иванъ Ивановичъ.
60. Имшенецкій, Митрофанъ Михайловичъ.
Истоминъ, Владиміръ Аввакумовичъ (Люблинъ).
Истринъ, Александръ Михайловичъ.
- Калинсъ, Александръ Александровичъ.
Карскій, Евфимій Оеодоровичъ (членъ-учредитель).
Ковалевскій, Константинъ Григорьевичъ.
Косминскій, Алексѣй Петровичъ.
Костылевъ, Владиміръ Андреевичъ (Калишъ).
Крижановскій, Антонъ Антоновичъ.
Крыловъ, Иванъ Александровичъ (Сосновицы).
70. Кулаковскій, Платонъ Андреевичъ (членъ-учредитель).
Кулинскій, Георгій Васильевичъ.

Леонтовичъ, Теоdorf Ивановичъ (членъ-учредитель).
Леонтьевъ, Андрей Андреевичъ.
Логиновскій, Вячеславъ Андреевичъ.
Лубенцовъ, Александръ Николаевичъ.
Любовичъ, Николай Николаевичъ (членъ-учредитель).
Лянчи, Францъ Францевичъ.

- Майдель, баронъ, Артуръ Васильевичъ.
Македонскій, Григорій Ивановичъ.
80. Малаевъ, Александръ Николаевичъ.
Матвѣевъ, Антонъ Александровичъ.
Мартыановъ, Іоакимъ Яковлевичъ.
Милеантъ, Владиміръ Георгіевичъ.
Михайловъ, Александръ Васильевичъ (членъ-учредитель).
Мошковъ, Валентій Александровичъ.

- Невзоровъ, Николай Васильевичъ.
Никольскій, Александръ Александровичъ.
Нимандеръ, Евгений Петровичъ.
Новосадскій, Николай Ивановичъ (членъ-учредитель).
90. Новосельскій, Николай Аполлинаріевичъ.

Окоемовъ, Иванъ Кондратьевичъ.

- Павловъ, Теоdorf Ивановичъ.
Пакалнынъ, Павелъ Ивановичъ (Кѣльцы).
Паренсовъ, Петръ Дмитріевичъ.
Петрушевскій, Дмитрій Моисеевичъ (членъ-учредитель).
Петцъ, фонъ, Константинъ Германовичъ.
Плонскій, Александръ Людвиговичъ.
Потаповъ, Николай Александровичъ.
Прозерскій, Александръ Васильевичъ.
100. Пугунецъ, Евфимій Онуфріевичъ.

Раденъ, баронъ, Эдмундъ Теоdorfовичъ.
Рексъ, Николай Карловичъ.
Родзянко, Сергій Николаевичъ.
Рождественскій, Григорій Григорьевичъ.

Савинковъ, Викторъ Михайловичъ.
Сарандо, Анастасій Константиновичъ.
Севастьяновъ, Иванъ Петровичъ.
Селиверстовъ, Иванъ Петровичъ.
Симоненко, Григорій Теоdorfовичъ.

110. Скрябинъ, Михаилъ Дмитриевичъ.
Смирновъ, Александръ Ивановичъ (членъ-учредитель).
Смирновъ, Константинъ Матвѣевичъ.
Созоновичъ, Иванъ Петровичъ (членъ-учредитель).
Соловскій, Павелъ Николаевичъ.
Соловьевъ, Сергѣй Львовичъ.
Софійскій, Иванъ Яковлевичъ.
Спекторскій, Евгенийъ Васильевичъ.
Срѣтенскій, Олимпій Яковлевичъ.
Струве, Генрихъ Юрьевичъ.
120. Суловскій, Ромуальдъ Станиславовичъ.
Тарановскій, Ѳеодоръ Васильевичъ (членъ-учредитель).
Тарле, Евгенийъ Викторовичъ (С.-Петербургъ).
Теодоровичъ, Николай Константиновичъ.
Тимановскій, Андрей Тихоновичъ.
Тиховъ, Николай Захаровичъ.
Топачевскій, Владиміръ Владиміровичъ.
Троицкій, Василій Флоровичъ.
Туткевичъ, Дмитрій Васильевичъ.
130. Ульяновъ, Григорій Константиновичъ (членъ-учредитель).
Устимовичъ, Петръ Михайловичъ (Воронежъ).
Филевичъ, Иванъ Порфирьевичъ (членъ-учредитель).
Францевъ, Владиміръ Андреевичъ.
Харламовъ, Николай Васильевичъ.
Холодовскій, Евгенийъ Григорьевичъ.
Цвѣтаевъ, Дмитрій Владиміровичъ (членъ-учредитель).
Цвѣтковскій, Юрій Юрьевичъ.
Цвѣтковъ, Иванъ Поліевктовичъ.
Чижъ, Григорій Прокофьевичъ.
Чичеринъ, Алексѣй Петровичъ (Петроковъ).
140. Шаблюевскій, Павелъ Владиміровичъ.
Швачко, Илья Гавриловичъ.
Шейминъ, Петръ Николаевичъ.
Шенбергъ, Густавъ Эдуардовичъ.
Шимановскій, Василій Степановичъ.
Штральборнъ, Константинъ Карловичъ.
Щегловъ, Василій Николаевичъ.

Эйсмонтъ, Николай Семеновичъ.
Эльмановичъ, Спиридонъ Дмитріевичъ.
Энманъ, Викторъ Теофоровичъ.

150. Юшкевичъ, Борисъ Адамовичъ.

Янковскій, Дмитрій Порфирьевичъ (Холмъ).
Ястребовъ, Михаилъ Владиміровичъ.
Ятвинскій, Каллистъ Теофановичъ.

Оеоктистовъ, Василій Кондратьевичъ.

II. Должностныя лица Общества.

Предсѣдатель — О. И. Леонтовичъ.

Товарищъ предсѣдателя — Н. Н. Любавичъ.

Редакторъ изданій Общества — Н. И. Новосадскій.

Казначей — О. О. Базинеръ.

Библіотекаръ — С. И. Вѣховъ.

Секретарь — Г. В. Демченко.

Въ отдѣленіи юридическихъ наукъ — предсѣдатель В. Н. Александренко, секретарь О. В. Тарановскій.

Въ отдѣленіи историко-филологическихъ наукъ — предсѣдатель Е. О. Карскій, секретарь А. В. Михайловъ.

Члены Совѣта Общества — О. И. Леонтовичъ, Н. Н. Любавичъ, В. Н. Александренко, Е. О. Карскій, Г. В. Демченко. Кромѣ того, по избранію отъ юридическаго отдѣленія А. Г. Гусаковъ и отъ историко-филологическаго отдѣленія — И. П. Созоновичъ.

III. Правила объ изданіи „Записокъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ“.

Общество исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ издаетъ періодическій сборникъ подъ заглавіемъ: „Записки Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ“.

„Записки“ Общества состоятъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются протоколы ученыхъ собраній Общества, годовые отчеты объ его дѣятельности и состояніи его суммъ и библіотеки, а также свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества. Во второмъ отдѣлѣ печатаются рефераты научнаго характера, читанные въ собраніяхъ Общества, и ученые труды членовъ Общества. Въ составъ третьяго от-

дѣла входятъ матеріалы, издаваемые Обществомъ, а также бібліографическія и критическія замѣтки, сообщаемыя въ засѣданіяхъ Общества.

Въ случаѣ недостатка матеріаловъ для третьяго отдѣла, „Записки“ могутъ состоять только изъ I и II отдѣловъ.

„Записки“ издаются въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія матеріала, отдѣльными книжками размѣромъ отъ шести печатныхъ листовъ.

Протоколы ученыхъ собраній Общества готовятся къ печати секретарями отдѣленій Общества по принадлежности, а общій годичный отчетъ—секретаремъ Общества.

Протоколы ученыхъ собраній, рефераты и матеріалы, по мѣрѣ ихъ доклада въ собраніяхъ Общества, передаются редактору „Записокъ“, который представляетъ ихъ со своими заключеніями въ Совѣтъ Общества. Совѣтъ рѣшаетъ, въ какомъ объемѣ слѣдуетъ печатать протоколы ученыхъ собраній, а также обсуждаетъ вопросъ о допущеніи къ печати представленныхъ ему рефератовъ, статей, матеріаловъ и объявленій о различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Опредѣленіе Совѣта по этимъ вопросамъ постановляется закрытой баллотировкою. Послѣ этого весь подлежащій печатанію матеріалъ вручается редактору „Записокъ“, который наблюдаетъ за его изданіемъ.

Корректурa I отдѣла „Записокъ“ исполняется редакторомъ этого изданія, а корректурa II и III отдѣловъ лежитъ на отвѣтственности авторовъ рефератовъ и лицъ, доставившихъ Обществу матеріалы для изданія.

Совѣтъ общества опредѣляетъ размѣры каждой книжки „Записокъ“ и ея цѣну. Предсѣдатель Общества утверждаетъ своей подписью счета типографіи, провѣренные редакторомъ „Записокъ“. Уплату за печатаніе по утвержденнымъ счетамъ производитъ кассой Общества.

„Записки“ печатаются въ типографіи Варшавскаго Учебнаго Округа на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены контрактомъ Правленія Варшавскаго Университета съ этой типографіей для печатанія „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“. Шрифтъ и форматъ „Записокъ“ тѣ же, какіе и „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“.

„Записки“ Общества издаются въ количествѣ 400 экземпляровъ.

Авторы и издатели матеріаловъ получаютъ бесплатно 50 оттисковъ своихъ статей.

Складъ изданій Общества помѣщается въ Университетѣ.

IV. Каталогъ

*книжъ и періодическихъ изданій, поступившихъ въ бібліотеку
Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ
Варшавскомъ Университетѣ къ 1-му іюня 1902 г.*

А. К Н И Г И.

Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммиссіею. Архивъ главнаго управленія Намѣстника Кавказскаго. Т. II—X. Архивъ Канцеляріи Главнначальствующаго. Т. XI. Тифлисъ, 1868—88.—Fol. 1.

Арсеній, архимандритъ (состав.). Описаніе Кашинскаго Димитровскаго монастыря Тверской епархіи. Изданіе Тверской ученой арх. Коммиссіи. Тверь, 1901.—8°/31.

Вахромѣвъ, И. А. Княжія и царскія грамоты Ярославской губерніи. Москва, 1881.—4°/1.

Вахромѣвъ, И. А. Историческіе акты Ярославскаго Спасскаго монастыря. Т. I—III и дополненіе. Москва, 1896.—4°/2.

Виноградовъ, И. А. Археологическая экскурсія въ село Кожино и города Кашинъ, Калязинъ и Угличъ (съ 14 снимками). Изданіе Тверской учен. арх. Коммиссіи. Тверь, 1901.—8°/22.

Владиславлевъ, А., см. Патріотическое настроеніе въ произведеніяхъ Пушкина.—8°/8.

Выпись изъ Тверскихъ писцовыхъ книгъ Потапа Нарбекова и подъячаго Богдана Оаддеева 1626 года. Изданіе Тверской ученой арх. Коммиссіи. Тверь, 1901.—8°/7.

Вѣдомость, учиненная въ Тверской Казенной Палатѣ о находящихся при Тверскомъ архіепископскомъ домѣ и монастыряхъ земляхъ, мельницахъ и рыбныхъ ловляхъ. Изданіе Тверской ученой арх. Коммиссіи. Тверь, 1901.—8°/23.

Гадинскій, А. С. Чествованіе памяти Великаго князя Георгія Всеволодовича. Изд. Нижегородской губ. учен. Коммиссіи. Нижній-Новгородъ, 1894.—8°/19.

Завьяловъ, І. Матеріалы для исторіи и археологіи по городу Капшину. Изд. Тверской учен. арх. Коммиссіи. Тверь, 1901.—8°/4.

Значеніе поэзіи А. С. Пушкина. Изд. Тверскаго Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Тверь, 1899.—8°/12.

Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Сост. А. Н. Минхъ. Т. I, вып. 1 (лит. А—Г), 2 (лит. Д—К), 2 (продолженіе). Приложение къ Трудамъ Саратовской ученой арх. Коммиссіи. Саратовъ, 1898—1900.—8°/21.

Историческіе Акты Ярославскаго Спасскаго монастыря, см. Вахромѣевъ, И. А.—4°/2.

Каталогъ музея Черниговской губернской арх. Коммисіи. Черниговъ (безъ обозначенія года).—4°/4.

Колосовъ, В. И. Михаилъ Александровичъ князь Тверской и Микулинскій. Изд. Тверскаго общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Тверь, 1900.—8°/13.

Колосовъ, В. И. Рѣчь, произнесенная въ залѣ Тверской городской думы на вечерѣ, посвященномъ памяти А. С. Пушкина. Изданіе Тверскаго Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Тверь, 1899.—8°/9.

Краевскій. Краткія свѣдѣнія о личномъ составѣ и движеніи дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго Судебнаго Округа за XV лѣтъ (1876—1890). Варшава, 1891.—8°/27.

Крыловъ, Д. П., см. Значеніе поэзіи А. С. Пушкина. Тверь, 1899. 8°/12.

Крыловъ, Е. В., см. Пушкинъ, какъ историкъ. Тверь, 1899.—8°/11.

Къ XXV-лѣтію введенія судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года въ губерніяхъ Царства Польскаго.—Краткія свѣдѣнія о судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго Судебнаго Округа и дѣятельности ихъ за время съ 1876 по 1901 годъ. Варшава, 1901.—8°/28 и 8°/29.

Линдеманъ, К. Э. Зоологическія лекціи. Печат. по распоряженію Тверскаго Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Тверь, 1900.—8°/14.

Лицевая рукописная псалтирь Калязина монастыря. Изд. Тверской ученой арх. Коммисіи. Тверь, 1900.—8°/3.

Меморскій, А. М. Основатель Нижняго Новгорода Великій князь Георгій (Юрій) II Всеволодовичъ (1189—1889). Нижній Новгородъ, 1889.—8°/18.

Минхъ, А. Н., см. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Саратовъ, 1898—1900.—8°/21.

Митропольскій, А. А. Краткія свѣдѣнія о мѣстно чтимомъ въ городѣ Калязинѣ отрокѣ Іоаннѣ (съ двумя снимками). Изд. Тверской ученой арх. Коммисіи. Тверь, 1901.—8°/24.

Обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія за время царствованія Императора Александра III (со 2 марта 1881 по 20 октября 1894 г.). СПб., 1901.—4°/5.

Отчетъ церковно-историческаго и археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи за 1901 годъ. Кіевъ, 1902.—8°/35.

Памяти Н. И. Храмцовскаго, историка Нижняго Новгорода. Изд. Нижегородской ученой арх. Коммисіи. Нижній Новгородъ, 1899.—4°/6.

Патріотическое настроеніе въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Тверь, 1899.—8°/8.

Первухинъ, А. Г. Лѣтописецъ Рубцовыхъ. Изд. Тверской ученой арх. Коммисіи. Тверь, 1901.—8°/2.

Первухинъ, Г. Г. (протоіерей). О тверскихъ іерархахъ. Приготовлено къ печати А. А. Тяжеловымъ. Изд. Тверской ученой арх. Коммисіи. Тверь, 1901.—8°/30.

Письма графа Г. Г. Кушелева къ сыну Александру. Черниговъ, (безъ обозначенія года).—4°/3.

Псалтирь, см. лицевая рукописная псалтирь Калязина монастыря.—8°/3.

Пушкинъ, какъ историкъ. Изд. Тверского Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Тверь, 1899.—8°/11.

Пушкинскіе дни въ губернскомъ городѣ Владимірѣ (26—29 мая 1899 г.). Изд. Владимірской ученой арх. Коммисіи. Губерн. гор. Владиміръ, 1899.—8°/26.

Сапожниковъ, Д. А. Я. Шубинъ (историческая замѣтка). Симбирскъ, 1898.—8°/15.

Сборникъ въ память А. С. Гацинскаго. Изд. Нижегородской ученой арх. Коммисіи (съ приложеніемъ портрета и списка сочиненій). Нижній Новгородъ, 1897.—8°/20.

Сборникъ матеріаловъ по вопросу объ Астраханской желѣзной дорогѣ. Астрахань, 1899.—8°/1.

Сводъ статистическихъ свѣдѣній о личномъ составѣ и дѣятельности общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій Варшавскаго Судебнаго Округа за 1876—1890 годы. Вып. 1—3. Варшава, 1893—1895. 4°/7.

Суперанскій, М. Ѳ. Симбирскъ и его прошлое (1648—1898 г.). Изд. Симбирской губернской ученой арх. Коммисіи. Симбирскъ, 1899. 8°/25.

Тверь въ 1764 году по Пальмквисту. Съ приложеніемъ рисунковъ и плановъ М. В. Рубцова. Изд. Тверской ученой арх. Коммисіи. Тверь, 1902.—8°/34.

Тюльпинъ, М. Лѣтопись о событіяхъ въ г. Твери Тверскаго купца Михаила Тюльпина 1762—1823 г.г. Приготовилъ къ изданію В. Колосовъ. Изданіе Тверской ученой арх. Коммисіи. Тверь, 1902.—8°/33.

Уставъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань, 1888.—8°/5.

Уставъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань, 1896.—8°/6.

Уставъ Русскаго генеалогическаго Общества. СПБ., 1901.—8°/32.

Уставъ Тверскаго Общества любителей археологіи, исторіи и естествознанія. Тверь, 1901.—8°/10.

Фридманъ, В. А. Какая нужна народу школа? Вильна, 1901.—8°/17.

Б. ПЕРІОДИЧЕСКІЯ и ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНІЯ.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, издаваемые Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Томы I—VII (1893—99 г.г.). Москва, 1893—1900.—Пер. 4°/9.

Бобровъ, Е. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Т. III (Приложенія къ Учен. Запискамъ Казанскаго Университета за 1902 г., январь). Казань, 1902.—Пер. 8°/29.

Древности. Труды археографической Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. I, вып. 1 (М. 1898), 2 (М. 1898), 3 (М. 1899); т. II, вып. 1 (М. 1900), 2 (М. 1902).—Пер. fol. 1.

Древности. Труды Славянской Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. I. (М. 1895), II (М. 1898), III (М. 1902).—Пер. fol. 2.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой арх. Коммисіи. Сборникъ статей, сообщеній и документовъ. Т. III (1898) и IV (1900).—Пер. 8°/4.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой арх. Коммисіи. Журналы и доклады. Засѣданія 50—57, съ 14 сент. 1899 г. по 6 апр. 1901 г. Пер. 4°/5.

Журналы засѣданій Тверской ученой архивной Коммисіи. Засѣданія 71—82 (1899—1901).—Пер. 8°/10.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. СПБ., 1902 г., кн. 1—5.—Пер. 8°/23.

Журналъ Министерства Юстиціи. Т. VIII (1902), кн. 1—3.—Пер. 8°/24.

Залѣсскій, В. Ф. Лекціи по исторіи философіи права, см. Приложенія къ Учен. Запискамъ Казанскаго Университета, 1902, мартъ.

Записки, Ученія—Императорскаго Казанскаго Университета. Годъ LXIX (1902), кн. 1—5.—Пер. 8°/25.

Записки, Ученія—Императорскаго Московскаго Университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XXVIII—XXXI (1901).—Пер. 8°/20.

Записки, Ученія—Императорскаго Московскаго Университета юридическаго факультета. Вып. XVI, XVII (1898), XVIII (1901).—Пер. 8°/21.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. XXIII (1901).—Пер. 4°/1.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета. Харьковъ, 1901, кн. 1—3. 1902, кн. 1.—8°/2.

Извѣстія Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVII—XIX (1899—1901).—Пер. 8°/5.

Извѣстія Русскаго генеалогическаго Общества. СПб. 1900.—Пер. 8°/28.

Извѣстія Таврической ученой архивной Коммисіи. №№ 1—33. Симферополь, 1888—1901.—Пер. 8°/26.

Извѣстія Тамбовской ученой архивной Коммисіи. Вып. XLII—XLIV (1897—1901).—Пер. 8°/16.

Отчетъ о дѣятельности Рязанской ученой архивной Коммисіи. 1900 г.—Пер. 8°/13.

Отчетъ о дѣятельности Симбирской ученой архивной Коммисіи. 1895—1900 г.г.—Пер. 8°/11.

Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной Коммисіи. 1900 г.—Пер. 8°/18.

Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. 1886—97.—Пер. 8°/8.

Отчетъ Церковно-историческаго Общества при Кіевской духовной Академіи. 1900 г.—Пер. 8°/17.

Памятная книжка Варшавскаго Судебнаго Округа. 1896—1901. Пер. 8°/22.

Право. Еженедѣльная юридическая газета. 1901 г., №№ 1—52. 1902 г., № 1.—Пер. 4°/7.

Приложенія къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго Университета. Казань, 1902, янв., мартъ.—Пер. 8°/29.

Протоколы Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. 1888, январь—апрѣль, май—декабрь.—Пер. 8°/7.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго Общества. Т. 1—2; 5—27; 29—40; 42—44; 46—52; 54—58; 60—111; 113 (кн. 1 и 2).—Пер. 4°/8.

Сборникъ Историко-филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. I—III (1896, 1899, 1900).—Пер. 8°/19.

Сборникъ Учено-литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. I—IV (1898—1901).—Пер. 8°/1.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. 12 (1900).—Пер. 8°/3.

Старина, см. Тульская Старина.—Пер. 8°/9.

Статистика Россійской Имперіи. Изд. Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства внутреннихъ дѣлъ. Г. 19, вып. LIII. СПб., 1901.—Пер. 4°/3.

Труды Бессарабской губернской ученой архивной Комиссии. Т. I. Кишиневъ, 1900.—Пер. 8°/27.

Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета. Вып. I—III, V, VII, IX, XI—XVII (1889—1900).—Пер. 8°/6.

Труды Владимирской ученой архивной Комиссии. Кн. 1 (1899), 2 (1900), 3 (1901).—Пер. 4°/4.

Труды Московскаго Нумизматическаго Общества. Т. I (1898); II, вып. 1 (1899), 2 (1900), 3 (1901).—Пер. 4°/6.

Труды Оренбургской ученой архивной Комиссии. Вып. II, IV—VIII.—Пер. 8°/14.

Труды Пермской ученой архивной Комиссии. Вып. I—IV. Пермь, 1892—1901.—Пер. 8°/30.

Труды Рязанской ученой архивной Комиссии. Т. XVI (1901), вып. 1—2.—Пер. 8°/12.

Труды Саратовской ученой архивной Комиссии. Вып. XXI (1898).—Пер. 8°/15.

Труды Черниговской губернской архивной Комиссии. Вып. II (безъ обозн. года).—Пер. 4°/2.

Тульская Старина. Изд. Тульскаго Историко-археологическаго Товарищества. Вып. I—IX.—Пер. 8°/9.

ОТДѢЛЪ II.

DEPT. OF THE INTERIOR

Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка.¹⁾

Сравнительное правовѣдѣніе является важнѣйшимъ наслѣдіемъ, которое 19 вѣкъ, оставилъ юридической наукѣ. Двоякаго рода причины вызвали зарожденіе и воздѣйствовали на развитіе въ истекшемъ столѣтіи этого новаго направленія юридической мысли,—теоретическія и практическія.

Идеалистическая философія Гегеля, выдвинувшая доктрину спиритуалистической эволюціи, проникнувъ въ юриспруденцію, побудила юристовъ заняться сравнительными изысканіями по пути всемірноисторическаго развитія идеи права, которая подобно солнцу двигалась съ востока на западъ и въ германскомъ духѣ обрѣла свою разумную дѣйствительность²⁾. Когда на смѣну идеализма явился позитивизмъ О. Конта, сравнительное изученіе изъ служенія апріорной схемѣ превратилось въ строго научный приѣмъ изслѣдованія. Позитивный методъ по опредѣленію Конта, заключается въ удачно соединенномъ употребленіи наблюденія и разсужденія и такимъ онъ остается на всемъ протяженіи лѣствицей расположенныхъ положительныхъ наукъ. Но отдѣльные приѣмы его измѣняются въ зависимости отъ свойствъ явленій, изучаемыхъ на каждой отдѣльной ступени классификаціонной лѣстницы. Въ социологіи основнымъ приѣмомъ является наблюденіе. На-

¹⁾ Докладъ, читанный въ Обществѣ исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 8-го декабря 1901 г.

²⁾ Таковы всемірноисторическіе очерки развитія права въ юридическихъ энциклопедіяхъ К. Теод. Пюттера (1846 г.), Варнкенига (1853 г.), Аренса (1855 г.), а также специальное изслѣдованіе Гаяса: *Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung* (4 т. 1824—1835).

блюденіе, ведущее свое начало отъ астрономіи, приобретае въ соціологіи специфическій характеръ. Оно утрачиваетъ здѣсь свою неподвижность и направляется на уясненіе исторической преемственности (*filiation historique*), изученіе которой одинаково необходимо какъ для соціальной динамики, такъ и для соціальной статики, потому что законы соціальнаго сосуществованія обнаруживаются по преимуществу въ движеніи. Соціологическое наблюденіе есть такимъ образомъ не иное что, какъ историческій методъ. Необходимымъ орудіемъ послѣдняго является примѣнявшееся уже въ біологіи сравненіе. Сравненіе даетъ возможность установленія послѣдовательности историческихъ філіацій. Оно же замѣняетъ недостающій соціологіи методологическій приѣмъ—опытъ, возмѣщая невозможное для соціолога произвольное измѣненіе условій, при которыхъ происходитъ изучаемое явленіе, широкимъ сопоставленіемъ фактического ихъ разнообразія. Примѣненіе положительнаго метода къ юриспруденціи повело къ сравнительно—историческому изученію правовыхъ явленій. Такова теоретическая сторона дѣла. Она выяснилась, можно сказать, окончательно къ концу семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія, когда Ф. Бернгёфтъ (*Franz Bernhöft*) и Г. Кохъ (*Georg Cohn*) основали журналъ сравнительнаго правовѣдѣнія. Задача послѣдняго сознавалась редакторами вполне опредѣленно въ строгомъ духѣ положительной науки. „*Wie die vergleichende Sprachwissenschaft*“, писалъ Бернгёфтъ, „nach festen Regeln für die Erscheinungen auf dem Gebiet der Sprache sucht und das Aufzeichnen von Thatsachen nur noch als Mittel für diesen Zweck betrachtet, so kann auch das letzte Ziel der vergleichenden Rechtswissenschaft nur sein, allgemeine Gesetze für die Entwicklung des Rechts zu finden und auf die Geschichte der einzelnen Nationen anzuwenden“. (*Bernhöft, Ueber den Zweck und Mittel der vergleichenden Rechtswissenschaft, Zeitschr. f. vergl. RW., I. Bd. 1878, S. 4*).

Юридическая практика пришла къ аналогичному выводу своимъ путемъ. Первая половина 19 вѣка была эпохой непосредственныхъ заимствованій положительнаго правового мате-

ріала одними народами Європи у другихъ. Заимствованія эти дѣлались въ области публичнаго и частнаго права. Англіійскій конституціонализмъ, переложенный на континентальный французско-бельгійскій трафаретъ, обошелъ всю западную Европу. Французскій гражданскій и торговый кодексы стали для многихъ западно-европейскихъ государствъ предметомъ непосредственнаго усвоенія или же образцомъ для подражанія въ ихъ законодательствѣ. Такое положеніе дѣла привело юристовъ догматиковъ къ необходимости изученія иностранныхъ системъ права какъ въ законодательствѣ, такъ и въ судебной практикѣ. Обращеніе къ иностранному праву при разработкѣ вопросовъ *de lege lata* невольно повлекло за собою мысль о такомъ же обращеніи въ вопросахъ *de lege ferenda*. Въ послѣднемъ случаѣ недостаточно было одно догматическое изученіе иностранныхъ первоисточниковъ и образцовъ, но потребовалось уже критическое сравненіе всего того, что могъ дать иностранный правовой положительный матеріалъ сравнительно съ національнымъ. Такимъ образомъ возникло сравнительное правовѣдѣніе, какъ догматическая дисциплина. Въ этомъ направленіи работалъ основанный въ 1829 г. Миттермейеромъ и Цахаріэ журналъ: *Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes* (съ 1824 по 1856 г. вышло 29 томовъ). Въ статьѣ Цахаріэ, установившей цѣль журнала, прямо обозначена практическая цѣль сравнительнаго правовѣдѣнія: „Man hat unser Zeitalter und wohl nicht ohne Grund, als ein Zeitalter des Kampfes zwischen einander entgegengesetzten Grundsätzen und Ansichten charakterisirt.... Da streitet in Europa die eine Partei für das bestehende Recht, die andere für eine mehr oder weniger durchgreifende Umgestaltung desselben.... Einen Krieg beendet man am besten oder kann man oft nur durch einen Vergleich beenden. Das möchte auch von dem Meinungskampfe gelten, in welchem sich unser Zeitalter verwickelt sieht“. (*Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes*, I. Bd. S. 24—25).

Служенію сравнительному правовѣдѣнію въ этомъ же

смыслъ посвятило себя учрежденное въ 1869 году въ Парижѣ Общество сравнительнаго законодательства (*Société de la législation comparée*), въ образованіи котораго главная роль принадлежала извѣстному бельгійскому ученому публицисту Лабулэ. Общество это за все время своей дѣятельности, продолжающейся и доннынѣ, никогда не выходило изъ круга строгаго догматической юриспруденціи. Оно тщательно собирало законодательный матеріалъ французскій и иностранный, и по отдѣльнымъ вопросамъ дѣйствующаго положительнаго права, члены его составляли сравнительно—догматическія изслѣдованія. Сырой матеріалъ оно публикуетъ въ своемъ *Annuaire de législation comparée*, выходящемъ съ 1872 г., и въ *Annuaire de législation française*, выдѣлившимся съ 1882 г. Сравнительно—догматическимъ изслѣдованіямъ посвящено особое изданіе общества—*Bulletin mensuel de la société de législation comparée*. Въ своей дѣятельности Парижское Общество сравнительнаго законодательства неизмѣнно имѣло и имѣетъ въ виду служеніе законодательной политикѣ Франціи. Нынѣшній президентъ общества г. Пико, состоящій членомъ общества съ самаго его основанія, говорить по этому поводу слѣдующее: „Совершая кругосвѣтное плаваніе по морю иностранныхъ законодательствъ мы всегда имѣли въ виду, какъ конечную цѣль, законодательство французское.... Иностранное законодательство было для насъ только средствомъ“ ¹⁾. Тридцать лѣтъ служенія одному дѣлу доставило обществу обильнѣйшій матеріалъ и опытъ. Общество пожелало подвести результаты своей прикладной дѣятельности подъ общіе принципы чистой, если позволено такъ выразиться, науки о правѣ. Въ этихъ именно видахъ оно и созвало въ 1900 году въ Парижѣ международный конгрессъ сравнительнаго правовѣдѣнія (*Congrès international du droit comparé*), предметомъ котораго и по-

¹⁾ Дѣятельность общества въ этомъ направленіи получила оффиціозное значеніе. Въ 1876 году во французскомъ министерствѣ юстиціи учрежденъ особый *Comité de législation étrangère*, вдохновителемъ котораго стало Общество сравнительнаго законодательства.

ставило *droit comparé* на мѣсто болѣе узкаго *législation comparée*, предмета собственной своей дѣятельности. Главную задачу конгресса устроители его положили въ уясненіи теоретической стороны дѣла: въ опредѣленіи сравнительнаго правовѣдѣнія, какъ самостоятельной научно-юридической дисциплины, установленіи его метода и приложеніи его къ отдѣльнымъ отраслямъ права. Мы и остановимся на томъ освѣщеніи, которое придалъ конгрессъ теоретической сторонѣ дѣла.

Выясненіе понятія и предмета сравнительнаго правовѣдѣнія взялъ на себя профессоръ Парижскаго университета Салейль (*Saleilles*). Одно лишь сопоставленіе текстовъ различныхъ законодательствъ, говоритъ Салейль, не есть еще сравнительное правовѣдѣніе; это простая регистрація документовъ, къ тому же документовъ для науки недостаточныхъ, потому что правовая жизнь характеризуется не мертвой буквой закона, но осуществленіемъ юридической нормы въ многосложной соціальной средѣ. Поэтому сравнительное правовѣдѣніе должно заниматься критикою различныхъ законодательныхъ постановленій по отдѣльнымъ институтамъ права; матеріаломъ для этой критики является какъ законодательный текстъ, такъ и примѣненіе законовъ на практикѣ, и тѣ результаты, которыхъ это примѣненіе достигаетъ; при этомъ должно быть принимаемо въ соображеніе состояніе той соціальной среды, въ которой дѣйствуютъ законы различныхъ странъ. При такой постановкѣ вопроса сравнительное правовѣдѣніе получаетъ значеніе самостоятельной научной дисциплины.

Сравнительное правовѣдѣніе слѣдуетъ отличать отъ сравнительной исторіи права и соціологіи. Отъ первой оно отличается тѣмъ, что не ограничивается простымъ констатированіемъ юридическихъ фактовъ, но занимается еще построеніемъ самостоятельныхъ юридическихъ конструкцій. Отъ соціологіи сравнительное правовѣдѣніе отличается тѣмъ, что преслѣдуетъ цѣли не теоретическія, но прикладныя,—служеніе политикѣ права. Сравнительное правовѣдѣніе создаетъ нѣкоторый относительный идеалъ или абстрактный типъ, который можетъ при данныхъ условіяхъ подлежать осуществленію. Теоретической

основой его являются сравнительная исторія права и соціологія. Отъ первой сравнительное правовѣдѣніе заимствуетъ необходимые факты для сравненія, отъ второй—знаніе естественныхъ законовъ соціального развитія, съ которыми приходится сообразоваться. Самостоятельная дѣятельность сравнительнаго правовѣдѣнія заключается въ слѣдующемъ: 1) въ критическомъ изученіи всѣхъ отдѣльных законодательствъ съ точки зрѣнія экономической и соціальной; 2) въ опредѣленіи между ними точекъ соприкосновенія соотвѣтственно общему ходу соціальной эволюціи; 3) въ установленіи для даннаго юридическаго института одного или нѣсколькихъ правовыхъ типовъ, съ которыми могла бы сообразоваться юридическая политика разныхъ странъ, однородныхъ въ отношеніи соціального развитія. Но сравнительное правовѣдѣніе служитъ лишь основаніемъ юридической политикѣ, и само не тождественно съ нею. Послѣдняя осложняется еще разсмотрѣніемъ такихъ общественныхъ конъюнктуръ, которыя сравнительнымъ правовѣдѣніемъ не разсматриваются, и элементомъ оппортунизма, сравнительному правовѣдѣнію совершенно чуждымъ. Сравнительное правовѣдѣніе можетъ составить предметъ совершенно самостоятельной научной работы, но можетъ также входить въ качествѣ вспомогательнаго научнаго приѣма въ составъ другихъ юридическихъ дисциплинъ.

Дополненіемъ къ докладу Салейля явился докладъ боннскаго профессора Цительмана—о различныхъ проявленіяхъ и значеніи сравнительнаго правовѣдѣнія. Дѣйствию сравнительнаго правовѣдѣнія, говоритъ Цительманъ, открываются три области: 1) юридическая практика; 2) юридическая наука и 3) законодательство. Во всякомъ государствѣ допускаются въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ примѣненіе иностранныхъ законовъ. Это требуетъ отъ юриста—практика прежде всего изученія послѣднихъ. Но нѣкоторые законодательства, какъ напримѣръ, новое Германское Уложеніе, допускаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ примѣненіе иностранныхъ законовъ лишь подѣ условіемъ непротиворѣчія послѣднихъ прямой цѣли соотвѣтственнаго національнаго закона

(ст. 30 вводного закона); къ тому же обычно для примѣненія иностраннаго закона требуется такъ называемая взаимность. При такомъ положеніи дѣла юристъ—практикъ не можетъ ограничиться однимъ лишь изученіемъ содержанія соотвѣтственнаго иностраннаго закона, но долженъ прибѣгнуть къ сравненію. Въ юридической наукѣ необходимость сравненія еще настоятельнѣе: путемъ сравненія раскрываются произвольныя и непроизвольныя заимствованія одной системы національнаго права у другой, восполняются по аналогіи юридическіе институты прошлаго въ той или другой національной системѣ права; наконецъ, сравненіе даетъ возможность дѣлать обобщенія для выясненія исторіи развитія права, какъ таковаго, независимо отъ многообразныхъ его видоизмѣненій по обстоятельствамъ времени и мѣста; въ послѣдней своей функціи сравненіе ведетъ къ установленію новой, вполне положительной философіи права, чуждой произвольныхъ апріорныхъ построеній. Для законодательства значеніе сравнительнаго правовѣдѣнія не менѣе важно. Сравненіе замѣняетъ для законодателя опыты, которыхъ онъ, вполне понятно, не можетъ продѣлывать самъ, для изысканія лучшихъ средствъ къ достиженію той или иной намѣченной цѣли. Самая цѣль выдвигается нерѣдко, благодаря сравненію: свойственный правовой жизни консерватизмъ преодолевается тѣмъ, что законодатель, изучая сравнительно иностранныя законодательства, видитъ, какъ послѣднія ставятъ все новыя и новыя цѣли, и самъ начинаетъ слѣдовать имъ въ этомъ отношеніи; опасеніе новшествъ преодолевается нагляднымъ примѣромъ другихъ странъ, уже проводившихъ эти новшества у себя съ большимъ успѣхомъ. Сравненіе оказываетъ законодательной работѣ большую услугу еще тѣмъ, что облегчаетъ техническую сторону дѣла. Законодательная работа встрѣчаетъ на своемъ пути много недоумѣній и затрудненій чисто технического свойства. Возникають, напримѣръ, такіе вопросы: въ какой степени кодексъ или отдѣльный законъ долженъ содержать принципиальныя постановленія, и въ какой мѣрѣ онъ долженъ быть казуистиченъ? какой просторъ слѣдуетъ предоставить толкованію и ана-

логій? какую принять систему изложенія? вести ли это изложение въ спеціально научномъ или популярномъ духѣ? и т. д. Разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ законодательной техники въ значительной мѣрѣ облегчается сравненіемъ съ ходомъ законодательной техники въ значительной мѣрѣ облегчается сравненіемъ съ ходомъ законодательной работы другихъ странъ. Если сравненію открытъ широкій доступъ въ законодательную работу отдѣльныхъ странъ, то послѣдняя пойдетъ по пути универсальнаго уравненія положительнаго права, къ чему стремится экономическое и всякое другое международное общеніе, сильно затрудняемое обособленностью національных системъ права. Сравнительное правовѣдѣніе покажетъ, въ какой мѣрѣ разнообразіе права вытекаетъ изъ требованій разума и разнообразія соціальныхъ условій, и въ какой мѣрѣ оно могло бы быть замѣнено нѣкоторымъ однообразіемъ безъ малѣйшаго ущерба для отдѣльныхъ государствъ и съ пользою для международного и всечеловѣческаго общенія.

Въ современномъ своемъ состояніи сравнительное правовѣдѣніе, въ приложеніи къ юридической практикѣ и политикѣ, обнаруживаетъ тенденцію къ уравненію и даже унификации положительнаго права въ международной культурной средѣ. Но самое возникновеніе сравнительнаго правовѣдѣнія было обусловлено широкою терпимостью къ многообразію національных системъ дѣйствующаго права и предварительною ихъ научною разработкою. Объ этомъ свидѣлствуетъ исторія сравнительнаго правовѣдѣнія, пролегомены къ которой составили предметъ спеціального доклада оксфордскаго профессора Поллока.

Первые шаги по пути сравнительнаго правовѣдѣнія, какъ и начало всякаго научнаго знанія, были сдѣланы, говоритъ профессоръ Поллокъ, съ чисто практической цѣлью. Первый обратился къ сравнительному изученію чужеземныхъ законовъ законодатель; общеизвѣстна въ этомъ отношеніи исторія составленія римскихъ XII таблицъ. Съ практической же цѣлью могъ обратиться къ изученію чужого права и судья. Съ этой точки зрѣнія останавливаетъ вниманіе изслѣдователей римское

ius gentium. Нѣкоторые ученые полагають, что выработали римское *ius gentium* преторы путемъ методической выборки изъ разнообразныхъ законовъ и обычаевъ различныхъ италійскихъ общинъ. Поллокъ не считаетъ возможнымъ допустить у магистратовъ республиканской эпохи способность и должное умѣніе, необходимыя для подобнаго сознательнаго и наукообразнаго процесса. Ихъ дѣло заключалось скорѣе въ судебномъ признаніи того, что фактически было выработано космополитическимъ обычаемъ. Нѣкоторыя весьма незначительныя попытки сравненія замѣчаются у Гая, когда онъ говоритъ объ отеческой власти и комментируетъ XII таблицъ. Не въ Римѣ, а въ Греціи были положены научныя основы сравнительнаго метода. Несомнѣнная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Аристотелю. За двадцать три вѣка до Фримэна этотъ великій мыслитель классическаго міра читалъ лекціи по сравнительной политикѣ. Но къ сожалѣнію почти двѣ тысячи лѣтъ остался онъ въ этомъ направленіи одинокимъ, безъ подражателей и продолжателей. Средніе вѣка не давали сравнительному правовѣдѣнію никакого простора. Средневѣковая юриспруденція знала право римское и каноническое, видѣла въ нихъ нѣчто совершенное, даже откровенное свыше и никакого сравненія ихъ съ варварскими законами на началахъ равноправности не допускала. Только въ новое время европейская мысль освобождается отъ оковъ принудительнаго единства и рѣшается подвергнуть старые устои критикѣ и сравненію съ принципами зарождающейся новой жизни. Въ 1602 году англійскій юристъ Вильямъ Фольбекъ производитъ пространное сравненіе англійскаго права съ римскимъ. Великій Лейбницъ въ своемъ юношескомъ трудѣ *Nova methodus descendae discendaeque iurisprudentiae* проектировалъ составленіе особаго *theatrum legale*, которое должно было представить хронологическую таблицу всемірнаго законодательства, но своего замысла не выполнилъ. Въ XVIII вѣкѣ Монтескье въ своемъ *Духѣ законовъ* сдѣлалъ первую послѣ Аристотеля попытку создать систему сравнительнаго законодательства, которая могла бы быть примѣнена къ политическимъ потребно-

стиамъ различныхъ формъ правленія, а также выработать доктрину сравнительной политики и сравнительнаго правовѣдѣнія, опирающуюся на обширное наблюденіе порядковъ, дѣйствующихъ въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи. Но отсутствіе идеи эволюціи и должнаго представленія о послѣдовательныхъ стадіяхъ соціальнаго развитія сдѣлало въ высшей степени плодотворный въ другихъ отношеніяхъ трудъ Монтескье безплоднымъ для сравнительнаго правовѣдѣнія. Монтескье ставитъ на одну доску законы Кира, Александра Македонскаго и Карла XII, опровергаетъ испанцевъ поучительнымъ примѣромъ Китая и т. п. Такое сопоставленіе юридическихъ и политическихъ фактовъ, взятыхъ изъ разнородныхъ культуръ и различныхъ ступеней соціальнаго развитія, не можетъ служить краеугольнымъ камнемъ научнаго сравненія. Со своей попыткою сравнительнаго изученія Монтескье остался одинокимъ и не потому, что выполненіе его замысла было неудовлетворительно, а потому, что самая идея сравненія была чужда XVIII вѣку. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка царило единство откровенія и преданія, такъ въ 18 вѣкѣ господствовало единство разума, который законодательствовалъ исключительно собственнымъ своимъ авторитетомъ, не справляясь совершенно съ существующимъ общественнымъ строемъ, достойнымъ лишь отмѣны и забвенія. „Voulez—vous avoir de bonnes lois?, говоритъ Вольтеръ,—Brulez les vôtres et en faites de nouvelles“. Естественное право и побѣдоносное шествіе великой революціи были прямо враждебны исторіи и сравненію. Только послѣдовавшая реакція и подведеніе итоговъ революціонному движенію подорвали вѣру въ непреложность рачіоналистическихъ построеній и пробудили духъ историзма, идею эволюціи, а вмѣстѣ съ нею должное вниманіе къ существующему и интересъ къ изученію многообразныхъ его проявленій. Движеніе совершалось быстро: въ теченіе полустолѣтія національно-историческое направленіе переродилось въ сравнительно-историческое. Въ 1870 году Генри Мэнъ въ оксфордскихъ лекціяхъ о древней общинѣ говорилъ уже о сравнительномъ правовѣдѣніи, какъ о предметѣ общеизвѣст-

номъ, не казавшемся его слушателямъ новинкою. Поллокъ задаетъ вопросъ, въ какое время сложилось самое названіе „сравнительнаго правовѣдѣнія“, и въ отвѣтъ на это приводитъ слѣдующее соображеніе. Въ 1863 г. Литтре издалъ первый томъ своего толковаго словаря французскаго языка: въ немъ sub voce „comparatif“ говорится о сравнительной анатоміи (anatomie comparative), которую называютъ также an. comparée; послѣднее словообразованіе Литтре находитъ неудачнымъ, но о droit comparé не упоминаетъ. На этомъ основаніи Поллокъ предполагаетъ, что неологизмъ droit comparé вошелъ въ употребленіе послѣ 1863 года. Если признать вѣрнымъ соображеніе Поллока о времени введенія термина droit comparé, то необходимо все же указать, что другой терминъ—*législation comparée*—употреблялся еще за тридцать почти лѣтъ до этого времени. Въ 1835—1836 акад. году М. Lermnier читалъ въ Collège de France: Cours d'histoire des législations comparées. Указаніемъ на курсъ Генри Мэна, какъ на первый и блестящій опытъ примѣненія къ изученію права строго научнаго сравнительно-историческаго метода, Поллокъ заканчиваетъ свои пролегомены къ исторіи сравнительнаго правовѣдѣнія. Онъ отказывается дать хотябы краткій очеркъ его развитія въ виду непомерной трудности этой задачи и ограничивается лишь однимъ общимъ соображеніемъ слѣдующаго рода. Могущество сравнительнаго метода, говоритъ Поллокъ, заключается въ томъ, что его примѣненія никогда почти не производятся отдѣльно; они связываются съ исторіей, притомъ настолько нераздѣльно, что невозможно анализировать сравнительный методъ особо отъ историческаго. Мало имѣется книгъ, говоритъ Поллокъ, спеціально по сравнительному правовѣдѣнію, но за то весьма много историческихъ и даже догматическихъ изслѣдованій, въ которыхъ сравнительный методъ нашелъ примѣненіе съ громадною пользою для дѣла.

Перейдемъ къ вопросу о функціи сравнительнаго правовѣдѣнія въ отдѣльныхъ отрасляхъ права.

Значеніе сравнительнаго правовѣдѣнія для частнаго международнаго права выяснено въ двухъ докладахъ—Мангеймска-

го судьи Кана и М. Chausse'a, профессора университета въ Монпелье. Оба докладчика сходятся въ своихъ основныхъ воззрѣнiяхъ.

Въ частномъ международномъ правѣ дѣйствуютъ два метода: національный, принятый безусловно въ Англіи и С. А. С. Штатахъ, а также наиболѣе распространенный въ Германіи, и интернаціональный, господствующій въ романскихъ странахъ. Различіе этихъ двухъ методовъ заключается въ разности по вопросу о томъ, какую юридическую норму слѣдуетъ примѣнять для разрѣшенія конфликта между національнымъ и иностраннымъ закономъ. Согласно первому методу таковою должна считаться норма, извлеченная изъ національной системы права, дѣйствующей въ мѣстѣ возникновенія конфликта, согласно второму—норма, почерпаемая внѣ національной системы права и извлекаемая изъ правопорядка, стоящаго надъ національными законодательствами, т. е. изъ международного юридическаго порядка. По мнѣнію докладчиковъ, будущее не принадлежитъ ни тому, ни другому методу, а исключительно методу сравнительному. Частное международное право призвано осуществлять двоякую задачу: обезпечить въ международномъ оборотѣ осуществленіе національныхъ законовъ и установить необходимую для этого гармонію между послѣдними. Такая задача можетъ быть надлежащимъ образомъ достигнута лишь путемъ сравненія національныхъ нормъ, разрѣшающихъ частноправные международные конфликты, и выведенія изъ нихъ нѣкоторой средней нормы, которая гармонировала бы съ отдѣльными національными нормами. Только путемъ сравненія удастся установить международный юридическій порядокъ, изъ котораго должны извлекаться нормы для улаженія указанныхъ конфликтовъ. Путемъ сравненія будутъ отмѣчены ближайшіе признаки сходства и сродства отдѣльныхъ законодательствъ, и выдѣлены по этимъ признакамъ однородныя группы. Въ каждой такой группѣ легко уже опредѣлить общія ея членамъ нормы и раскрыть возможный въ ней частичный, такъ сказать, международный юридическій порядокъ. Дальнѣйшее сравненіе поведетъ къ сближенію отдѣль-

ныхъ группъ и къ все большему обобщенію юридическаго порядка по пути къ полной его международной, какъ конечной цѣли развитія.

Опредѣленіе отношенія сравнительнаго правовѣдѣнія къ торговому праву взялъ на себя извѣстный знатокъ послѣдняго парижскій профессоръ Lyon-Caen.

Особенно плодотворно воздѣйствуетъ сравнительное правовѣдѣніе на тѣ отрасли права, въ которыхъ не имѣетъ рѣшительнаго значенія вліяніе нравовъ, соціальной организаціи и религіи. Въ этихъ отрасляхъ сравнительное правовѣдѣніе, помимо своего теоретическаго значенія, является еще орудіемъ улучшенія законовъ отдѣльныхъ странъ и сближенія между ними. Въ такомъ, именно, положеніи оказывается торговое право. Потребности торговли и условія ея развитія въ данную эпоху одни и тѣ же повсюду. Поэтому народы, политическія, соціальныя и религіозныя учрежденія которыхъ существенно различны, имѣютъ сходные торговые законы. Сравнительное изученіе иностранныхъ торговыхъ законодательствъ прямо ведетъ къ заимствованіямъ. Мало того, въ видахъ облегченія условій торговаго оборота устанавливается постепенно извѣстное однообразіе торговаго законодательства всего міра. Торговое право современныхъ народовъ имѣетъ одинъ общій источникъ, именно: торговые обычаи, сложившіеся главнымъ образомъ въ Италіи въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ. Общій первоисточникъ настолько предопредѣлилъ развитіе національныхъ системъ торговаго права, что современные торговые кодексы въ основныхъ своихъ опредѣленіяхъ въ высшей степени близки другъ къ другу. Это объясняется еще и тѣмъ, что кодификаціонныя работы по торговому праву не велись въ отдѣльныхъ государствахъ изолированно, но примѣнительно къ извѣстному торговому кодексу, который принимался за образецъ. Такимъ образомъ былъ въ первой половинѣ XIX столѣтія французскій торговый кодексъ 1807 г., а во второй половинѣ — нѣмецкій 1861 года, замѣненный съ 1 Января 1900 года новымъ, составленнымъ въ 1897 году. Не слѣдуетъ однако, говорить Lyon-Caen, предаваться иллюзіямъ

насчетъ близкой возможности международнаго, или вѣрнѣе одинаго, принятаго всеми государствами торговаго кодекса. Національные предразсудки и старый дѣловой распорядокъ долго еще будутъ служить препятствіемъ этому. вмѣсто абсолютнаго единства пока возможно лишь нѣкоторое относительное однообразіе. Объединительные проекты Ассоціаціи и Института международнаго права пока не были признаны въ полномъ видѣ ни однимъ государствомъ. Значеніе ихъ, однако, не маловажно; они изучаются законодателями отдѣльныхъ странъ и принимаются ими въ соображеніе. Желая служить практической цѣли улучшенія національныхъ торговыхъ законовъ и ихъ сближенія, не слѣдуетъ ограничиваться изученіемъ одного текста иностраннаго законодательства, но необходимо изучать самые факты, какъ непосредственные результаты положительнаго или отрицательнаго воздѣйствія законовъ.

Въ общихъ чертахъ намѣтилъ парижскій профессоръ Weiss функцію сравнительнаго правовѣдѣнія въ гражданскомъ правѣ.

Подобно тому, какъ нѣкогда Шлецеръ въ статистикѣ, такъ теперь Вейсъ въ сравнительномъ правовѣдѣніи видитъ остановившуюся исторію. Въ разныхъ формахъ, при различныхъ соціальныхъ и культурныхъ условіяхъ показываетъ намъ сравнительное правовѣдѣніе неподвижную картину тѣхъ видоизмѣненій, которымъ подверженъ въ эволюціонномъ движеніи тотъ или другой юридическій институтъ. Это настоящая панорама, въ которой въ одной плоскости начертано проявленіе великаго историческаго закона.

Практическая функція сравнительнаго правовѣдѣнія двоякая, какъ различаетъ профессоръ Weiss, — внѣшняя и внутренняя. Внѣшняя функція проявляется въ томъ, что сравнительное правовѣдѣніе является могущественнымъ орудіемъ законодательнаго прогресса въ гражданскомъ правѣ; внутренняя въ томъ, что оно же можетъ служить средствомъ для юридическаго толкованія. Судья не можетъ отказать въ разбирательствѣ дѣла подъ предлогомъ отсутствія, неясности или не-

достаточности закона. Если предложенный на его разрѣшеніе случай дѣйствительно непредусмотрѣнъ закономъ, онъ устанавливаетъ необходимую для его разрѣшенія норму путемъ отвлеченія изъ дѣйствующаго права общихъ принциповъ и вывода изъ нихъ частной нормы. Въ многотрудномъ процессѣ толкованія этого рода сравнительное правовѣдѣніе является важнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ. Различныя въ деталяхъ иностранныя законодательства въ общемъ представляютъ не мало точекъ соприкосновенія и сходства. Нерѣдко одно законодательство устанавливаетъ извѣстный принципъ, другое не только раздѣляетъ тотъ же принципъ, но и дѣлаетъ изъ него дальнѣйшіе выводы. Въ такомъ случаѣ судья вправѣ заимствовать изъ сходнаго по принципу законодательства его выводы и частныя нормы, восполняя этимъ пробѣлы національныхъ законовъ.

По вопросу о значеніи сравнительнаго правовѣдѣнія для государственнаго права встрѣтились два доклада,—дижонскаго профессора Deslandres'a и парижскаго Larnaude'a. Первый изъ нихъ является скорѣе политическимъ памфлетомъ, направленнымъ противъ моднаго подражанія иностранцамъ, каковымъ представляется автору практическое приложеніе сравнительнаго метода, и только второй докладъ даетъ объективное обоснованіе вопроса и отвѣтъ на него.

Deslandres начинаетъ прямо съ утвержденія, что преобразование государственнаго строя заставило обратиться за образцомъ для него въ другія страны; съ тѣхъ поръ и водворился въ государственной жизни методъ заимствованій у иностранныхъ законодательствъ. Deslandres признаетъ его несостоятельнымъ и приводитъ противъ него два основныхъ возраженія. Первое возраженіе заключается въ указаніи на то, что методъ заимствованій суживаетъ горизонтъ соціального прогресса: примѣняя его не заботятся о томъ, чтобы завести у себя абсолютно лучшіе порядки, но лишь относительно лучшіе, именно, стремятся пересадить къ себѣ лучший изъ существующихъ у другихъ порядковъ. Но тутъ то возникаетъ, по мнѣнію Деяндра, второе возраженіе. Нѣтъ критерія, по

которому можно было бы безспорно рѣшить, что изъ существующаго у другихъ должно быть признано лучшимъ. Указываютъ, что слѣдуетъ заимствовать порядки у народовъ, наиболѣе преуспѣвающихъ и счастливыхъ. Но какой народъ признать таковымъ? наиболѣе-ли богатый, или добродѣтельный, или плодovitый, или сильный? Напрасно будемъ мы обращаться въ разныя стороны, говорить Deslandres, критерій отъ насъ всегда ускользнетъ.

Кромѣ этихъ общихъ возраженій есть еще возраженія спеціальныя имѣющія особенное значеніе для государственнаго права.

Постепенныя заимствованія ведутъ къ установленію однопобразія и въ концѣ концовъ къ юридическому космополитизму. Если вникнуть въ сущность содержанія отношеній, регулируемыхъ правомъ, то придется признать, полагаетъ Deslandres, что только тѣ изъ нихъ поддаются космополитической регламентаціи, которыя въ основѣ своей имѣютъ чисто экономическій и, въ частности, денежный интересъ. Но если сойти съ чисто экономической и денежной почвы и обратиться къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ рѣшающимъ моментомъ является самое лицо со всѣмъ его внутреннимъ складомъ, то космополитическая регламентація окажется неумѣстной. Въ области послѣднихъ отношеній и нормы, и институты должны быть строго національны, потому что не человечество, а нація есть та естественная среда, въ которой складывается внутренній нравственный обликъ человѣка. Государственно-правовыя отношенія суть именно отношенія этого рода, и потому политическіе институты не могутъ быть по существу иными, какъ только національными. Если бы кто либо захотѣлъ пойти наперекоръ стихіямъ и насадить у себя государственныя учрежденія другой націи, то онъ этого не могъ бы, полагаетъ Деляндръ, никоимъ образомъ осуществить. Дѣло въ томъ, что государственныя учрежденія не устанавливаются народами по началамъ преднамѣренной и предначертанной цѣлесообразности, но вырабатываются ими стихійно, безсознательно. Очевидно, что растенія, корни которыхъ и на

родной почвѣ, вѣдены въ области несознаннаго, не могутъ быть сознательно пересажены въ другую почву.

Дойдя до этого пункта, Деляндръ спрашиваетъ самого себя, чѣмъ его собственные взгляды отличаются отъ воззрѣній Савиньи и Борка? И самъ находитъ это отличие въ томъ, что онъ не отрицаетъ участія воли въ развитіи государственныхъ учреждений. Для самоопредѣленія воли изученіе иностраннаго права имѣетъ воспитательное значеніе, но дальше этого функція сравнительнаго правовѣдѣнія не должна простирается.

Въ докладѣ Лярнода находимъ примѣненіе къ государственному праву тѣхъ общихъ точекъ зрѣнія, которыя формулированы Салейлемъ и Зомомъ и изложены уже нами выше. Лярнодъ распространяетъ вліяніе сравнительнаго правовѣдѣнія въ области публичнаго права какъ на теорію, такъ и на практику (въ смыслѣ толкованія), и законодательство. Возстаётъ Лярнодъ противъ мозаичной работы въ наукѣ государственнаго права, подъ которой понимаетъ простое сопоставленіе различныхъ законодательствъ, и требуетъ философскаго обобщенія въ сравнительномъ правовѣдѣніи. Чтобы быть дѣйствительно плодотворнымъ, обобщеніе это не должно, однако, заходить слишкомъ далеко, но должно ограничиваться установленіемъ ближайшихъ родственныхъ типовъ; тогда выводы будутъ богаче содержаніемъ. По вопросу о законодательныхъ заимствованіяхъ Лярнодъ придерживается средняго мнѣнія. Онъ ихъ не исключаетъ, но считаетъ этотъ путь опаснымъ и скользкимъ, и потому рекомендуетъ относиться къ заимствованіямъ съ крайней осторожностью. Что касается унификаціи государственнаго права, то Лярнодъ считаетъ её возможною, но все же лишь отдаленною перспективою будущаго.

Тѣ же общіе взгляды на сравнительное правовѣдѣніе развили примѣнительно къ криминологіи — парижскій профессоръ Poittevin и моденскій профессоръ Alimena. Свойственныя криминологіи особенности отразились на приложеніи сравнительнаго метода къ уголовно-судебной практикѣ. Осуществляемое въ послѣдней толкованіе юридическихъ нормъ своеобразно,

и сравнительному методу отводится въ немъ менѣе мѣста, чѣмъ въ другихъ областяхъ права. Въ уголовномъ правѣ строго дѣйствуетъ принципъ *nulla poena sine lege*, и потому репрессія можетъ быть выводима исключительно изъ постановленій дѣйствующаго національнаго права, и никакое сравненіе тутъ непримѣнимо. Зато сравненію открытъ широкій доступъ въ область исполненія наказанія. Ничего не можетъ быть полезнѣе для построения и осуществленія правильной пенитенціарной системы, какъ сравненіе съ теорією и практикою другихъ странъ и примѣненіе выводовъ этого сравненія въ національной практикѣ. Постепенное уравниеніе и унификація уголовного права культурныхъ народовъ представляются профессору Пуатвену въ высшей степени желательными, какъ объединеніе и этимъ самымъ какъ усиленіе мѣръ борьбы съ преступностью.

Въ высшей степени благотворно вліяніе сравнительнаго правовѣдѣнія на развитіе соціального законодательства вообще, и въ особенности по рабочему вопросу. Докладчикъ на эту тему ліонскій профессоръ Пикъ уже и теперь различаетъ нѣсколько родственныхъ группъ законодательствъ, въ которыхъ замѣтно значительное сходство основныхъ принциповъ. Таковы группы: латинская, англо-саксонская, германская, славянская и нео-саксонская.

Группы эти отличаются другъ отъ друга различіемъ принциповъ, положенныхъ ими въ основу юридической регламентаціи рабочаго вопроса. Латинская группа, обнимающая Францію, Бельгію, Италію, Испанію, Португалію, Румынію и латинскія республики Америки, характеризуется въ этомъ отношеніи слѣдующими чертами: отсутствіемъ всякой корпоративной организаціи въ традиціонномъ смыслѣ этого слова, признаніемъ свободнаго группированія по профессіямъ и болѣе или менѣе значительнымъ развитіемъ покровительственныхъ для рабочаго труда законовъ. Англо-саксонская группа приближается къ латинской въ своей свободной системѣ тредъ-унионовъ, но выгодно отъ нея отличается болѣе прочной организаціей фабричной инспекціи и болѣе строгимъ надзоромъ

надъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Германская группа (Германія, Австро-Венгрія и скандинавскія государства) отличается духомъ строго научнаго синтеза общихъ законодательныхъ актовъ по рабочему вопросу, каковы, напимѣръ, германскій и австрійскій промышленные уставы (*Gewerbeordnung*), покровительствомъ традиціоннымъ формамъ корпоративной организаціи и проведеніемъ обязательнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни и негодности къ труду. Славянская группа приближается къ германской по общему духу, но отличается отъ нея тѣмъ, что, сосредоточивая свое вниманіе на охранѣ рабочаго въ періодъ его работоспособности, мало заботится объ обезпеченіи его будущаго. Нео-саксонская группа (Австрія, Новая Зеландія и др.) характеризуется смѣлостью своихъ законодательныхъ замысловъ, близкихъ къ доктринамъ чистаго социализма; въ ней впервые опредѣленъ закономъ минимумъ рабочей платы въ частныхъ предпріятіяхъ и установленъ обязательный третейскій судъ для разрѣшенія конфликтовъ между работодателями и рабочими. Желательно, полагаетъ г. Пикъ, дальнѣйшее объединеніе рабочаго законодательства, и сравнительное правовѣдѣніе призвано содѣйствовать осуществленію этой задачи.

Особое мѣсто занимаютъ доклады Тарда и М. М. Ковалевскаго, посвященныя выясненію отношенія между сравнительнымъ правовѣдѣніемъ (у Тарда) или сравнительной исторіей права (у М. М. Ковалевскаго) и социологіей.

Основная мысль этихъ докладовъ та, что сравнительное правовѣдѣніе не довольствуется себѣ, но по необходимости должно опираться на широкое социологическое изученіе.

Сравнительная ретроспективная выставка оружія разныхъ націй сама по себѣ не имѣетъ значенія, но только въ связи съ тѣми битвами, которыя она объясняетъ или которыя ее объясняютъ. Точно также, говоритъ Тардъ, сравненіе различныхъ системъ права приводитъ къ научнымъ обобщеніямъ лишь тогда, когда оно связано со всѣмъ комплексомъ социальныхъ явленій, которыя объясняютъ право и сами въ свою очередь объясняются правомъ.

М. М. Ковалевскій отмѣчаетъ тотъ кризисъ, къ которому пришла юридическая наука вслѣдствіе того, что долгое время она руководилась метафизикой. Порвавъ съ послѣдней, она все же не можетъ обновиться изъ себя самой. Еще Іерингъ указалъ на необходимость для юристовъ изученія внѣшняго міра (Aussenwelt), объясняющаго развитіе права. Этимъ внѣшнимъ міромъ является социальная среда, въ которой развивается право, съ ея экономіей, политикой, религіей, нравами, наукой, искусствомъ. Поэтому юридическая наука вообще, и сравнительное правовѣдѣніе въ частности должны искать въ социологіи руководящей нити, установленія постепенныхъ стадій социальной эволюціи, которыми опредѣляются и фазисы развитія права. Социологіи не замѣнить въ этомъ отношеніи ни естественное право, ни та общая теорія права, которая пытается извлечь философскія основанія непосредственно изъ дѣйствующаго положительнаго права.

Самое сравнительное правовѣдѣніе представляется М. М. Ковалевскому научно возможнымъ лишь въ видѣ сравнительной исторіи права. Вопросы, которыми она должна заниматься, суть слѣдующіе: Какой юридическій порядокъ соотвѣтствуетъ клану, общинѣ, феодальному строю и т. д.? Какова внутренняя связь между отдѣльными юридическими нормами въ каждомъ изъ этихъ социальныхъ фазисовъ. Что въ данной системѣ права оказывается переживаніемъ, и что зародышемъ будущаго? Что умираетъ, и что рождается, что поэтому слѣдуетъ устранять, и что возвращать? Для полученія практическихъ указаній въ послѣднемъ смыслѣ необходимо сравнивать законодательства и системы права, стоящія на одной ступени социального развитія.

Таковы итоги, подведенные научному значенію сравнительнаго правовѣдѣнія въ концѣ XIX вѣка.

Если разобрать мнѣнія, высказанныя на конгрессѣ объ общихъ задачахъ сравнительнаго правовѣдѣнія и объ отношеніи его къ отдѣльнымъ юридическимъ дисциплинамъ, то можно подмѣтить въ нихъ три основныхъ воззрѣнія: 1) отождествленіе сравнительнаго правовѣдѣнія съ практическимъ заим-

ствованіємъ, или произвольной реценціей права; 2) признаніе сравнительнаго правовѣдѣнія особенной отраслью юридической догматики; 3) признаніе сравнительнаго правовѣдѣнія единственной формой положительной науки о правѣ, какъ особенной части соціологіи.

Первое изъ указанныхъ воззрѣній проводится исключительно въ докладъ профессора Деляндра, стоящемъ совершенно особнякомъ среди ученыхъ голосовъ, раздававшихся на конгрессѣ. Это мнѣніе не представляетъ научнаго интереса. Оно смѣшиваетъ вопросы теоретическаго изученія съ вопросами практической политики и потому съ методологической точки зрѣнія представляется совершенно несостоятельнымъ. Авторъ его исходитъ къ тому же изъ строго націоналистической теоріи правообразованія, которая для юриста нашихъ дней представляетъ собою, какъ выражаются нѣмцы, превзойденную точку зрѣнія (einen überwundenen Standpunkt).

Два другихъ воззрѣнія существенно важны для выясненія вопроса о научномъ значеніи и задачъ сравнительнаго правовѣдѣнія. Воззрѣнія эти не только не противорѣчатъ другъ другу, но взаимно пополняютъ другъ друга и только въ своей совокупности разъясняютъ истинное положеніе дѣла. „Право“, читаемъ въ одномъ новѣйшемъ соціально-юридическомъ изслѣдованіи, „можетъ быть изучаемо съ двухъ главныхъ точекъ зрѣнія: 1) какъ живое общественное явленіе, возникающее въ связи съ извѣстными историческими условіями, выполняющее въ обществѣ извѣстную функцію, проходящее чрезъ извѣстныя стадіи развитія и дѣйствія, рождающееся и умирающее, и, во 2), просто какъ логическая величина извѣстнаго содержанія, представляющая или символизирующая для насъ тотъ или иной внутренній смыслъ“¹⁾. Первая точка зрѣнія ведетъ къ образованію абстрактной, въ смыслѣ Конта, науки о правѣ, какъ частной соціологической дисциплины.

¹⁾ Н. А. Гредескулъ. Къ ученію объ осуществленіи права. Соціально-юридическое изслѣдованіе. Харьковъ, 1900 г., стр. 46. См. тамъ же гл. III § 11, особенно стр. 188.

Такою наукою является исключительно генетическая история права. Вторая—создает догматическую юриспруденцію, въ смыслѣ прикладной науки, или искусства. Сравнительный методъ можетъ и долженъ войти и въ ту, и въ другую область. Задача его въ первой области — раскрывать специфическое проявленіе общихъ соціологическихъ законовъ въ сферѣ права; задача его во второй области — создавать юридическія конструкции, обнимающія не одну, но нѣсколько системъ положительнаго права. Значеніе первой задачи, какъ проблемы чистаго знанія, само собою понятно. Значеніе второй задачи требуетъ объясненія и оправданія. Дѣло въ томъ, что догматическая юриспруденція служитъ цѣлямъ практическаго примѣненія права; поэтому то она строитъ свои конструкции въ предѣлахъ одного дѣйствующаго права. Юридическая же конструкция, построенная путемъ обобщенія нѣсколькихъ дѣйствующихъ правъ, не можетъ уже служить практической цѣли примѣненія. На этомъ основаніи можно бы отрицать значеніе и надобность сравнительно-догматической юриспруденціи. Такое отрицаніе было бы однако поспѣшнымъ и неосновательнымъ. Построеніе сравнительныхъ, если позволено такъ выразиться, конструкций является лучшимъ методологическимъ приѣмомъ для выясненія всѣхъ особенностей своеобразныхъ институтовъ и системы всякаго отдѣльнаго дѣйствующаго права. Прецедентъ подобной сравнительно-догматической юриспруденціи имѣется уже въ наукѣ въ видѣ разработки германистами системы общенѣмецкаго права, на общемъ фонѣ которой съ большею рельефностью конструировались системы отдѣльныхъ партикулярныхъ правъ. Есть еще одна черта, одинаково свойственная и старымъ германистамъ, и новѣйшей сравнительно-догматической юриспруденціи. Это—стремленіе къ унификаціи дѣйствующаго права; въ первомъ случаѣ это стремленіе служило національному объединенію, во второмъ оно пытается служить культурному универсализму. Матеріальное осуществленіе послѣдняго представляетъ собою явленіе метаюридическое, какъ выражается Геллинекъ; но ви́шнія его формы могутъ быть предуготовлены догматической юриспруденціей.

Остается еще одна область, господствовать въ которой стремится сравнительное правовѣдѣніе, именно — политика права. Предметъ ея составляютъ вопросы *de lege ferenda*. Рѣшеніе этихъ вопросовъ основывается на прогнозѣ, который можетъ быть выведенъ изъ историческаго изученія права, какъ соціального явленія. Разъ это историческое изученіе, съ точки зрѣнія современной науки, не можетъ быть инымъ, какъ только сравнительнымъ, то и политика права не можетъ быть иной, какъ только сравнительной.

Сравнительный методъ, какъ видимъ, входитъ во всѣ юридическія дисциплины: исторію, догматику и политику права. Онъ въ сущности одинаково примѣнимъ ко всѣмъ отраслямъ права, будь то право государственное, гражданское, торговое или уголовное. Когда говорятъ о большей пригодности сравнительнаго правовѣдѣнія къ одной какой либо отрасли права, напримѣръ, къ праву торговому, то имѣютъ въ виду не изученіе, но практическое уравниеніе и объединеніе юридическаго порядка культурныхъ народовъ. Конечно, такое уравниеніе и объединеніе возможно въ различныхъ отрасляхъ права далеко не въ одинаковой степени.

Особенную задачу сравнительнаго правовѣдѣнія полагаютъ въ разработкѣ исторіи развитія права, какъ такового (*Entwicklungsgeschichte des Rechts*), которая раскрыла бы неизмѣнные законы юридической эволюціи независимо отъ историческаго контекста отдѣльныхъ системъ дѣйствующаго права. Такая исторія развитія права доставила бы юриспруденціи вполне устойчивыя „научныя общности“ (*généralités scientifiques* О. Конта), столь необходимыя для спеціальной и подробной разработки науки. Порвавъ связь съ метафизикой естественнаго права, юриспруденція лишилась философской основы и можетъ вновь найти ее только въ сравнительномъ правовѣдѣніи, усилія котораго должны быть направлены на выработку вполне позитивной общей теоріи права, построенной на началахъ эволюціонной доктрины.

Важное научное значеніе сравнительнаго правовѣдѣнія невольно привело къ тому, что послѣднее вошло въ цѣль

университетскаго преподаванія права. Въ этомъ отношеніи впереди другихъ странъ пошла Франція, такъ какъ въ ней учреждены для сравнительнаго правовѣдѣнія спеціальныя кафедры. Еще въ 1846 году открыта была въ Парижскомъ юридическомъ факультетѣ для извѣстнаго профессора Ортолана кафедра сравнительнаго уголовного права. Въ 1890 г. учреждены въ томъ же Парижскомъ факультетѣ двѣ кафедры по сравнительному гражданскому праву (*droit civil approfondi et comparé*). Въ 1892 году учреждена въ Парижѣ для профессора Лионъ-Кана кафедра сравнительнаго торговаго и морского права. Въ девяностыхъ же годахъ учреждены кафедры сравнительнаго гражданского права въ двухъ провинціальныхъ университетахъ—Тулузскомъ и Реннскомъ. Въ 1895 г. учреждены во всѣхъ университетахъ Франціи кафедры сравнительнаго конституціоннаго права, курсъ котораго обязателенъ для ищущихъ степени доктора права по разряду политическихъ и экономическихъ наукъ. Кромѣ того въ Парижской Свободной школѣ нравственныхъ и политическихъ наукъ (*École libre des sciences morales et politiques de Paris*) имѣются три кафедры, специально посвященныя сравнительному правовѣдѣнію: по сравнительному гражданскому, торговому и уголовному праву.

Въ другихъ странахъ Европы, насколько намъ извѣстно, дѣло не зашло такъ далеко. Сравнительный методъ принятъ какъ лучший дидактическій пріемъ университетскаго преподаванія различныхъ юридическихъ дисциплинъ, но постоянныхъ кафедръ сравнительнаго правовѣдѣнія не имѣется. Крайне рѣдко читаются отдѣльные курсы по сравнительному правовѣдѣнію, причемъ они носятъ случайный характеръ и для студентовъ не обязательны. Таковы: въ тридцатыхъ годахъ — курсъ сравнительной исторіи законодательствъ Лерминье въ Брюсселѣ (*Lerminier, Cours d'histoire des législations comparées, Bruxelles, 1838*); въ семидесятыхъ годахъ — курсы Мэна по древнему праву и исторіи древнихъ учреждений въ Оксфордѣ (*H. S. Maine, Lectures on the early history of institutions 1875*, и *Ancient law, its connection with the early hi-*

story of society and its relation to modern ideas, 1878), а также лекції, читанныя Фримэномъ по сравнительной политикѣ въ Королевскомъ Институтѣ въ Лондонѣ (*Ed. Freeman, Comparative politics, 1873*); въ наше время—лекції по философіи права и сравнительному правовѣдѣнію (*Rechtsphilosophie und vergleichende Rechtswissenschaft*), читаемыя профессоромъ Колеромъ въ Берлинскомъ университетѣ въ качествѣ необязательнаго вводнаго (*Einleitende Vorlesungen*), или, по нашему, энциклопедическаго курса ¹⁾.

Въ нашемъ отечествѣ тоже нѣтъ специальныхъ и постоянныхъ кафедръ по сравнительному правовѣдѣнію, но зато всѣ юридическія дисциплины, какъ историческія, такъ и догматическія, преподаются въ нашихъ университетахъ сравнительно. Такой способъ преподаванія утвердился у насъ еще въ шестидесятые годы ²⁾.

Вопросъ о роли сравнительнаго правовѣдѣнія въ университетскомъ преподаваніи юридическихъ наукъ былъ поставленъ на Парижскомъ конгрессѣ 1900 года и составилъ предметъ особаго доклада, представленнаго профессоромъ Парижскаго университета А. Эсменомъ (*A. Esmein* ³⁾).

Задача университетскаго преподаванія права заключается въ томъ, чтобы снабдить студентовъ научнымъ методомъ и общими идеями юридическихъ наукъ и этимъ подготовить ихъ

¹⁾ Плодомъ этихъ чтеній явился новѣйшій трудъ профессора Колера: *Einführung in die Rechtswissenschaft, Leipzig, 1901*.

²⁾ О пользѣ и благихъ послѣдствіяхъ практикуемаго у насъ сравнительнаго преподаванія юридическихъ наукъ см. у *В. В. Есипова*, О преподаваніи права, Варшавск. Унив. Извѣстія, 1901 г., кн. IX, стр. 3.

³⁾ Содержаніе доклада Эсмена, какъ и другихъ приведенныхъ выше докладовъ, я излагаю по печатнымъ экземплярамъ, которые заготовлены были исключительно для членовъ конгресса и привезены мною изъ Парижа. Къ сожалѣнію, труды конгресса до сихъ поръ не опубликованы въ печати полностью и отдѣльнымъ изданіемъ. О ходѣ работъ конгресса см. мою корреспонденцію изъ Парижа въ *Варшавскомъ Дневникѣ* (1900 г. №№ 218 и 219).

къ предстоящей самостоятельной дѣятельности въ области какъ юридической практики, такъ и теоріи. Въ дѣлѣ осуществленія этой задачи первенствующее мѣсто должно быть предоставлено исторіи права и сравнительному правовѣдѣнію, которыя въ совокупности создаютъ сравнительно-историческій методъ, составляющій жизненный нервъ и главный двигатель науки о правѣ.

Признавая несомнѣнное дидактическое значеніе сравнительнаго преподаванія права, Эсменъ считаетъ необходимымъ обставить его наиболѣе благопріятными въ дидактическомъ же отношеніи условіями.

Первымъ изъ такихъ условій является, по мнѣнію Эсмена, правильная классификація правовыхъ системъ различныхъ народовъ путемъ сведенія ихъ къ небольшому числу семействъ, или группъ, изъ которыхъ каждая представляетъ оригинальный правовой типъ¹⁾ Оставляя въ сторонѣ первобытную культуру, важную для общей соціологіи, и ограничиваясь культурой Европы, преимущественно интересной для сравнительнаго правовѣдѣнія, Эсменъ различаетъ въ послѣдней четыре основныхъ типа правового развитія: латинскій, германскій, англо-саксонскій и славянскій²⁾. Въ предѣлахъ этихъ типовъ и слѣдуетъ, по его мнѣнію, излагать студентамъ историческое образованіе, общую структуру и отличительныя черты отдѣльных институтовъ и различныхъ дисциплинъ права. При этомъ слѣдуетъ избѣгать того, что Эсменъ называетъ методомъ пересадки (*la méthode de transposition*), т. е., облеченія чуже-

¹⁾ Нельзя тутъ не привести для сравненія такъ называемые Іеллинекомъ *Durchschnittstypen*, которые онъ признаетъ конечнымъ результатомъ доступнаго политическимъ и юридическимъ наукамъ обобщенія. См. *Jellinek, Das Recht des modernen Staates, I. Band: Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1900, S. 31 u. flg.*

²⁾ Мысль о сравнительномъ изученіи права по племеннымъ группамъ высказывается и въ русской литературѣ. См., напримѣръ, *Н. Максимейко, Сравнительное изученіе исторіи права, Харьковъ, 1898 г., стр. 10—11.*

земнаго права въ категоріи и формы своего національнаго. Должно, напротивъ, изображать иностранныя системы права во всемъ ихъ своеобразіи.

Другой существенно важный дидактическій вопросъ заключается въ томъ, куда отнести сравнительное изученіе права къ началу или къ концу юридическихъ студій? Профессоръ Эсменъ полагаетъ, что — къ концу, и примѣнительно къ французскимъ порядкамъ, считаетъ нужнымъ включить сравнительное правовѣдѣніе въ программу только т. н. *études approfondies*, предназначенныхъ для лиценціатовъ (*licenciés*), готовящихся къ докторату. Сравнительное правовѣдѣніе, говоритъ Эсменъ, такъ же, какъ исторія права, требуютъ отъ лица, ими занимающагося, чтобы оно уже было болѣе или менѣе юристомъ, и тогда восполняютъ и завершаютъ его образованіе; а безъ предварительнаго знанія одной какой либо системы права бесполезно и нельзя, въ сущности говоря, заниматься сравнительнымъ правовѣдѣніемъ.

Вполнѣ соглашаясь съ первымъ изъ выставленныхъ профессоромъ Эсменомъ условій, мы позволимъ себѣ усомниться во второмъ. При этомъ сошлемся на дидактику нашихъ университетовъ, которая основываетъ все юридическое преподаваніе, съ начала и до конца, на сравнительномъ методѣ ¹⁾.

Θ. Тарановскій.

¹⁾ Эту сторону нашего университетскаго преподаванія права я отмѣтилъ въ лекціи, читанной мною лѣтомъ 1900 года въ Парижѣ въ русской группѣ Международной школы выставки (*École internationale de l'Exposition*) подъ заглавіемъ: „Изученіе и обученіе исторіи русскаго права“. М. М. Ковалевскимъ предполагается къ печати сборникъ всѣхъ лекцій русской группы названной школы, давшей починъ нынѣшней Русской высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

Три романтических мотива въ произведеніяхъ Гоголя.¹⁾

Когда слышишь или читаешь сужденіе о Гоголѣ, какъ о писателѣ-реалистѣ, невольно приходитъ на мысль его извѣстное лирическое отступленіе въ началѣ VII-й главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. „Счастливъ писатель“, скорбно говорить Гоголь, „который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство чловѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ, среди ихъ, какъ въ родной семьѣ, а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава“... Съ какою-то незлобивою и мечтательною завистью говорить здѣсь авторъ о свѣтлой долѣ этого другого писателя-романтика, пѣвца своихъ неземныхъ идеаловъ. Въ этихъ строкахъ невольно читаешь тайное желаніе Гоголя-реалиста отказаться отъ своего тяжелаго креста—рисовать реальную жизнь—и погрузиться въ эти возвеличенные, отторгнутые отъ земли, романтическіе образы. Да, именно романтическіе!.. И въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе назвать идеаль отторгнутый отъ земли, идеаль заоблачный, ту-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 21 февраля 1902 г.

манный, какъ не романтическимъ?.. Гоголь и романтизмъ! Какъ это странно звучить!.. А между тѣмъ это такъ. Гоголь началъ свою литературную дѣятельность въ 30-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ самый разгаръ горячихъ толковъ о романтизмѣ и борьбы его съ классицизмомъ. Гоголь былъ достаточно силенъ, чтобы, помимо романтическихъ крайностей, сразу встать на свою самостоятельную дорогу—автора реального романа и повѣсти, но новое романтическое вѣяніе было еще сильнѣе и, хотя отчасти, однако захватило писателя-реалиста въ свой очарованный кругъ ¹⁾. Такъ произведеніе его восемнадцатилѣтней юности—Ганцъ Кюхельгартенъ—носитъ на себѣ всѣ слѣды вліянія романтизма. Одинъ изъ изслѣдователей творчества Гоголя ²⁾ отмѣчаетъ въ этомъ произведеніи подражаніе сельской поэмѣ Фосса „Луиза“, самой извѣстной изъ идиллій этого представителя Sturm-und-Drang'a. Въ обѣихъ идилліяхъ—Гоголевской и Фоссовой—дѣйствіе сводится къ борьбѣ молодой силы между любовью къ незатѣйливой избранницѣ сердца и стремленіемъ къ высокой цѣли и славѣ. Ганцъ покидаетъ свою возлюбленную, пускается въ свѣтъ въ погоню за славой,

¹⁾ Считаю необходимымъ пояснить, что, употребляя термины романтизмъ и романтический, я понимаю ихъ въ томъ широкомъ смыслѣ слова, въ которомъ они установлены въ новѣйшей наукѣ исторіи литературы такими напр. ея представителями, какъ Тэнъ и Брандесъ. При такомъ пониманіи подъ романтизмомъ разумѣется извѣстная историческая эпоха—конецъ XVIII и начало XIX столѣтій—эпоха реакціи просвѣтителному движенію, эпоха борьбы чувства съ разумомъ, въ которую, среди поисковъ за новымъ, нѣсколько туманнымъ, идеаломъ религіознымъ, политическимъ, соціальнымъ, научнымъ, вырабатывались также и новые литературные взгляды, новая теорія искусства вообще и поэзіи въ частности. Такимъ образомъ литературный романтизмъ—это время обновленія поэзіи послѣ тяжелаго сна ложноклассицизма, т. е. время Sturm-und-Drang'a, Шиллера, Гете, Новалиса, Тика, Шлегелей въ Германіи, Гюго и его предшественниковъ Руссо, Шатобріана, Сталь—во Франціи, Вальтеръ-Скотта, Байрона и Шелли въ Англіи, Жуковского, Пушкина и Лермонтова въ русской литературѣ.

²⁾ Кулишъ, Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 69.

разочаровывается въ людяхъ и возвращается къ своей Луизѣ. Въ поэмѣ Гоголя можно указать какъ слѣды русскаго байронизма, такъ въ частности и слѣды личнаго романтическаго разочарованія автора, которое онъ переживалъ за это время ¹⁾. Самое увлеченіе Гоголя украинской стариной находится въ несомнѣнной связи съ увлеченіемъ историческими романами Вальтеръ-Скотта, этого колосса романтизма. Вальтеръ-Скоттъ далъ нашему писателю форму изображенія того поэтическаго матеріала, который онъ черпалъ изъ сокровищницы родной старины. Проф. Дашкевичъ ²⁾, приурочивая произведенія украинской литературы XIX стол. къ тремъ главнымъ теченіямъ, замѣчаетъ, что одно изъ нихъ было именно романтическое, соединившееся съ этнографическимъ и историческимъ изученіемъ южнорусскаго эпоса; къ этому романтическому теченію несомнѣнно примыкаетъ такое произведеніе Гоголя, какъ Тарасъ Бульба. Указываютъ и на нѣкоторыхъ другихъ представителей романтизма, повліявшихъ на творчество Гоголя. Такъ въ рассказѣ Гоголя „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“ находятъ мотивы повѣсти романтика Тика „Чары любви“ ³⁾; „Сорочинскую ярмарку“ Гоголя еще одинъ изъ современныхъ ему критиковъ (Царынный) сопоставлялъ съ рассказомъ „Вѣкъ рыцарства“ Фуке ⁴⁾. Отмѣчаютъ также и вліаніе Гофмана. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, особенно сильно напрашивается на сравненіе рассказъ Гоголя „Носъ“ съ нѣкоторыми повѣстями Гофмана, напр. съ „Исторіей о потерянномъ отраженіи въ зеркалѣ“ или даже съ повѣстью Шамиссо „Петръ Шлемиль“, гдѣ человѣкъ теряетъ свою тѣнь; во всѣхъ этихъ

¹⁾ Ср. письмо къ П. П. Косаровскому: *Русск. Стар.*, 1876 г., 1 кн., стр. 42.

²⁾ *Дашкевичъ*, Отзывъ о сочиненіи Петрова (Отчетъ о 29 присужденіи наградъ графа Уварова. Приложение къ LIX тому Зап. Имп. Ак. Н. Спб. 1888).

³⁾ *Телескопъ*, 1831, № 20, стр. 653 (статья Надеждина). Сочин. Гоголя, изд. Тихонравова, т. I, стр. 533—534.

⁴⁾ *Сынъ отечества*, 1832 г., т. 147, отд. 3.

разказахъ выступаетъ на первый планъ романтическая галлюцинирующая двойственность, которая составляетъ особенность романтической психологіи и которую можно наблюдать не только у Гофмана, но и у Клейста (въ „Амфитріонѣ“) и у Ахима Арнима (въ пьесѣ „Оба Вальдемара“) ¹⁾. Само собою разумѣется, что приведенными примѣрами далеко еще не исчерпываются тѣ романтическіе штрихи, которые невольно или сознательно Гоголь наложилъ на свои поэтическіе образы. Но не въ нихъ, собственно говоря, заключается внутренняя связь нашего писателя съ романтизмомъ. Въдѣ и самый романтизмъ, какъ явленіе литературное и общественное, не можетъ быть сведенъ только къ причудамъ въ содержаніи и формѣ или къ крайностямъ въ воззрѣніяхъ. Романтизмъ, понимаемый въ широкомъ значеніи этого слова, создалъ цѣлое міровоззрѣніе, далъ цѣлый рядъ положительныхъ и величественныхъ идеаловъ, предъ которыми иногда тускнѣли блестящіе выводы вѣка разума. Романтизмъ имѣлъ свою религію, свое искусство, свою политику и науку. Въ противоположность вѣку разума съ его раціонализмомъ романтики выдвигаютъ въ дѣлахъ вѣры на первый планъ религіозное чувство; вмѣсто разсудочной поэзіи XVIII стол. провѣдуется независимость художественнаго творчества; на мѣсто отвлеченныхъ разсужденій въ науку исторіи проникаетъ строгое критическое и сравнительное изслѣдованіе; въ литературѣ вмѣсто аристократизма XVIII стол. возникаетъ интересъ къ старинѣ и народности; въ соціологіи механическое объясненіе соціальныхъ явленій смѣняется органическимъ и т. д. ²⁾. Изъ этой обширной области романтическаго міросозерцанія, овладѣвшаго обществомъ въ началѣ XIX столѣтія, нѣкоторые мотивы несомнѣнно должны были, по естественному ходу вещей, про-

¹⁾ Ср. *Г. Брандесъ*. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Нѣмецкая литература; глава IX.

²⁾ Ср. *Г. Тэнъ*. Исторія англійской литературы, т. II, книга IV, гл. 1. *А. Шаховъ*. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка; лекціи VIII, IX, XI и XII.

никнуть и во внутренній міръ нашего поэта. Правда мы привыкли поэзію Гоголя сознать главнымъ образомъ какъ изображеніе отрицательной стороны дѣйствительности, да и самъ Гоголь сознвалъ ее такъ въ эпоху творчества „Мертвыхъ Душъ“¹⁾; однако надо признаться, что Гоголь всегда былъ въ значительной степени склоненъ къ восторженности и въ идеализаціи, которыя или по простому совпаденію или въ силу опредѣленныхъ вліяній на нашего поэта выливались иногда въ форму ходячихъ тогда романтическихъ мотивовъ. И это уже были не случайные истрики романтизма, о которыхъ мы говорили выше, но лучшіе его идеальныя завѣты, отъ которыхъ писатель-реалистъ не могъ отказаться при всемъ реализмѣ своихъ произведеній и по которымъ онъ тосковалъ безконечно. По личнымъ моимъ впечатлѣніямъ, такими романтическими мотивами въ произведеніяхъ Гоголя являются его отношеніе къ религіи, искусству и природѣ.

Если разсматривать эти мотивы въ хронологическомъ и генетическомъ порядкѣ, то на первый планъ придется поставить отношеніе Гоголя къ природѣ. Первый міръ, въ который вступилъ Гоголь своими „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“, былъ поэтической міръ Украйны. Для поэта-романтика міръ украинской природы, повѣрій, преданій и быта былъ бы самой благодарной почвой. Однако Гоголь не впалъ въ крайности романтизма. Правда, онъ замѣтно идеализируетъ въ своихъ повѣстяхъ Украйну; тѣмъ не менѣе по свойству своего таланта черты украинскаго быта онъ рисуетъ настолько реально, на сколько позволялъ ему находившійся у него подъ руками народно-поэтической матеріалъ. Но въ то же время обычная восторженность Гоголя искала себѣ пищи и нерѣдко сквозъ жизнерадостный смѣхъ юмористической повѣсти прорывалась въ видѣ того или другого лирическаго эпизода. Такое лирическое настроеніе автора въ данной серіи повѣстей особенно замѣтно проявляется при изображеніи картинъ приро-

¹⁾ См. „Переписка съ друзьями“, 3-е письмо о „Мертвыхъ душахъ“.

ды. Гоголь уже въ этотъ ранній періодъ своего творчества какъ бы предчувствовалъ свой идеальный, „далеко отторгнутый отъ земли и возвеличенный образъ“, о которомъ онъ говоритъ въ эпоху творчества „Мертвыхъ душъ“, но, не находя его въ украинскомъ бытѣ, онъ его воплощалъ въ украинской природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать лучшія его картины природы реальными? Знаменитыя его описанія украинской ночи („Майская ночь“) или Днѣпра („Страшная мѣсть“), эти чудныя картины, при всей своей пластичности невольно поднимаются надъ землею подобно этому неуволному, „отторгнутому отъ земли“ идеалу. Вглядимся въ эти картины. Вотъ лѣтній день. Передъ нами неизмѣримый голубой океанъ, который сладострастно сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ влюбленную землю; а на землѣ недвижно стоятъ *подоблачные* дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ на нихъ цѣлыя живописныя массы листьевъ: куда достигнуть они, тамъ прыщеть *золото*; куда не проникнуть, тамъ лежитъ *темная какъ ночь тѣнь*... Какія краски и какіе контрасты! А вотъ лѣтняя ночь. Передъ нами опять *необъятный* небесный сводъ, онъ горитъ и дышетъ; въ этомъ необъятномъ сводѣ движется океанъ благоуханій; подъ нимъ лежитъ земля вся въ серебряномъ свѣтѣ, а на этомъ громадномъ морѣ серебрянаго свѣта лежитъ огромная *тѣнь* полныхъ мрака лѣсовъ... Какіе могучіе штрихи! Тутъ все громадно и величественно, тутъ нѣтъ деталей. Или вотъ передъ нами *величественный* Днѣпръ. Днемъ это голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рвущая по зеленому міру; никто кромѣ солнца и голубого неба не глядитъ въ середину этого необъятнаго зеркала. Ночью это безконечное *темное лоно*, въ которомъ отдались разомъ *всѣ звѣзды*, осыпавшіяся съ Божьей ризы. Въ бурю это—водяные холмы, ударяющіеся о прибрежныя горы, надъ которыми *горами* же по небу ходятъ черныя тучи... Вглядимся, наконецъ, въ гоголевскую степь. Это опять зелено-золотой океанъ, по немъ брызнули *милліоны* разныхъ цвѣтовъ, а надъ нимъ—*тысячи* птичьихъ голосовъ. Какъ это все сильно, характерно, но не детально. Даже въ „Мертвыхъ

душахъ“, гдѣ изложеніе Гоголя отличается по преимуществу объективнымъ спокойствіемъ, его не покидаетъ манера рисовать лирически-восторженные, широкія картины природы. Вспомнимъ, какъ представляется Гоголю Русь изъ его „прекраснаго далека“. Это опять *необъятный просторъ*, это— сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль... Можно ли возвышеннѣе говорить о той формѣ поверхности, которую принято называть равниной. Во всѣхъ этихъ картинахъ Гоголя мы не видимъ детальной отдѣлки: онъ рисуетъ ихъ сильными взмахами кисти, крупными мазками, самыми яркими красками, и вырастающіе отсюда идеально-величественные образы наиболѣе соотвѣтствуютъ восторженному настроенію поэта. Дѣйствительно, читая эти описанія, не столько видишь самыя картины, сколько переживаешь какое-то чудное настроеніе. И невольно хочется воскликнуть, какъ восклицаетъ Гоголь въ одномъ изъ этихъ описаній („Майская ночь“): „А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно встаютъ въ ея глубинѣ“.. И это не только мое личное впечатлѣніе. Нѣкоторые критики произведеній Гоголя давно уже указали на то, что Гоголь идеализировалъ украинскую природу и жизнь и въ изображеніи ихъ допускалъ, какъ выражается Кулишъ ¹⁾, „эскизность манеръ“, т. е. писалъ наброски, эскизы, не проникая въ глубину своего сюжета. Этотъ характерный терминъ „эскизность манеръ“ именно и заставляетъ насъ вспомнить объ отношеніи къ изображенію природы романтиковъ, для которыхъ поэтической ландшафтъ сводился къ величественной, ярко, крупно и широко нарисованной картинѣ и, наоборотъ, всякій опредѣленный контуръ, всякое ясное очертаніе казалось сухимъ и прозаичнымъ ²⁾. Но картины природы у Гоголя не только величественны: онѣ еще и живы. Всѣ его громадныя силуэты живутъ самою полною жизнью. Необъятный небесный сводъ горитъ и дышетъ, земля нѣжится въ его объятіяхъ, лѣса толпятся къ зеркалу Днѣпра и лю-

¹⁾ Записки о жизни Гоголя, т. I.

²⁾ Ср. Брандесъ. Нѣмецкая литература, гл. VIII.

буются своимъ свѣтлымъ зракомъ и т. п.; даже необъятный просторъ Руси глядитъ на поэта полными ожиданія очами!... Иногда эти живые силуэты принимаютъ самый фантастическій видъ. „Любо глянуть съ середины Днѣпра“, говорилъ Гоголь („Страшная мѣсть“), „на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ—не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣсного дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга—не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій по срединѣ круглое небо; и въ верхней половинѣ, и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ“. Сколько тутъ величественной, чисто мифологической фантазіи. Тутъ нелишне вспомнить, что подъ перомъ Гоголя даже картина Невскаго проспекта въ сумерки (въ повѣсти того же имени) получаетъ какой-то таинственный, фантастическій характеръ. Эта вторая черта гоголевскихъ картинъ природы, ихъ фантастическая живость, опять заставляетъ насъ вспомнить о ландшафтѣ романтиковъ, напр. о пресловутомъ романтическомъ *Waldeinsamkeit*, полномъ таинственной жизни, населенномъ эльфами и демонами. Таковы всѣ ландшафты Тика, Новалиса, Гофмана ¹⁾... Но подобная параллель съ романтиками дѣлается не въ укоръ Гоголю. Эта параллель доказываетъ только, что Гоголь къ своей родной природѣ примѣнилъ то сердечное отношеніе, которое выдвинули романтики, что онъ любилъ свою родную природу и созерцалъ ее съ благоговѣйнымъ восторгомъ и настоящимъ энтузіазмомъ влюбленнаго, для котораго нѣтъ въ любимомъ предметѣ ни контуровъ, ни деталей, но есть только одинъ полный обаянія и именно отторгнутый отъ земли образъ. Восторженное настроеніе поэта создавало идеальный образъ, а романтизмъ давалъ этому образу соответствующую форму.

¹⁾ Ср. *Брандесъ*. Нѣмецкая литература, гл. VIII.

Но вотъ Гоголь вступаетъ въ новый міръ. Повѣстями, вошедшими въ сборникъ „Арабески“ (1835), начался новый періодъ въ литературной дѣятельности Гоголя: изъ міра украинской поэзіи онъ вступилъ въ тотъ самый міръ пошлости, избращеніе котораго онъ вскорѣ сталъ считать своей поэтической задачей. Повидимому, въ сѣренькой чиповничьей средѣ Петербурга не могло быть пищи для восторженнаго настроенія Гоголя. Но это только такъ кажется на первый взглядъ. Правда, въ петербургской жизни не было ни поэзіи народной жизни, ни поэзіи природы; но зато въ ней былъ симпатичный для Гоголя міръ художниковъ, міръ искусства; въ немъ-то Гоголь и искалъ этого „далеко отторгнутаго отъ земли и возвеличеннаго образа“, въ которомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, промелькнетъ передъ нами опять довольно опредѣленный и современный Гоголю романтическій мотивъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ какъ изображаетъ Гоголь міръ художниковъ. И „Портретъ“ и „Невскій проспектъ“—обѣ повѣсти рисуютъ намъ печальную картину того, что свободное художество и чистое вдохновеніе гибнутъ отъ соприкосновенія съ грубою и пошлою дѣйствительностью; въ первомъ случаѣ элементомъ этого грубаго и пагубнаго реализма являются деньги, на которыя художникъ промѣнялъ свое свободное творчество, а во второмъ—женщина, которая отвергла чистый порывъ души художника. Въ обоихъ случаяхъ Гоголь, согласно обычному приему романтиковъ, поставилъ личность художника несравненно выше обыденной, реальной жизни, окружилъ его ореоломъ идеала и изъ міра пошлости восхитилъ въ романтическій міръ, созданный собственной фантазіей поэта. Не подлежитъ сомнѣнію, что тутъ мы встрѣчаемся съ отраженіемъ романтической теоріи, въ частности теоріи Шлегеля, о свободѣ художественнаго творчества. Въ то время, къ которому относятся вышеуказанныя повѣсти Гоголя, романтическія темы „поэтъ“ и „художникъ“ получили уже право гражданства въ нашей литературѣ. Стоитъ перелистать напр. „Московский Вѣстникъ“ М. П. Погодина, и мы встрѣтимъ тамъ рядъ стихотворныхъ произведеній и прозаическихъ разсужде-

ній, посвященныхъ тому взгляду на поэтическое творчество, который былъ навѣянъ нѣмецкой романтикой. Даже этотъ сюжетъ гоголевскихъ повѣстей—соприкосновеніе идеальнаго міра художника въ широкомъ смыслѣ этого слова съ реальнымъ міромъ пошлости—не разъ затрогивался и другими нашими писателями и даже раньше Гоголя. Таковы произведенія кн. Одоевскаго: „Послѣдній квартетъ Бетховена“, „Импровизаторъ“, „Себастьянъ Бахъ“, Полевого: „Живописецъ“, „Аббадона“, Павлова: „Имянины“, Пушкина: „Египетскія ночи“ и т. д. Посмотримъ, въ чемъ же заключается задача этого романтическаго гоголевскаго художника. Художникъ,—котораго по духовной структурѣ врядъ ли отдѣляетъ Гоголь отъ геніальнаго поэта, или музыканта, или вообще всякой вдохновенной натуры,—по его мнѣнію, неизбѣжно нравственно падаетъ, если только спускается въ низменную сферу обыденной жизни, потому что становится ничтожнымъ человѣкомъ. Какъ тутъ кстати вспомнить, что и пушкинскій поэтъ (ст. „Поэтъ“) въ тѣ минуты, когда его не посѣщаетъ вдохновеніе, теряетъ свой величественный обликъ:

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра

Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ...

Но зато какъ высоко встанетъ художникъ надъ толпою, когда онъ не погрязнетъ въ пошлой дѣйствительности, выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ грубымъ реализмомъ жизни и взлѣблетъ свое созданіе. Гоголь рисуетъ намъ и этотъ моментъ изъ жизни художника. Герой повѣсти „Портретъ“, нравственно павшій художникъ, съ видомъ знатока приближается къ картинѣ своего дотолѣ неизвѣстнаго товарища, который соберетъ въ себѣ божественную искру генія. „Боже, что онъ увидѣлъ!“ восклицаетъ авторъ. „Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло передъ нимъ произведеніе художника“. Припомнимъ тутъ кстати, что и Жуковский называетъ въ одномъ своемъ произведеніи (въ повѣсти „Вадимъ Новгородскій“) свое поэтическое творчество, свою музу „тихою“, „непорочною, какъ сама природа“. „И хотъ бы какое нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть“, говоритъ авторъ о

художникѣ-творцѣ этого дивнаго созданія, „хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя бы мысль о томъ, чтобы показать — ся черни“... Тутъ опять напрашивается на сравненіе „поэтъ“ Пушкина, который тоже далекъ отъ мысли искать одобренія черни (ср. стих. „Поэтъ и Чернь“). „Оно возносилось скромно“... продолжаетъ Гоголь о созданіи художника. „Оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ гений. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна, и изумленные столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому: невыразимо выразимое покоилось на нихъ;— и все это было наброшено такъ легко, такъ скромно свободно, что, казалось, было плодомъ минутнаго вдохновенія художника, вдругъ осѣнившей его мысли. Вся картина была— мгновеніе, но то мгновеніе, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно приготовленіе“. Трудно идеальнѣе и возвышеннѣе говорить о человѣческомъ творествѣ. Но не трудно замѣтить, что идеалъ поэта здѣсь слишкомъ неуловимъ и туманенъ, какъ всякій романтическій образъ: онъ весь складывается изъ „божественныхъ чертъ“, изъ „тайныхъ явленій“, изъ чего-то „невыразимо выразимаго“, какъ говоритъ Гоголь,— и все это созданіе—только мгновеніе, но такое мгновеніе, къ которому надо готовиться всю жизнь. Взглядъ Гоголя на искусство былъ замѣченъ уже почти его современниками. Ап. Григорьевъ, комментируя ту же повѣсть Гоголя („Портретъ“), по поводу вышеизложеннаго взгляда его замѣчаетъ, что Гоголь именно указалъ законы художественнаго творчества. Идеалъ художника, указанный Гоголемъ, по пониманію Ап. Григорьева заключается въ томъ, чтобы за рельефными фигурами художественнаго произведенія таилось еще что-то, что зоветъ насъ къ безконечному и что связываетъ ихъ самихъ съ безконечнымъ незримою связью ¹⁾. Послѣдняя мысль о не-

¹⁾ Соч. Ап. Григорьева. Т. I, отдѣлъ первый. Русская литератур. въ 1851 году, стр. 12.

зримой связи конечнаго съ безконечнымъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что самый коментарій Ап. Григорьева къ романтическому идеалу Гоголя отзывается тоже романтизмомъ, и это вполне понятно, такъ какъ самъ критикъ въ своихъ воззрѣнiяхъ опирался на Шеллинга, связь котораго съ романтической школой неоспорима. Впрочемъ, еще до Ап. Григорьева, Гегель, опредѣляя прекрасное какъ безконечное въ конечномъ, подъ романтической формой искусства разумѣлъ тотъ видъ прекраснаго, въ которомъ идея, внутреннее содержанiе чувства беретъ перевѣсъ надъ явленiемъ. Не трудно видѣть, что взглядъ Гоголя на искусство можетъ быть подведенъ подъ эту именно философскую формулу. Но если Гоголь взглянулъ глазами романтика на искусство, которое, очевидно, онъ понималъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, то и во взглядѣ его на поэзію, не на поэзію отрицательной стороны жизни, но на поэзію положительнаго идеала, долженъ промелькнуть опять-таки романтическій мотивъ. Его идеаль, этотъ „далеко отторгнутый отъ земли и возвеличенный образъ“ (какъ онъ самъ выражается) можетъ быть „прекраснымъ удѣломъ“ не только для художника-живописца, но и для того счастливаго писателя, о которомъ Гоголь говоритъ въ вышеприведенномъ лирическомъ отступленіи. Этого счастливаго писателя Гоголь болѣе всего видитъ въ Пушкинѣ и его именно поэзію опредѣляетъ романтическими штрихами. Вотъ какъ онъ говоритъ о поэзіи Пушкина въ статьѣ, носящей заглавіе: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“¹⁾ „Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое самъ поэтъ и ничего больше,—что

¹⁾ Соч. *Н. В. Гоголя*, изд. десятое Н. Тихонравова, т. IV, стр. 169. Я нахожу умѣстнымъ, говоря объ эпохѣ сборника „Арабески“, воспользоваться и этой статьей изъ „Переписки“ Гоголя, потому что, хотя она окончена въ 1846 году, однако, по собственному выраженію Гоголя, „давно уже запала ему въ голову“, и, слѣдовательно, процессъ ея созданія приближается къ вышеозначенной эпохѣ. (См. Соч. Гоголя, изд. Тихонр., т. IV, стр. 543—545).

такое поэтъ, взятый не подъ вліяніемъ какого-нибудь времени или обстоятельствъ и не подъ условіемъ также собственнаго, личнаго характера, какъ человѣка, но въ независимости отъ всего. . При мысли о всякомъ поэтѣ представляется больше или меньше личность его самого... У одного Пушкина ея нѣтъ. Что схватишь изъ его сочиненій о немъ самомъ? Поди, улови его характеръ, какъ человѣка! На мѣсто его предстанетъ тотъ же чудный образъ, на все откликающійся и одному себѣ только не находящій отклика“. Тутъ Гоголь впадаетъ даже въ нѣкоторую крайность, легко впрочемъ объяснимую его романтической точкой зрѣнія на искусство. Поэзія Пушкина, которой во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ субъективномъ элементѣ, представляется ему чѣмъ-то романтически неуловимымъ, на все откликающимся и въ то же время ни отъ чего независимымъ чуднымъ образомъ. Какъ это напоминаетъ Новалиса съ его пресловутымъ опредѣленіемъ романтическаго творчества. Поэзія, по мнѣнію Новалиса, есть не что иное, какъ міръ неопредѣленныхъ неуловимыхъ настроеній: *Stimmungen, unbestimmte Empfindungen nicht bestimmte Empfindungen und Gefühle...* ¹⁾ То, что Новалисъ говоритъ о субъективномъ настроеніи поэта, у Гоголя примѣняется къ объективному образу поэтическаго творчества. Необходимо оговориться впрочемъ, что Гоголь глубоко цѣнитъ въ Пушкинѣ пониманіе русской дѣйствительности, слѣдовательно признаетъ за его поэзіей національный характеръ; но въ то же время призваніе его видитъ не въ изображеніи только „самой правды“ жизни, но въ изображеніи того, что „еще лучше ея“, какъ онъ самъ выражается. „На то и призваніе поэта“, говоритъ Гоголь, ²⁾ „чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратитъ намъ, въ очищенномъ и лучшемъ видѣ. Все показало въ Пушкинѣ, что онъ на то былъ рожденъ и къ

¹⁾ *Шаховъ*. Очерки литерт. движенія въ первую половину XIX вѣка; лекція XII.

²⁾ Въ той же статьѣ: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи“; соч. т. IV, стр. 169.

тому стремился“. И такъ идеаль того счастливаго писателя, о которомъ такъ восторженно говоритъ Гоголь, того поэта положительной стороны жизни—это очищенная и просвѣтленная жизнь,—то, что лучше жизненной правды. Въ этомъ взглядѣ Гоголя на поэзію легко чувствуется та же романтическая мысль о незримой связи конечнаго съ безконечнымъ, которую подмѣтилъ Ап. Григорьевъ въ воззрѣніяхъ нашего поэта на искусство.

Своей „Перепиской“ и „Авторской исповѣдью“ Гоголь опять вступаетъ въ новый міръ. Это уже не романтический міръ украинской поэзіи, не пошлый міръ столичной жизни, но по преимуществу міръ его внутреннего самонаблюдения. Въ одномъ письмѣ (къ Плетневу отъ 16 окт. 1846 г.) Гоголь говоритъ о „трехъ своихъ эпохахъ“. Г. Тихонравовъ, комментируя это замѣчаніе Гоголя, полагаетъ, что третья эпоха дѣятельности и жизни Гоголя начинается съ его выздоровленія отъ жестокой болѣзни въ концѣ 1845 года ¹⁾. С. Т. Аксаковъ относитъ эту послѣднюю эпоху къ концу 1840 г., понимая ее какъ переломъ въ воззрѣніяхъ Гоголя ²⁾; П. В. Анненковъ въ этомъ отношеніи говоритъ о 1843 годѣ ³⁾. Во всякомъ случаѣ сороковые годы были новымъ фазисомъ въ духовномъ развитіи Гоголя. Этотъ фазисъ характеризуется извѣстною рѣзкою переменною въ настроеніи Гоголя, которую многіе склонны объяснять душевною болѣзнию. Не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько справедливо это объясненіе, можно все таки съ полнымъ основаніемъ утверждать, что существуетъ несомнѣнная внутренняя связь между послѣдней эпохой въ развитіи Гоголя и болѣе равнымъ временемъ его духовной жизни. Эту связь мы имѣемъ полную возможность прослѣдить даже и съ своей точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой эпохѣ центромъ настроенія Гоголя является его религіозное чув-

¹⁾ Сочин. Гоголя, т. IV, стр. 543—544.

²⁾ Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 43.

³⁾ Воспоминанія и критическіе очерки, т. I, стр. 229—31.

ство; слѣдовательно, предполагая вышеуказанную внутреннюю связь послѣдней эпохи въ жизни Гоголя съ предъидущими, мы въ правѣ ожидать, что въ религіозномъ именно чувствѣ Гоголь и будетъ теперь искать того „отторгнутаго отъ земли“ и отчасти романтическаго (по нашимъ наблюденіямъ) идеала, который онъ искалъ до сихъ поръ то въ величественныхъ картинахъ природы, то въ чистыхъ созданіяхъ искусства и поэзіи. Религіозное настроеніе Гоголя опредѣляется иногда какъ мистическій эгоизмъ. Но мнѣ кажется, это опредѣленіе требуетъ поправки или, по крайней мѣрѣ, разъясненія. При чтеніи его „Переписки съ друзьями“¹⁾, въ которой съ особенной полнотою вылилось это мистическое настроеніе автора, невольно обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые пункты его религіознаго настроенія, родственные съ воззрѣніями романтиковъ. Интересно отмѣтить прежде всего, что главное препятствіе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія и усовершенствованія человѣчества Гоголь видитъ въ гордости, именно въ „гордости ума“. Человѣкъ девятнадцатаго столѣтія, по выраженію Гоголя (въ статьѣ „Свѣтлое Воскресеніе“²⁾), ничему и ни во что не вѣритъ; только вѣритъ въ одинъ умъ свой: чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ... Во всемъ онъ усомнится: въ сердцѣ человѣка, котораго нѣсколько лѣтъ зналъ, въ правдѣ, въ Богѣ усомнится, но не усомнится въ своемъ умѣ“. Въ этихъ словахъ, повидимому, чувствуется противникъ вѣка разума, противникъ анализирующей силы ума. Невольно припоминаются при этомъ горячія выходки противъ вѣка просвѣщенія такихъ реакціонеровъ-романтиковъ, какъ мистическій

¹⁾ Мнѣ кажется, къ матеріалу для характеристики міросозерцанія Гоголя мы вполне можемъ привлечь и его „Переписку съ друзьями“, такъ какъ горячіе толки о безуміи, постигшемъ будто-бы Гоголя въ концѣ его жизни, уступаютъ мѣсто спокойной исторіи его послѣдовательнаго душевнаго развитія, въ которомъ „Переписка“ является естественнымъ звеномъ (Ср. Н. В. Гоголь и его „Переписка съ друзьями“. Историко-литературный очеркъ П. А. Матвѣева).

²⁾ Сочин., т. IV, стр. 213.

поэтъ Новалисъ („Фрагментъ о христіанствѣ“) или графъ Жозефъ де-Местръ („О папѣ“). Для представителей романтической реакціи начала XIX столѣтія гордый человѣческій умъ казался именно той пропастью, въ которую должно было впасть все человѣчество. И дѣйствительно, какіе мрачные результаты человѣческой гордыни рисуетъ въ той же статьѣ Гоголь. „Непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ“... Передъ нами именно та картина духовной смерти человѣчества, которую можно найти у того же Новалиса, когда онъ говоритъ о реформаціи или о вѣкѣ просвѣтительной философіи ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что Гоголь здѣсь незамѣтно для самого себя впадаетъ въ нѣкоторую крайность. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли допустить, чтобы Гоголь отрицательно относился къ прогрессу человѣческаго ума? Конечно, нѣтъ. Но эта именно крайность и парадоксальность еще болѣе отбѣняетъ то восторженное и, надо сознаться, нѣсколько мистическое религіозное настроеніе, которое онъ переживалъ. Дѣйствительно, посмотримъ, чего же не достаетъ этому несчастному человѣчеству, погибающему отъ гордыни ума, чтобы спастись отъ угрожающей ему духовной могилы? И если не къ умственному прогрессу, то къ какой именно конечной цѣли долженъ стремиться человѣкъ? На первый вопросъ отвѣтъ находимъ въ той же статьѣ („Свѣтлое Воскресеніе“), а на второй въ статьѣ „Христіанинъ идетъ впередъ“ ²⁾. Не достаетъ человѣчеству свѣтлаго простодушія и ангельскаго младенчества. „Ему ли“ — этому человѣку XIX столѣтія, — восклицаетъ авторъ, „исполниться того свѣтлаго простодушія и ангельскаго младенчества, которое собираетъ всѣхъ людей въ одну семью?“. Такимъ образомъ, человѣку

¹⁾ *Новалисъ*, статья 1799 года: „Христіанство или Европа“.

²⁾ Сочин. т. IV, стр. 55.

XIX столѣтія, говоря яснѣе, при прогрессѣ ума не достаетъ соотвѣтствующаго нравственнаго развитія. Но на этомъ авторъ не останавливается. Отвѣчая на второй поставленный нами выше вопросъ, Гоголь приходитъ вотъ къ какому выводу. Конечноя цѣль человѣческаго усовершенствованія не умъ и не разумъ, которые не даютъ полной возможности стремиться впередъ, но высшая мудрость, небесная гостья, которая достигается молитвою независимо отъ ума и разума. И далѣе Гоголь рисуетъ мистическую картину того блаженнаго состоянія, когда человѣка посѣтитъ эта небесная гостья, высшая мудрость, высшая благодать. „Если она вступитъ въ домъ, тогда начинается для человѣка небесная жизнь, и онъ постигаетъ всю чудную сладость быть ученикомъ. Все становится для него учителемъ; весь міръ для него учитель: ничтожнѣйшій изъ людей можетъ быть для него учитель. Изъ совѣта самаго простаго извлечетъ онъ мудрость совѣта; глупѣйшій предметъ станетъ къ нему своею мудрою стороною, и вся вселенная передъ нимъ станетъ, какъ одна открытая книга ученія: больше всѣхъ будетъ онъ черпать изъ нея сокровищъ, потому что больше всѣхъ будетъ слышать, что онъ ученикъ“. Мы присутствуемъ такимъ образомъ при картинѣ духовнаго созерцанія, этого высшаго пункта въ развитіи религіознаго энтузіазма. Тутъ невольно приходитъ на память основной пунктъ романтической религіи. Въ романѣ „Генрихъ фонъ Офтердингенъ“ Новалисъ говоритъ: „Состояніе знанія есть евдемонія, — блаженный покой созерцанія, божественный квіетизмъ“¹⁾. Вспомнимъ также, что Шлейермахеръ въ своихъ „Рѣчахъ о религіи“ высказываетъ слѣд. убѣжденіе: „Тотъ, кто хочетъ выйти за предѣлы простаго созерцанія, утрачиваетъ религію“²⁾, т. е. анализирующая, критическая мысль парализуетъ религіозное чувство. По интересному совпаденію въ религіозномъ настроеніи Гоголя, обрисованномъ вышеприведен-

¹⁾ *Брандесъ*. Нѣм. лит. гл. X.

²⁾ *Шаховъ*. Очерки, лекція XI.

ными строками, мы встрѣчаемъ именно этотъ свѣтлый и возвышенный пунктъ религіи романтиковъ, т. е. духовное созерцаніе, которое почти отождествляется съ поэтическимъ созерцаніемъ окружающей жизни. Не будемъ говорить, что Гоголь выдвинулъ здѣсь возвышенную поэзію религіи подъ вліяніемъ того или другого романтическаго писателя: это было бы невѣрно. Дѣло, мнѣ кажется, объясняется гораздо проще. Надо вспомнить, что мистически восторженная религія чувства, религія романтизма проникла и къ намъ въ началѣ XIX столѣтія. Самъ императоръ Александръ I увлекался этимъ романтическимъ мистицизмомъ. Вполнѣ понятно, что Гоголь, который жилъ всетаки еще наканунѣ 40-хъ годовъ, вмѣсто того, чтобы подъ бременемъ скептицизма погрузиться на подобіе Лермонтова въ поэзію отчаянія, углубился въ противоположную крайность—религіозный мистицизмъ, сдѣлавъ это столько же подъ вліяніемъ семейнымъ, сколько и общественнымъ. Невольно вспоминается тутъ отзывъ о Гоголѣ С. Т. Аксакова. По словамъ его Гоголь въ своей религіозной восторженности достигъ такого высокаго настроенія, которое уже несовмѣстимо съ тѣлесной оболочкой человѣка¹⁾. Но Гоголь не остановился только на этомъ пунктѣ религіознаго настроенія. Его указанія съ одной стороны на гордыню ума, съ другой—на необходимость христіанскаго смиренія свидѣлствуютъ о томъ, что религіозный его идеаль получилъ отчасти и аскетическій характеръ. Дѣйствительно, это духовное созерцаніе, которое сближаетъ религіозныя воззрѣнія Гоголя съ такими же воззрѣніями романтиковъ, въ представленіи его слилось съ нашимъ древнерусскимъ идеаломъ святости, о которомъ забыли русскіе вольтеріанцы конца XVIII и начала XIX столѣтія. Какъ разъ именно въ началѣ 40-хъ годовъ Гоголь принялся за чтеніе твореній отцовъ церкви и духовныхъ поученій наставниковъ иночества; любимымъ чтеніемъ его сдѣлалась ме-

¹⁾ С. Т. Аксаковъ. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 45 и 46.

жду прочимъ книга „Добротолюбіе“, содержаніемъ которой именно было духовное самосозерцаніе; изъ западныхъ богословскихъ сочиненій онъ любилъ „Подражаніе Христу“ Ѳомы Кемпійскаго,—книгу такого же характера ¹⁾. Вотъ почему при чтеніи вышеприведенныхъ строкъ изъ области религіозныхъ размышленій Гоголя невольно приходитъ также на память напр. аскетическій идеаль преп. Нила Сорскаго, который на дикомъ берегу рѣчки Соры, на мѣстѣ —по его собственному выраженію — „угодномъ, занеже мірской чади мало входно“, предавался своему духовному созерцанію. Сущность нравственнаго усовершенствованія человѣка преп. Нилъ видитъ также только въ „умномъ“, „сердечномъ дѣланіи“, при которомъ вырабатывается психологически—тонкое воззрѣніе на человѣческую душу и окружающую природу ²⁾. Такимъ образомъ если религіозная восторженность Гоголя приближается нѣсколько къ романтизму, то его религіозный идеаль носитъ уже несомнѣнно древнерусскій характеръ. Во всякомъ случаѣ, въ послѣднюю эпоху своей жизни и дѣятельности Гоголь особенно рѣзко выдѣлялъ изъ области реальной жизни религіозный идеаль и, сводя его къ духовному созерцанію, тѣмъ самымъ незамѣтно для себя сблизилъ религію съ поэзіей. Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ онъ ищетъ теперь своего „далеко отторгнутаго отъ земли“ образа. Но если предположить внутреннюю связь между этой эпохой въ жизни Гоголя и предъидущими, то намъ естественно придется наблюдать, какъ Гоголевскій идеаль искусства и поэзіи (о чемъ говорили уже выше) проникнетъ въ область религіи и, наоборотъ, религіозный его идеаль зайдетъ въ область искусства и поэзіи. Это дѣйствительно и наблюдается. Въ той же повѣсти „Портретъ“, о которой мы говорили выше и которая во второй редакціи появилась уже въ

¹⁾ П. А. Матвѣевъ. Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями; стр. 47.

²⁾ А. Н. Пытинъ. Исторія русской литературы, т. II, стр. 107—110. (Цит. изъ соч. Жмакина „Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія“, стр. 27—34).

1842 г., кромѣ двухъ молодыхъ художниковъ авторъ рисуетъ еще типъ скромнаго, набожнаго живописца, какіе только жили, по его замѣчанію, во время религіозныхъ среднихъ вѣковъ. Этотъ живописецъ, живя въ монастырѣ, со всею строгостью аскета въ постѣ и молитвѣ трудится надъ изображеніемъ пречистаго лика Дѣвы Маріи, и вотъ высшая сила осѣняетъ его, и ангелъ возноситъ его грѣшную руку. Параллель къ этому типу можно указать съ одной стороны въ легендарной литературѣ (ср. напр. рассказъ объ Алимпіи художникѣ и чудотворцѣ въ Кіевопечерскомъ патерикѣ), съ другой опять-таки въ нѣмецкихъ романтическихъ произведеніяхъ. Такъ въ „Штернбальдѣ“ Тика, гдѣ излагается тоже исторія живописца, проглядываетъ мысль, что благочестіе должно быть основой художественной дѣятельности¹⁾. А вѣдь „Штернбальдъ“ одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній нѣмецкой романтики; недаромъ Гете, высмѣвая романтиковъ, употреблялъ терминъ „das Sternbaldisiren“. Образъ этого живописца-аскета, повидимому, окончательно сложился у Гоголя только въ 40-ыхъ годахъ, т. е. въ послѣднюю эпоху его дѣятельности, такъ какъ воззрѣнія этого великаго мастера на искусство изложены уже во второй редакціи повѣсти „Портретъ“, появившейся въ 1842 году въ „Современникѣ“ Плетнева. „Исполни, изучай все, что ни видишь, покори все своей кисти, но умѣй находить во всемъ внутреннюю мысль и нуще всего старайся постигнуть высокую тайну творенія“. Такъ говоритъ во второй редакціи повѣсти старый художникъ-аскетъ своему сыну. „Блаженъ избранныкъ, владѣющій ею“, продолжаетъ онъ. „Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ создатель-художникъ такъ же великъ, какъ и въ великомъ, въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ черезъ него прекрасная душа создаваго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души. Намекъ о божественномъ, небесномъ

¹⁾ Брандесъ. Нѣм. лит. гл. VIII.

раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и оттого оно выше всего“. Не трудно видѣть, что старый художникъ въ искусствѣ ищетъ того же созерцательнаго идеала, какого Гоголь ищетъ въ религіи. Какъ во время духовнаго созерцанія „глупѣйшій предметъ“, по выраженію Гоголя „станетъ къ созерцающему своею мудрою стороною“, такъ при наличности художественнаго творчества все низкое и презрѣнное „получаетъ, по словамъ художника-аскета, высокое выраженіе“. Такимъ образомъ конечная цѣль въ искусствѣ та же, что и въ религіозномъ развитіи, т. е. области религіи и искусства, по представленію Гоголя, соприкасаются. То же самое можно замѣтить въ частности и о поэзіи. Въ названной выше статьѣ („Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“), оконченной въ 1846 году, Гоголь говоритъ о Пушкинѣ, что для него поэзія всегда была святиней, какимъ то храмомъ. „Не входилъ онъ туда неопратный и неприбранный“, добавляетъ Гоголь. Интересно это замѣчаніе сопоставить съ вышеприведенной цитатой изъ статьи „Христіанинъ идетъ впередъ“, гдѣ человѣкъ, готовясь принять высшую мудрость — небесную гостью, убираетъ внутри себя все до возможнѣйшей чистоты, приводитъ въ порядокъ свое душевное хозяйство. Тутъ опять мысль о близости религіи и поэзіи и опять мотивъ аскетизма, который у Гоголя проникаетъ такимъ образомъ и въ душевную жизнь христіанина, и въ идеалъ живописца, и въ творчество поэта. Итакъ въ послѣднюю эпоху своей жизни Гоголь искалъ этого „отторгнутаго отъ земли“ идеала въ религіи или, вѣрнѣе сказать на основаніи предъидущихъ соображеній, въ поэзіи религіи, заключающейся въ духовномъ созерцаніи человѣческой души и природы. Этимъ возврѣніемъ гениальный творецъ нашего реальнаго романа и повѣсти приближается къ поэту—романтику, своему предшественнику Жуковскому, для котораго поэзія и религія были два родственныя состоянія души. Вспомнимъ, что въ „Камоэнсъ“ поэтъ Васко говоритъ:

..... Поэзія небесной

Религіи сестра земная...;

а Камоэнсъ заканчиваетъ свой отвѣтъ поэту Васко словами:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

При такомъ взглядѣ на поэзію и религію идеаломъ религіознаго настроенія для Жуковскаго является то же духовное самосозерцаніе, которое находимъ и у Гоголя:

При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ

Яснѣ великость творенья...

Говорить Жуковскій устами Теона въ своей извѣстной элегии. Какія же это возвышенныя мысли? Это именно мысль о Богѣ, о назначеніи человѣка, о счастья за гробомъ; эти религіозно-поэтическія размышленія вызываютъ въ поэтѣ и духовно-поэтическое созерцаніе жизни и природы. Вышеуказанными чертами религіознаго настроенія Гоголя, взятыми вмѣстѣ съ его мнимыми нападками на умственный прогрессъ вѣка, нападками, которыя на первый же взглядъ кажутся парадоксальными, объясняется, по моему мнѣнію, и то раздраженіе съ которымъ русское общество сороковыхъ годовъ, ратовавшее за прогрессъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, встрѣтило „Авторскую исповѣдь“ Гоголя и его „Переписку съ друзьями“: для людей сороковыхъ годовъ, для поклонниковъ философіи Гегеля, вышеприведенныя воззрѣнія Гоголя отзывались не только романтизмомъ, слѣды котораго дѣйствительно можно въ нихъ усмотрѣть, но даже и романтической реакціей ¹⁾.

Итакъ что же получается въ итогѣ сдѣланныхъ нами наблюдений? Въ эпоху малороссійскихъ разсказовъ обычная восторженность Гоголя находила себѣ пищу въ живыхъ грандіозныхъ картинахъ родной природы; въ эпоху петербургскихъ повѣстей въ мечтахъ о чистомъ и возвышенномъ созданіи художественнаго творчества; въ эпоху „Авторской исповѣди“ и „Переписки“ въ религіозно-поэтическомъ созерцаніи всей окружающей жизни, т. е. и міра природы, и міра искусства, и

¹⁾ Ср. рецензію *Вѣлиискаго* на „Переписку“ въ *Современникѣ* за 1847 г.

міра человеческой души; и во всѣхъ этихъ областяхъ идеаль Гоголя отливался именно въ тотъ „величественный отторгнутый отъ земли образъ“ и тѣмъ самымъ получалъ отчасти романтическую окраску. Однако, повидимому, среди идеального міра поэта нѣтъ мѣста его бѣднымъ ничтожнымъ собратьямъ, которымъ онъ посвятилъ весь свой талантъ и о которыхъ всю жизнь говорилъ сквозь видимый смѣхъ и незримыя міру слезы. Но нѣтъ, это только такъ кажется. Не только въ мірѣ религіи, искусства и природы, но даже и въ томъ мірѣ людской пошлости, который Гоголь мужественно взялъ себѣ въ удѣлъ, искалъ онъ „далеко отторгнутого отъ земли идеала“. Вспомнимъ, какъ Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ“ прерываетъ изображеніе пошлой дѣйствительности грандіознымъ обща-ніемъ представить наконецъ читателю свѣтлый величественный образъ, одаренный высшей премудростью. „Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти“, говоритъ онъ, „почуются инны, еще доселѣ не бранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всею дивною красотою женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія“. Какія симпатичныя, но... романтическія грезы объ отторгнутомъ отъ земли идеалѣ... Но Гоголь вѣрилъ въ этотъ идеаль русской души, какъ вѣрилъ и въ духовный прогрессъ своей родной Руси, которая, по его собственнымъ выраженіямъ, какъ бойкая тройка невѣдомыхъ свѣтомъ коней, какъ молнія, какъ Божье чудо, мчится по чудной, сверкающей дали, вся вдохновенная Богомъ.... Не удалось Гоголю создать этого величественнаго образа русской души: онъ умеръ раньше, чѣмъ этотъ образъ вылился въ форму, оставивъ намъ по себѣ славу по преимуществу поэта отрицательной стороны русской жизни, гениальнаго творца русскаго реального романа и повѣсти. Но изъ міра пошлой дѣйствительности, которая досталась Гоголю въ удѣлъ, онъ успѣлъ все-таки выдѣлить три свѣтлыхъ пункта, на которыхъ и отдыхалъ своею восторженною душою и къ которымъ подъ вліяніемъ эпохи отнесся ро-

мантически. Эти пункты—религія, искусство и природа. Обширный реальный міръ его произведёнй—это литературное наслѣдство, которое оставилъ потомству гениальный писатель, а этотъ маленькій восторженный романтическій его мірокъ — это одна изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ его духовнаго завѣщанія.

И. Замотинъ.

Н. В. ГОГОЛЬ

ВЪ ЭПОХУ ТВОРЧЕСТВА

I тома Мертвыхъ Душъ.¹⁾

60 лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ №№ Московскихъ Вѣдомостей появилось объявленіе: „Продаются въ книжной лавкѣ Императорскаго Московскаго Университета вновь отпечатанныя книги: „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, поэма Н. Гоголя, напечатана на веленовой бумагѣ въ 8-ю долю листа, 457 стр. Москва 1842 г., цѣна въ красивой оберткѣ 10 руб. 50 к.“²⁾

Таково было объявленіе о выходѣ въ свѣтъ произведенія, явившагося лучшимъ перломъ въ поэтическомъ вѣнцѣ Гоголя; появилось въ свѣтъ произведеніе, о которомъ сказалъ знаменитый критикъ: „Мертвыя Души произведеніе общественное, произведеніе необъятно художественное, дышащее страстною любовью къ зерну русской жизни, глубокое по мысли, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности, сочиненіе соціальное, общественное и историческое“³⁾.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 21 февраля 1902 г.

²⁾ Моск. Вѣд. 1842 г. № 41. 23 мая.

³⁾ Отеч. Зап. 1842 г., XXIII.

Съ восторгомъ было встрѣчено новое произведеніе во всѣхъ мыслящихъ, просвѣщенныхъ и истинно патріотическихъ кругахъ общества, но наряду съ восхваленіями посыпались и упреки, и осужденія автору и его произведенію: представители старыхъ литературныхъ лагерей, сопоставивъ новое произведеніе Гоголя съ Ревизоромъ, увидѣли въ творествѣ Гоголя нарушеніе всѣхъ литературныхъ традицій; мало того, они ставили на видъ Гоголю „грубость, неприличіе“ его новаго творенія, осуждали „выставленіе на видъ рубищъ, задняго двора жизни“¹⁾ и т. д.; нашлись и такіе критики, въ родѣ Булгарина и Сенковского, которые выставили Гоголя человѣкомъ неблагонамѣреннымъ, подрывателемъ основъ; человѣкомъ чуждымъ патріотизма и пишущимъ каррикатуры на Русь.

Разнообразны были толки о новомъ произведеніи Гоголя, различны были сужденія объ авторѣ лицъ разныхъ лагерей, но въ одномъ отношеніи Мертвыя Души оказали одинаковое на всѣхъ вліяніе: всѣхъ заставило призадуматься то, „что ежеминутно передъ очами и чего не зрять равнодушныя очи“; всѣхъ поразила могучая по широтѣ захвата картина современной жизни, всѣхъ смутило безотрадное и вмѣстѣ съ тѣмъ срисованное съ натуры изображеніе помѣщичьяго и чиновничьяго міра, всѣ обратили вниманіе на рядъ брошенныхъ мимолетно, но глубокихъ и сильныхъ мыслей о военныхъ, крестьянахъ, дворовыхъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, всякій увидѣлъ въ Гоголѣ крупную величину, съ которой или надо бороться или которую надо поддерживать всѣми силами.

Что же представлялъ изъ себя авторъ этого произведенія, задѣвшаго за живое современное общество? Какъ шла работа его надъ произведеніемъ, оказавшимъ могучее дѣйствіе на общественное самосознаніе и на дальнѣйшее развитіе русской литературы?

¹⁾ Полевой, Масальскій и др.; подробнѣе см. „Гоголь въ русской литературѣ, П. Заболотскаго — въ Гоголевскомъ Сборникѣ Историко-Филолог. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, изд. Кіевъ, 1902 г.

Вотъ вопросы, которые мы можемъ уже поставить себѣ, когда полѣвка отдѣляетъ насъ отъ могилы Гоголя, и которыхъ не могли бы разрѣшить современники великаго писателя: въ самомъ дѣлѣ, при появленіи Мертвыхъ Душъ русское общество еще переживало тѣ явленія, которыя изобразилъ Гоголь: оно жило, а не обсуждало явленій переживаемой жизни; оно судило, восхваляло, проклинали, а не объясняло, не изслѣдовало причинъ. 1835-й годъ является временемъ первыхъ работъ Гоголя надъ Мертвыми Душами; въ самомъ дѣлѣ, изъ письма Гоголя Жуковскому въ іюль 1835 г. мы видимъ, что у Гоголя въ это время еще не было опредѣленнаго сюжета для новаго произведенія при обиліи однако накопленныхъ за время путешествій матеріаловъ и плановъ¹⁾; въ письмѣ же Пушкину отъ 7 октября 1835 г. Николай Васильевичъ Гоголь пишетъ уже о своихъ работахъ надъ Мертвыми Душами, о поискахъ ябедника и о желаніи показать въ своемъ новомъ произведеніи хоть съ одной стороны всю Русь²⁾.

Такимъ образомъ вторая половина 1835 года — вотъ исходный пунктъ той эпохи, въ которую совершалось творчество I тома Мертвыхъ Душъ.

Какою же представляется намъ въ 1835 году личность Гоголя и съ какими мыслями приступалъ онъ къ своему новому творенію?

Уже 6 лѣтъ жилъ Гоголь въ Петербургѣ, куда такъ неудержимо стремился онъ съ юности, гдѣ испыталъ рядъ разочарованій, ударовъ судьбы при отыскиваніи своего истиннаго призванія, гдѣ собралъ первые плоды своей литературной славы, добился профессуры въ университетѣ и работалъ надъ комедіей, которая должна была превзойти всѣ его предшествующіе литературные труды.

Въ 1835 году Гоголь уже не былъ тѣмъ безызвѣстнымъ „хохлою“, который, мечтая съ юношескихъ лѣтъ „означить

¹⁾ См. Русск. Арх. 1871 г., IV—V, 948.

²⁾ Русск. Арх. 1880 г., II, 514.

свое существованіе“, „сдѣлать что-либо даже для пользы общей, принужденъ былъ заниматься перепиской бумагъ въ департаментѣ, давать частные уроки въ великосвѣтскихъ домахъ и лишь въ качествѣ курьеза интересоваться блестящихъ фрейлинъ своей застѣнчивостью и неловкостью. Нѣтъ, онъ уже былъ своимъ человѣкомъ въ кругу литературнаго Олимпа: Пушкинъ привѣтствовалъ въ немъ восходящее литературное свѣтило, Жуковский и Плетневъ дружественно относились къ юному таланту; имя автора „Вечеровъ“, „Миргорода“, „Арабесокъ“ становились знакомо широкимъ кругамъ русскаго общества. Гоголь выходилъ уже на свой истинный путь, на путь литературной дѣятельности, но не могъ еще признать, что въ роли писателя суждено ему „отмѣтить свое существованіе“, послужить родинѣ, „сдѣлать нѣчто даже для пользы общей. Профессура въ университетѣ, столь непродолжительная, являлась уже послѣднимъ пробнымъ камнемъ, доказавшимъ, что не въ роли чиновника, не въ роли актера, не въ роли педагога, не въ роли ученаго долженъ внести свою лепту Н. В. Гоголь въ сокровищницу своей родины. Сознаніе пробѣловъ въ своихъ научныхъ знаніяхъ, затруднительность подготовки къ лекціямъ, апатія студентовъ все болѣе и болѣе охлаждають тотъ первоначальный энтузіазмъ, съ которымъ принялся Гоголь за свою профессорскую дѣятельность.

Отъ научной работы Николай Васильевичъ все сильнѣе и сильнѣе отклоняется въ сторону литературныхъ занятій, въ частности же къ комедіи на данную Пушкинымъ тему. То была комедія, въ которой авторъ хотѣлъ изобразить въ смѣшномъ видѣ провинціальное чиновничество, при чемъ имѣлъ въ виду воспользоваться собранными въ изобиліи матеріалами на данную тему и принять въ видѣ рамки рассказанный ему Пушкинымъ анекдотъ. Какъ образъ главнаго героя (комедіи), такъ и характеръ всей комедіи рисовался первоначально передъ авторомъ не вполне ясно: рядъ невинныхъ, беззаботныхъ сценъ, напоминавшихъ по характеру смѣха „Вечера“, заимствованіе отдѣльных подробностей изъ смѣхотворныхъ

повѣстей — вотъ первоначальный характеръ будущей общественной комедіи.

По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія комедіи авторъ задумываетъ уже затрогивать съ своимъ смѣхъ и явленія окружающей его петербургской жизни, такъ дѣлаетъ попытку внести въ типъ Хлестакова черты Ѳ. Булгарина, но въ своемъ смѣхѣ Гоголь еще не возвышается до ступени бичеванія общественныхъ пороковъ, въ обрисовкѣ характеровъ онъ не доходитъ еще до глубокаго психологическаго анализа. Въ эпоху обрисованной нами стадіи Гоголевской работы надъ Ревизоромъ происходитъ однажды чтеніе Гоголемъ Пушкину путевыхъ набросковъ, въ которыхъ выведены были разнообразныя типы, наблюдаемые Гоголемъ за время его путешествій. Впечатлѣніе, произведенное на Пушкина этимъ чтеніемъ, получилось однако не такое, какого ожидалъ Гоголь. Пушкинъ какъ извѣстно, еще раньше признавалъ въ Гоголѣ талантъ рѣдкой наблюдательности, живой неподдѣльной веселости, еще раньше увидѣлъ онъ въ Гоголѣ и великаго меланхолика, теперь же еще глубже взглянулъ на дѣло. Слѣдуетъ припомнить, что самъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ разсматриваемую нами эпоху все болѣе и болѣе склонялся на сторону трезваго реализма; вспомнимъ хотя бы извѣстныя строфы Онѣгина:

„Лѣта къ суровой прозѣ клонять“,

или

„Другіе дни, другіе сны;

Смирились вы, моей весны

Высокопарныя мечтанья“ и т. д.

Простыя, скромныя картины, изображеніе обыденной жизни — вотъ что начинаетъ все болѣе и болѣе интересоваться Пушкина, и вотъ почему, на нашъ взглядъ, Пушкинъ, встрѣтивши въ первыхъ же произведеніяхъ Гоголя отвѣтъ на свои мысли и запросы, такъ горячо поддержалъ юнаго писателя.

Теперь же, когда окрѣпшій талантъ Гоголя развернулъ уже въ петербургскихъ повѣстяхъ одну за другой картины

изъ жизни столицы, когда кромѣ того Гоголь прочелъ ему рядъ набросковъ, рисующихъ съ широтой захвата провинцію, вполне естественно, что Пушкинъ задумался.

„Какъ съ этою способностью угадывать чловѣка и нѣсколькими чертами выставять его вдругъ всего, какъ живого, не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!“

Вотъ были слова Пушкина, послужившія толчкомъ для назрѣвавшихъ уже у Гоголя мыслей о большомъ сочиненіи.

Указываетъ затѣмъ Пушкинъ Гоголю и на примѣръ Сервантеса, который безъ своего „Донъ-Кихота“ безызвѣстнымъ сошелъ бы въ могилу, указываетъ онъ и на слабость Гоголевскаго организма, на необходимость торопиться. Если принять во вниманіе разившееся съ юныхъ лѣтъ и все возраставшее стремленіе Гоголя „не бесполезно жизнь прожить“, если имѣть въ виду мнительность Гоголя, то станетъ вполне понятнымъ, какое впечатлѣніе должны были произвести на Николая Васильевича Гоголя указанные слова, произнесенныя притомъ устами А. С. Пушкина, чловѣка авторитетнаго въ глазахъ Гоголя.

Признавая всю важность упомянутой нами бесѣды Пушкина съ Гоголемъ, мы однако же далеки отъ мысли приписывать ей исключительное значеніе: сама жизнь вела къ тому, чтобы Гоголь серьезно призадумался надъ своимъ будущимъ вообще и надъ своимъ творчествомъ въ частности.

Въ декабрѣ 1835 г. была подписана министромъ отставка Гоголя отъ профессуры. „Неузнанный я взошелъ на кафедру, пишетъ онъ Погодину ¹⁾, и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти 1½ года моего безславія, потому что общее мнѣніе говорить, что я не за свое дѣло взялся, я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія и исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня“.

¹⁾ Письмо 6 декабря, 1835 г., Кулишъ, V, 246—247.

Въ связи съ профессорскою дѣятельностью находилось, какъ извѣстно, у Гоголя и стремленіе къ научнымъ писательскимъ трудамъ; но теперь чувствуетъ онъ, что и не въ нихъ его призваніе: его кабинетному труду мѣшаетъ призывъ жизни, его научнымъ занятіямъ исторіей ставятъ непреодолимое препятствіе запросы изображать то, что ежеминутно передъ глазами. Комедія не идетъ у него изъ головы. „Примусь за исторію, пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ, передо мной движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскалываютъ зубы—и исторія къ чорту“!

Итакъ, литературные интересы все болѣе и болѣе захватываютъ Гоголя.

Тѣ литературныя занятія, на которыя онъ смотрѣлъ прежде довольно легко, въ которыхъ онъ видѣлъ или способъ самоутѣшенія въ минуты тяжелыхъ душевныхъ невзгодъ или отдыха отъ иныхъ работъ, теперь получаютъ въ его глазахъ иной характеръ.

Прежде всего самое наблюденіе окружающей жизни, тѣ самыя явленія, которыя такъ художественно вылились въ петербургскихъ повѣстяхъ, не могли не заставить серьезно задуматься такого впечатлительнаго человѣка, какъ Гоголь: и въ самомъ дѣлѣ, силу впечатлѣнія отъ наблюдаемыхъ Гоголемъ печальныхъ явленій жизни раскрываютъ намъ и воспоминанія Анненкова, и самый тонъ, самый характеръ повѣстей, предшествовавшихъ „Ревизору“ и „М. Душамъ“: эти то произведенія и заставили, какъ извѣстно, А. С. Пушкина увидѣть въ Гоголѣ „великаго меланхолика“, а В. Г. Бѣлинскаго подмѣтить у Гоголя горькій смѣхъ сквозь слезы.

Далѣе, обратимся ли мы къ Гоголевской біографіи въ разсматриваемую эпоху его жизни, мы увидимъ у него работу надъ самообразованіемъ, надъ чтеніемъ какъ иностранныхъ писателей по указанію Пушкина, такъ и книгъ историческаго содержанія. Пересмотримъ ли записныя книжки Гоголя и тѣ матеріалы, которыми онъ пользовался для своихъ занятій,

мы замѣтимъ усиленную работу Гоголевской мысли въ эпоху 1834—35 гг.

Всѣ указанные обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, объясняютъ намъ, почему къ концу 1835 года Гоголь измѣняетъ свой взглядъ на литературное творчество. Слова Пушкина, сказанныя при обрисованномъ настроеніи Гоголя, должны были возымѣть особенную силу, что и не замедлило сказаться на характерѣ работы надъ „Ревизоромъ“ и на наброскахъ „М. Душъ“.

„Ревизоръ“ вступаетъ въ новую стадію развитія.

Работа мысли приводитъ Гоголя къ заключенію: „Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія“, и въ результатѣ онъ рѣшаетъ собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое только знаетъ, всѣ несправедливости, какія только дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ“¹⁾.

Направленіе Гоголя обрисовывается уже рельефно; это направленіе общественное, заставляющее автора творить не безсознательно и не для своего удовольствія, а во имя опредѣленнаго идеала, идеала общественного исправленія. Обрисовывается и путь, которымъ пойдетъ Гоголь къ своей цѣли: это—путь бичеванія порока, путь осмѣянія дурныхъ сторонъ русской жизни, это—стремленіе ярко выставить пошлость пошлаго человѣка, такъ чтобы мелочь, ускользящая изъ глазъ, мелькнула крупно въ глаза всѣмъ.

Наряду съ измѣненіемъ взглядовъ на задачи и характеръ творчества, замѣчается и постепенное углубленіе психологическаго анализа при обрисовкѣ характеровъ; разсмотрѣніе вариантовъ и редакцій „Ревизора“ показываетъ, какъ неясные вначалѣ типы постепенно выступали все въ большей и большей жизненной и психологической правдѣ, какъ сглаживалось

¹⁾ Авторская Исповѣдь.

и вытиралось все неестественное, смахивающее на шаржъ, какъ, по выраженію А. Григорьева, „предметы видимаго міра отражались въ душѣ поэта и выходили изъ души не мертвыми сколками съ видимыхъ явленій, а живыми, самостоятельными созданіями, въ которыхъ просвѣчиваетъ душа создавшего“.

Биографія Гоголя и изученіе процесса творчества Гоголевскихъ произведеній обнаруживаютъ, что для Н. В. Гоголя всегда являлось затрудненіе въ выборѣ внѣшнихъ рамокъ, въ выборѣ сюжетовъ для своихъ твореній. Такъ было и при первыхъ работахъ надъ „Ревизоромъ“, то-же самое наблюдаемъ мы и по отношенію къ „М. Душамъ“.

Но вотъ однажды во время бесѣдъ съ Пушкинымъ Гоголю приходится услышать мысль объ удобствѣ для широкаго изображенія жизни въ литературномъ произведеніи формы путешествія, приходится услышать отъ того же Пушкина и интересный разсказъ объ изворотливомъ покупщикѣ мертвыхъ душъ,—и внѣшнія рамки для развитія въ нихъ богатыхъ жизненныхъ и психологическихъ наблюденій готовы.

Въ вопросѣ о выборѣ Гоголемъ внѣшней формы для своихъ „М. Душъ“ не слѣдуетъ игнорировать и знакомства писателя съ произведениями Стерна и Радищева, съ которыми познакомился онъ во время занятій самообразованіемъ.

Стернъ могъ послужить Гоголю примѣромъ, какъ мастеръ группировки массы лицъ и бытовыхъ сценъ въ формѣ путевыхъ впечатлѣній; знакомство съ Радищевымъ давало Гоголю образецъ въ обрисовкѣ дорожныхъ встрѣчъ, знакомствъ и т. д., но, разумѣется, наибольшую роль въ дѣлѣ обрисовки, распредѣленія матеріала и т. д. слѣдуетъ признать за личнымъ опытомъ автора, добытымъ во время богатыхъ впечатлѣніями путешествій.

Если Гоголь, читая Пушкину нѣкоторые изъ отрывковъ будущихъ „М. Душъ“, не имѣлъ еще въ виду опредѣленной цѣли, для которой бы пригодились ему эти наброски, то послѣ всѣхъ только что упомянутыхъ обстоятельствъ, „въ эпоху обработки послѣднихъ редакцій „Ревизора“, зарождается у Го-

голя мысль и объ новомъ крупномъ произведеніи, въ которомъ онъ и приступаетъ съ поспѣшностью, такъ что вскорѣ является къ Пушкину прочитатъ ему начало новаго произведенія уже при опредѣленномъ сюжетѣ и при опредѣленномъ выѣшнемъ приѣмѣ изображенія, именно въ формѣ путешествія“.

Впечатлѣніе, произведенное на Пушкина чтеніемъ начальныхъ главъ „М. Душ“, было въ общемъ тяжелое, грустное хотя рѣдкая наблюдательность и блестящій юморъ автора вызвали восторгъ поэта.

Подоспѣваетъ между тѣмъ время появленія въ печати и постановки на сценѣ „Ревизора“. 19-е апрѣля 1836 г. было днемъ первой постановки „Ревизора“ на сценѣ Александрійскаго театра. Въ этотъ день выставлялось на судъ публики произведеніе, въ которое авторъ вложилъ свою душу, на которое смотрѣлъ онъ, какъ на могучее средство исправленія общественныхъ язвъ путемъ безпощаднаго осмѣянія ихъ; отъ своего произведенія авторъ ожидалъ великаго моральнаго дѣйствія на зрителей и читателей; на первое представленіе „Ревизора“ онъ шелъ, какъ на судъ, который долженъ рѣшить вопросъ объ истинности избраннаго пути, пути служенія обществу, родинѣ при посредствѣ бичеванія и осмѣянія отрицательныхъ сторонъ жизни.

И что же онъ видитъ, что переживаетъ въ этотъ день?

Его бросаютъ въ жаръ и ознобъ ошибки актеровъ, его раздражаетъ ихъ непониманіе типовъ; оканчивается представленіе; расходится публика, и авторъ прислушивается къ ея отзывамъ; онъ ждалъ, что произведеніе это будетъ всѣми понято, что оно произведетъ могучее дѣйствіе на душу слушателей, на ихъ чувства, совѣсть, онъ мечталъ путемъ сильнаго произведенія потрясти и исправить общество, и что же? „Всѣ противъ меня, пишетъ онъ въ письмѣ къ Погодину, „чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня“.

Гоголь съ особеннымъ вниманіемъ прислушивается къ неблагопріятнымъ отзывамъ зрителей и печатной критики: слышитъ онъ обвиненія въ неблагонамѣренности, въ тайныхъ политическихъ замыслахъ, въ бунтѣ противъ правительства и т. д., и т. д., и подобныя обвиненія сыпятся на голову человѣка, который всегда представлялъ правительство въ самомъ идеальномъ свѣтѣ, видѣлъ въ немъ высшій и безпристрастный судъ и хотѣлъ бичевать лишь отступленія отъ той нормы, носителемъ и выразителемъ которой признавалъ правительство.

Далѣе, Гоголь ратуетъ за нравственное исправленіе общества, и слышитъ противъ себя обвиненія въ безнравственности; онъ проникнутъ стремленіемъ служить человечеству, считаетъ наилучшимъ путемъ этого служенія бичеваніе пороковъ, смѣхъ, сквозь который слышны слезы, и его обвиняютъ въ человѣконенавистничествѣ; онъ беретъ, по его признанію, частный, но рѣзкій случай, гдѣ пороки выступаютъ особенно рельефно, при томъ пороки типичные, составляющіе общественную язву, и вдругъ дѣлаютъ заключенія объ его отрицательномъ отношеніи къ Россіи вообще, о пасквилѣ на Россію и т. д.

Прислушиваясь внимательно ко всѣмъ подобнымъ отзывамъ и обвиненіямъ и, не обращая, по обыкновенію, вниманія на похвалы и сочувственныя статьи, Гоголь въ силу особенностей своего болѣзненно-чуткаго и самолюбиваго характера заключаетъ о полномъ неуспѣхѣ „Ревизора“, объ общемъ непониманіи его, о невѣрности избраннаго пути; не размышляя о причинахъ нападокъ на „Ревизора“, не рѣшая вопроса, отъ какихъ лицъ идутъ крики негодованія и осужденія, авторъ рисуетъ лишь въ воображеніи тѣ ужасныя и превратныя толки, до какихъ дойдетъ общество, если писатель будетъ продолжать держаться избраннаго имъ пути осмѣянія пороковъ и изображенія отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности.

„Теперь я вижу, говоритъ онъ, что значить быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ,—и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія.....

Досадно видѣть противъ себя людей тому, кто ихъ любить между тѣмъ братскою любовью“¹⁾.

Борьба представляется Гоголю и непосильной, и нецѣлесообразной: она вызоветъ лишь озлобленіе, а не исправитъ общества, не принесетъ ему пользы.

И вотъ, удрученный всѣмъ вышеуказаннымъ, утрашивши „пугающаго отсутствія свѣта“ въ своемъ творчествѣ, Гоголь начинаетъ „думать о томъ, какъ бы смягчить тягостное впечатлѣніе, которое могутъ произвести „М. Души“; припоминаетъ онъ впечатлѣніе, произведенное на Пушкина чтеніемъ первой редакціи „М. Душъ“, и, имѣя раньше въ виду показать въ своемъ новомъ произведеніи лишь „съ одного боку“ всю Русь, Гоголь передъ отъѣздомъ за границу „почувствовалъ уже потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться“.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ своихъ взглядахъ на „М. Души“ Гоголь проходитъ три стадіи, совпадавшія съ тремя послѣдовательными фазисами его художественнаго развитія за 1834—36 г.г.; въ концѣ же концовъ онъ усвоиваетъ себѣ взглядъ на свое новое произведеніе, какъ на „тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы; и онъ убѣжденъ, что, исполняя этотъ долгъ, онъ въ тоже время служить государству своему, какъ бы онъ, дѣйствительно, находился на государственной службѣ“.

При такомъ взглядѣ на „М. Души“, Гоголь считаетъ уже необходимымъ давать себѣ отчетъ въ каждомъ характерѣ, въ каждомъ явленіи; онъ рѣшаетъ писать уже не наброски, которые впослѣдствіи будутъ соединены, а связанное, цѣльное произведеніе; если сличить рукописи „М. Душъ“ съ рукописями другихъ Гоголевскихъ произведеній, то намъ бросится въ глаза бѣлая тщательность отдѣлки, большая сложность приемовъ при созданіи „М. Душъ“ по сравненію ихъ съ предшествовавшими произведеніями Гоголя.

¹⁾ Кулишъ, V, 254.

Въ 1836 г. уѣзжаетъ Гоголь за границу; мрачны были его взгляды на задачи писателя и на русское общество: „Грустно мнѣ всеобщее невѣжество, движущее столицу, писать онѣ въ одномъ изъ писемъ;..... грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи у насъ писатель..... При- скорбна мнѣ невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы..... Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы; меня заботитъ печальная моя будущность. „Бду“, прибавляетъ онѣ, „разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія“. Съ тяжелыми, какъ мы видимъ, мыслями уѣзжалъ Гоголь изъ Россіи; въ душѣ его возникали уже колебанія относительно правильности того пути, по которому онѣ пошелъ въ эпоху созданія „Ревизора“; зарождалось уже стремленіе отыскивать и изображать свѣтлые лучи,—и сами обстоятельства должны были рѣшить, какъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе литературныхъ взглядовъ Гоголя, а слѣдовательно и въ какомъ направленіи пойдетъ работа Гоголя надъ „Мертвыми Душами“.

„Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ „дорога“, сказала однажды Гоголь впослѣдствіи въ одномъ изъ лирическихъ отступленій I т. „М. Душѣ“. Боже! какъ ты хороша подѣ часѣ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и всякій разъ ты меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній“.

Такъ было и теперь, т. е. въ 1836 г.: перемѣна и разнообразіе впечатлѣній, укрѣпленіе нервовъ и всего организма, наконецъ ослабленіе жгучести пережитыхъ разочарованій и оскорбленій,—все это заставляетъ Гоголя отдохнуть душой, приняться за литературные труды, и вотъ онѣ уже пишетъ Погодину изъ Женевы: „Теперь передо мною чужбина, во- кругъ меня чужбина; но въ сердцѣ моемъ Русь!“²⁾.

¹⁾ Кулишъ, V, 260.

²⁾ Ibid, V, 274.

„Я даже, пишет Гоголь Данилевскому, сдѣлался больше русскимъ, чѣмъ французомъ въ Веве, и это все произошло потому, что я началъ здѣсь писать и продолжать моихъ „М. Душъ“, которыхъ было оставилъ“. О работѣ надъ „М. Душами“ пишет Гоголь и Жуковскому: „Осень въ Веве настала прекрасная, и я принялся за своихъ „М. Душъ“, которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ, и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись“¹⁾.

Теперь въ Швейцаріи возстановилось душевное равновѣсіе Гоголя, сила прежнихъ впечатлѣній ослабѣла, и онъ уже, потерявъ благоговѣніе къ лицамъ, на отзывы которыхъ обращалъ вниманіе, продолжаетъ работу надъ „М. Душами“ въ томъ же направленіи, въ какомъ началъ ихъ въ эпоху созданія „Ревизора“.

Сохранилось, какъ извѣстно, нѣсколько редакцій I т. „М. Душъ“, и сравнительное изученіе этихъ редакцій при свѣтѣ Гоголевской біографіи раскрываетъ передъ нами процессъ развитія Гоголевской мысли, видоизмѣненія въ его міровоззрѣніи, выясняетъ намъ приемы художественнаго творчества, знакомитъ съ тѣми элементами, которые легли въ основу колоссальнаго произведенія русской литературы.

Не въ рѣчи, конечно, исчерпать указанные вопросы; для этого нужно научное изслѣдованіе. Позволю себѣ остановиться лишь на 2 вопросахъ, 1) какъ по различнымъ редакціямъ видоизмѣнялся взглядъ Гоголя на задачи и характеръ своего творчества и 2) какимъ образомъ шла обработка художественной формы произведенія. Первый вопросъ служить для насъ звеномъ, соединяющимъ творчество Гоголя до и послѣ созданія I т. „М. Душъ“.

Мы указали, какъ еще при самомъ началѣ работы надъ „М. Душами“ Гоголь подъ вліяніемъ цѣлаго ряда неудачъ и оскорбленій поколебался въ выбранномъ имъ пути изображе-

¹⁾ Р. Арх. 1871, IV—V.

нія отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности; указывали и на то, какъ подѣ влияніемъ дороги, смѣны впечатлѣній онъ поборолъ эти колебанія и смѣло пошелъ по прежнему пути, но такіе душевные кризисы, какъ пережитый Гоголемъ въ 1835 году, не проходятъ безслѣдно. Такъ было и съ Гоголемъ.

Въ первой полной редакціи I т. „М. Душъ“¹⁾ мы встрѣчаемся съ знаменитымъ лирическимъ отступленіемъ Гоголя о судьбѣ 2 писателей; ни въ одной изъ послѣдующихъ редакцій отступленіе это не отличается такою полнотою, какъ въ разсматриваемой.

Особенно интереснымъ съ точки зрѣнія взглядовъ Гоголя на свое творчество вообще и на I т. „М. Душъ“ въ частности является то мѣсто отступленія, которое подвергается уже характернымъ измѣненіямъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ; сравнивъ судьбу 2 писателей, писателя эстетической и отрицательной сторонъ дѣйствительности, Гоголь восклицаетъ. „А развѣ мнѣ всегда весело бороться съ ничтожнымъ грузомъ мелкихъ страстей, идти объ руку съ моими ничтожными героями? О сколько разъ хотѣлъ я ударить въ возвышенныя струны, увлечь гордо за собою поклонниковъ и съ торжествомъ приковать къ побѣдной своей колесницѣ. Какимъ бы чистымъ пламенемъ хотѣла вспыхнуть душа! Но „стой“, говоритъ мнѣ суровый голосъ, передъ кѣмъ блѣднѣетъ человекъ.“

На прекрасную сторону человека бросаются быстрѣе; прекрасное увлекательно, и много грядущихъ юношей, объятые имъ, воспоютъ его.

Но немного гордыхъ своими душевными движеніями рѣшатся опуститься въ глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кипитъ наша презрительнo-горько-обыкновенная жизнь.

Твой подвигъ не менѣе почтенъ. Наружу весь позоръ ея! весь мертвящій холодъ, весь запутанный мелочами міръ!

¹⁾ Рукопись Императ. Публ. Библ. № XV. Q. 46 и Сочиненія Гоголя, 10 изд., т. VII, 4—152.

Оттолкни прочь раболопную просьбу, жажду людей самозабвения. Не окуривай головы; прочь желаніе лести человѣческой гордости! Нѣтъ нужды, что поразять тебя крики“.. ..

Такъ смѣло звучить голосъ Гоголя въ приведенномъ мѣстѣ разсматриваемой редакціи; онъ отгоняетъ отъ себя всякую мысль свернуть съ намѣченнаго пути изображенія презрительно-горько-обыкновенной жизни.

Если обратимся къ разсмотрѣнію того же лирическаго отсупленія въ слѣдующей по времени полной редакціи¹⁾, то характерными представятся намъ слѣдующія строки:

„Почему знать, м. б. сіи низкія страницы представнутъ потомъ въ незамѣченномъ нынѣ свѣтѣ, и, можетъ быть, будущій поэтъ (о! какая чудная награда!) смятенный остановится передъ ними; грозная выюга вдохновенія обовѣсть главу его, и неслышанныя пѣсни освѣжать міръ“.

Эти строки показываютъ, что Гоголь не думаетъ еще о себѣ, какъ о поэтѣ, который заговоритъ небывалымъ и несслыханнымъ языкомъ, возвѣститъ міру новыя пѣсни; нѣтъ, Гоголь еще вѣренъ тому пути, о которомъ онъ такъ смѣло и горячо говоритъ въ 1-ой редакціи, но мысль о поэтѣ, пѣсни котораго „освѣжать міръ“, получаетъ уже свое выраженіе; это будетъ поэтъ „будущій“ и не самъ Гоголь.

Обратимся теперь къ 3-й полной редакціи²⁾, и мы увидимъ слѣдующее:

Автора уже не удовлетворяетъ одинъ удѣлъ писателя пошлой стороны дѣйствительности, не удовлетворяется онъ и мыслью, что иной поэтъ подъ вліяніемъ его „низкихъ страницъ“ заговоритъ міру другія рѣчи, освѣжитъ міръ несслыханными пѣснями“, иначе говоря, покажетъ міру идеалы.

Теперь авторъ высказываетъ уже мысль, что не отъ „будущаго поэта“, а отъ него самого полюбятся эти пѣсни, которые освѣжать міръ, что изъ его собственныхъ устъ по-

¹⁾ Рукопись Нѣжинскаго Инст. кн. Безбородко и Сочиненія Гоголя, 10 изд. VII т.

²⁾ Печатная редакція.

текутъ эти другія рѣчи. „Но, можетъ быть, говорить онъ, въ сей же самой повѣсти почувются иныя, доселѣ еще небрачныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями или чудная русская дѣвица, какой не сыскать въ цѣломъ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся передъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертвая книга передъ живымъ словомъ“.

Изъ приведенныхъ изъ разныхъ рукописей I т. „М. „Душѣ“ параллельныхъ мѣстъ мы видимъ, какъ видоизмѣнялись взгляды автора на свое произведеніе и на характеръ своего послѣдующаго творчества; за 6 лѣтній періодъ, съ 1836—42 г., Гоголь постепенно отклоняется отъ того пути, на который онъ вступилъ съ своимъ „Ревизоромъ“, и все болѣе обнаруживаетъ тяготѣніе къ инымъ освѣжающимъ рѣчамъ, къ изображенію идеаловъ; но не малодушіе, не боязнь осужденій, обвиненій, брани, не жалкія побужденія, какъ старался доказать это въ своемъ блестящемъ, но несправедливомъ письмѣ Бѣлинскій, побуждали къ этому, на нашъ взглядъ, Гоголя; гораздо болѣе глубокія и благородныя причины лежали въ основѣ этого отмѣченнаго нами новаго колебанія Гоголя по отношенію къ выбранному имъ пути. Не надо забывать, что не стало уже Пушкина, на котораго Гоголь смотрѣлъ, какъ на идеальнаго поэта эстетической стороны дѣйствительности; не стало, слѣдовательно, человѣка, который бы могъ представить міру идеальные образы, а среди окружающихъ писателей Гоголь не видѣлъ достойнаго преемника Пушкину; не слѣдуетъ между тѣмъ забывать и того, что необходимость художественнаго изображенія идеаловъ признавалъ Гоголь всегда, но раньше онъ, такъ сказать, надѣялся подѣлить работу во имя общаго блага между собою и Пушкинымъ; но роковая пуля сразила царя русской поэзіи, надежды Гоголя рушились, и вотъ мало по малу обнаруживаетъ онъ стремленіе слить въ своемъ творествѣ обѣ стороны изображенія дѣйствительности. Знакомство и дружба съ религіознымъ энтузіастомъ Ивановымъ,

пребываніе въ обществѣ католическующихъ и кающихся великосвѣтскихъ дамъ въ Римѣ, бесѣды съ московскими друзьями, какъ Шевыревъ, Погодинъ, Аксаковъ, Хомяковъ, переписка съ знаменитымъ протоіереемъ о. Матвѣемъ—все это вліяетъ на воззрѣніа Гоголя въ извѣстномъ направленіи, и въ взаимодѣйствіи этихъ вліяній съ самостоятельной работой Гоголевской мысли слѣдуетъ искать разгадки постепеннаго перехода Гоголя отъ 1 т. „М. Душъ“ къ „Перепискѣ“ и послѣдующимъ томамъ „М. Душъ“, а отнюдь не въ тѣхъ низменныхъ побужденіяхъ, которыя привелъ Бѣлинскій, а за нимъ подхватили многіе критики, омрачивъ образъ Гоголя.

Раздвигая постепенно рамки изображенія русской жизни въ своихъ „М. Душахъ“, переходя мало-по-малу отъ взгляда на „М. Души“, какъ на изображеніе „Руси съ одного боку“, къ взгляду на нихъ, какъ на всестороннюю картину и темныхъ, и свѣтлыхъ сторонъ родины, Гоголь полагалъ массу труда на художественную отдѣлку произведенія, которое являлось цѣлью его жизни. Обратитесь къ разсмотрѣнію рукописей 1 т. „М. Душъ“, взгляните въ эти безконечныя поправки и карандашомъ, и чернилами, и въ текстѣ, и на поляхъ, и на отдѣльных листкахъ, и въ нихъ увидите, какъ тщательно, какъ строго, какъ даже придирчиво относился Гоголь къ своей работѣ. И трудъ его увѣнчивался успѣхомъ. Позволю себѣ привести въ доказательство текстъ знаменитаго отступленія о Руси по 1-ой и 2-й полнымъ редакціямъ „М. Душъ“.

Редакц. II. Б.

Эхъ ты Русь, моя! моя забубенная, распривольная, расчудесная, расцѣлуй тебя Богъ, святая земля! Какъ не родиться въ тебѣ безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца! На твоёмъ ли да на широкомъ просторѣ не развернуться! Ужъ здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ пройти съ ему? Гдѣ же развернулось столько Божьяго свѣту? Бездонная моя, глубина и ширина моя! Что же двигаться, что говорить во мнѣ неслыханными рѣчами, когда вонзаю очи въ эти недвижимыя, непоколеби-

мья моря, въ эти потерявшія конецъ степи? У какъ грозно и мощно объемлетъ меня величивое пространство! Какая широкая сила и замашка заключилась во мнѣ! Какъ несуть меня могучія мысли! Силы святя! въ какую даль, въ какую сверкающую, чудную незнакомую землѣ даль! Что же я?.... Эхъ Русь.....

Въ приведенномъ видѣ появилось впервые лирическое отступленіе о Руси въ 1-ой полной редакціи; первая часть отступленія навѣяна очевидно русскими такъ называемыми разудалыми пѣснями, во многихъ мѣстахъ наблюдаются стилистическія шероховатости, и авторъ не можетъ удовлетвориться указанной редакціей; въ послѣдующихъ редакціяхъ измѣняется самый характеръ, самый тонъ изложенія, на смѣну прежняго является мѣрное, величественное теченіе рѣчи, авторъ поглощенъ мотивами грустной, болѣзненно лобзающей, стремящейся въ душу и въющейся около сердца пѣсни, и если

„отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло“,

то именно этимъ грустнымъ колоритомъ отличается обращеніе къ Руси въ исправленныхъ редакціяхъ; надо однако замѣтить, что, какъ въ народныхъ пѣсняхъ, такъ и въ лирическомъ отступленіи о Руси по 2-ой и 3-ей редакціямъ, мы не найдемъ сентиментальной дряблости и плаксивости: среди общей унылой мелодіи ярко и мощно вспыхиваетъ могучее одушевленіе, орлиный взглядъ смѣло и съ вѣрой устремляется вдаль, и не въ русскомъ духѣ ныть и склонять голову передъ судьбою; „въ горѣ жить, не кручинну быть“, говоритъ народъ;

„Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой!
Биться я готовъ съ тобою,
Но не сладить ты со мной,

воскликаетъ и вышедшій изъ народной среды поэтъ, и смѣлымъ, и полнымъ вѣры въ будущее лирическимъ аккордомъ разрѣшается и Гоголевскій диѳирамбъ Руси!

„Русь, Русь! вижу тебя изъ моего прекраснаго чуднаго далека, тебя вижу“,

говорить поэтъ въ одной изъ исправленныхъ редакцій. „Бѣдно, разбросанно и непріятно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства... Открыто, пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не прельститъ и не очаруетъ въ тебѣ. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей ширинѣ и длинѣ твоей отъ моря до моря пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватается за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и выются около моего сердца?

Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ устремило на меня полныя ожиданія очи?

И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему?

И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразась въ глубинѣ моей, неестественной властью освѣтились мои очи.....

У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!“.

Передъ Ник. В. Гоголемъ рисовался русскій идеаль, возстававъ передъ нимъ тотъ русскій богатырь, о которомъ онъ говоритъ въ обращеніи къ Руси, взоръ писателя устремлялся въ міръ возвышенныхъ образовъ, и эти идеальные образы бы-

ли настолько высоки, что воплотить ихъ, представить въ видѣ людей было непосильнымъ трудомъ; а между тѣмъ по смерти Пушкина, потерявши надежду, что кто-либо покажетъ русскимъ людямъ идеалы, Гоголь берется за созданіе типовъ идеальныхъ русскихъ людей; создается у него идеаль отвлеченнымъ, головнымъ путемъ; присматривается Гоголь къ жизни, наблюдаетъ, спрашиваетъ, и не находитъ въ жизни соотвѣтствія своему идеалу; тогда отъ наблюденія переходитъ поэтъ почти исключительно къ самонаблюденію, сосредоточиваетъ всѣ свои помыслы на дѣлѣ душевномъ, хочетъ, по крайней мѣрѣ, самъ приблизиться къ сложившемуся въ его головѣ идеалу; писатель-реалистъ, писатель жизни дѣйствительной былъ слишкомъ силенъ въ Гоголѣ, потому то, на нашъ взглядъ, Гоголь такъ и стремился перевоспитать себя, приблизить къ идеалу, чтобы воплощать идеаль, имѣя подъ ногами почву. Всѣмъ извѣстно, къ чему привела Гоголя крайне напряженная работа мысли, сердца и души.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ I тома „М. Душъ“ и ровно 50 лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ великосвѣтскихъ московскихъ домовъ заканчивалась жизненная драма великаго писателя.

Въ періодъ 1842—52 г. трудъ, который составлялъ всю цѣль жизни Гоголя, который одинъ только, по мнѣнію Гоголя, долженъ былъ сдѣлать не бесполезнымъ его существованіе, этотъ трудъ не ладился, не удовлетворялъ автора; физическія силы слабѣютъ; изданіе „Переписки“ вызвало бурю упрековъ, градъ тяжкихъ и жестокихъ оскорбленій, поѣздка въ Іерусалимъ не доставила желаннаго нравственнаго успокоенія, и вотъ измученный нравственно и физически писатель за нѣсколько дней до 21 февраля 1852 г. сжигаетъ собственными руками свои „М. Души“, этотъ плодъ страшныхъ усилій и напряженія душевнаго. Извѣстно, что не разъ и раньше сжигалъ Гоголь свои произведенія, но какая страшная бездна лежитъ между сожженіемъ, напр. Ганца Кюхельгартена, малорусской драмы и т. д. и II т. „М. Душъ“.

Тогда Гоголь, еще полный силъ, смѣло и съ вѣрой смотрѣлъ въ будущее, а теперь онъ сжегъ трудъ, зная, что дни его сочтены, зная, что возстановить сожженное не хватитъ ни силъ, ни времени; мало того онъ сжегъ именно тотъ трудъ, который, съ его точки зрѣнія, лишь одинъ заслуживалъ вниманія, лишь одинъ могъ указать благотворное вліяніе на общество, лишь одинъ избавлялъ имя Гоголя отъ „низкой неизвѣстности, отъ безмолвія мертвого“, которыхъ такъ страшился Гоголь съ школьной скамьи и которымъ обрекалъ себя въ ту ночь, когда обратился въ груды пепла свое сочиненіе.

Прошло нѣсколько дней и голосъ поэта сказалъ:

Ударилъ часъ—и нѣтъ у насъ его!
Пыливое еще закрылось око,
Еще у насъ не стало одного,
Кто вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко.

Вскорѣ за вѣстью о смерти Гоголя раздался въ честь покойнаго писателя и голосъ восходившаго тогда новаго свѣтила русской литературы:

„Гоголь умеръ! Какую русскую душу не потрясутъ эти слова? Онъ умеръ..... Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертию, назвать великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы; человѣкъ, которымъ мы гордимся, какъ одной изъ славъ нашихъ..... Мысль, что прахъ его будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе люди не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ сказанномъ имъ словѣ“.

Да, Гоголь зналъ и любилъ Русь; судъ его надъ самимъ собой оказался строгимъ и несправедливымъ; имя его будетъ всегда сіять яркимъ свѣтомъ въ святилищѣ русской литературы и о немъ, какъ и о Пушкинѣ:

Слухъ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ его всякъ, сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

II. Заболотскій.

Знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ.

Считаю своимъ долгомъ подѣлиться съ публикой, особенно съ міромъ литературнымъ, тѣми немногими слѣдами переписки Н. В. Гоголя, которые я нашелъ въ бумагахъ моего отца. Слѣды эти весьма незначительны и отрывочны сами по себѣ; но относясь къ родоначальнику великаго литературнаго движенія, которое не кончилось еще и теперь, полъ-вѣка спустя, и эти малые слѣды представляютъ, какъ я смѣю думать, нѣкоторую цѣнность. Это и даетъ мнѣ рѣшимость опубликовать то немного о Гоголѣ, что я нашелъ въ семейномъ архивѣ.

Прежде всего я долженъ хотя отчасти очертить личность моего покойнаго отца ¹⁾. Потомокъ стараго дворянскаго рода польскаго происхожденія, но давно уже обрусѣвшаго и православнаго, отецъ мой, уроженецъ Москвы, получилъ хорошее образованіе: онъ прошелъ классическую гимназію, два курса университета по математическому факультету и въ послѣдствіи на военной службѣ окончилъ курсъ Артиллерійской Академіи. Прервать прохожденіе университетскаго курса ему пришлось по домашнимъ обстоятельствамъ, не дававшимъ ему средствъ для продолженія высшаго образованія. Оставивъ университетъ, онъ поступилъ въ военную службу нижнимъ чи-

¹⁾ Подполковникъ артиллеріи, преподаватель математики во 2 Моск. Кад. корпусѣ, Дмитрій Константиновичъ Малиновскій. Умеръ въ 1871 году.

номъ и впослѣдствіи дослужился до чина подполковника. Сдѣлать цѣльную и плодотворную карьеру отцу не пришлось, съ одной стороны, вслѣдствіе ограниченности средствъ его родителей въ пору его молодости, съ другой—по слабости здоровья, мѣшавшей ему проявить въ жизни или даже въ писательствѣ всю ту энергію мысли, которая видна по оставшимся многочисленнымъ черновымъ его запискамъ, дневникамъ и письмамъ. По направленію своему онъ былъ истинный романтикъ, пламенный идеалистъ: онъ изливался въ жалобахъ, сѣтованіяхъ, размышленіяхъ, но не могъ показать себя на чемъ нибудь строго опредѣленномъ, практическомъ. Математикъ по специальному образованію, отлично знавшій высшіе отдѣлы своей науки, составлявшій собственные курсы для своихъ учениковъ, онъ не могъ удовлетвориться своею спеціальностью и тяготѣлъ къ вопросамъ нравственнымъ и эстетическимъ. Въ области нравственной философіи, онъ, глубоко вѣрующій и вѣрный сынъ православія, утверждалъ основы добродѣтели на вѣрѣ во Христа. Не обладая твердымъ характеромъ, будучи довольно увлекающимся по природѣ, онъ свое утѣшеніе находилъ въ духѣ материнской любви и всепрощенія, съ которыми относится церковь къ своимъ кающимся чадамъ. Какъ эстетикъ, онъ любилъ и понималъ прекрасное совершенно самостоятельно; насколько видно по его преклоненію предъ Гоголемъ, Шекспиромъ, Сервантесомъ, произведеніями античнаго эпоса, литературный вкусъ его былъ безупреченъ. Самъ однако онъ не чувствовалъ въ себѣ сильнаго творческаго таланта и, кромѣ нѣсколькихъ лирическихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Молвѣ» и въ отдѣльныхъ оттискахъ, онъ не создалъ ничего крупнаго.

И вотъ та почва, на которой завязались сношенія между нимъ и Гоголемъ — вопросы этические и эстетические, и преимущественно первые. Стороны, фигурировавшія въ перепискѣ и личномъ знакомствѣ, были далеко не равны во всѣхъ отношеніяхъ: великій художникъ, утомленный жизнью и актами творчества, доживалъ тогда послѣдніе свои годы (1847—52); а мой отецъ былъ незрѣлымъ юношей—студентомъ, полнымъ

неясныхъ, безпокойныхъ стремленій. Но тѣмъ ближе могъ найти у Гоголя отвѣты на религіозные и нравственные запросы мой отецъ, что великій писатель въ эту пору вступилъ въ философскую стадію своего поприща: „Переписка съ друзьями“ уже появилась въ печати.

Обстоятельства, при которыхъ произошло знакомство, читатель увидить изъ собственныхъ записокъ моего отца, къ которымъ и перехожу.

Изъ документовъ, касающихся этого знакомства, у меня въ рукахъ находится слѣдующее:

I. *Два письма Гоголя къ отцу*, съ предварительной замѣткой отца, объясняющей читателю поводъ къ знакомству и перепискѣ. Письма эти были напечатаны моимъ отцомъ въ № 9 «Русскаго Архива» за 1865 г.

II. *Избранныя мѣста изъ писемъ моего отца къ Гоголю*. Письма эти, непосредственно характеризующія отца, раскрываютъ косвеннымъ образомъ и нѣкоторыя стороны характера Гоголя, именно его снисходительность и доброту по отношенію къ безпокойнымъ юношамъ, искавшихъ у него отвѣтовъ на неясные вопросы своего бродящаго ума. Кромѣ того, письма эти содержатъ въ себѣ объясненіе отвѣтовъ Гоголя.

III. *Два отдѣльные отрывка изъ воспоминаній отца о Гоголѣ*, очевидно готовившіеся къ печати. Къ сожалѣнію, они найдены неполными.

I.

„Въ 1847 году, будучи московскимъ студентомъ 2 курса, послалъ я чрезъ покойнаго С. П. Шевырева большой пакетъ къ Гоголю въ Италію, куда онъ (въ предисловіи ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“) просилъ своихъ читателей высылать ему замѣтки, которыя помогли бы ему болѣе узнать Россію. Содержаніемъ моего юношескаго посланія были мои собственные личныя изліянія предъ человѣкомъ, котораго въ своемъ представленіи далеко отдѣлялъ я въ то время отъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ современниковъ, высоко цѣня искрен-

ность, свѣжесть, живой аромать его поэзіи. Замѣчу здѣсь, что я ждалъ получить отзывъ на каждое свое чувство, на каждую частную мысль свою,—отзывъ геніальнаго творчества на всѣ неустроившіяся струны души моей. И пусть не осудить читатель молодого человѣка, когда сознаюсь, что, получивъ первое короткое и сжатое письмо Гоголя, я былъ доволенъ имъ... Лестный отзывъ писателя о моихъ силахъ прошу читателя оставить безъ особаго вниманія.

Какъ ни мало удовлетворило меня первое письмо Гоголя, но, сдѣлавшись ему знакомымъ, я, конечно, не думалъ покидать этого знакомства. Особымъ толчкомъ для моихъ новыхъ писемъ къ именитому и любимому писателю, и отчасти для новаго содержанія этихъ писемъ, послужило появленіе „Переписки съ друзьями“. „Вы открыли свѣтской литературѣ дверь въ новую область“, съ трепетомъ радости писалъ я къ Гоголю, тогда какъ вокругъ меня раздавались порицанія той же самой книги. Я сообщилъ ему нѣкоторыя собственныя бывшія тогда въ головѣ моей мысли, и ихъ-то онъ называетъ во второмъ письмѣ моею философіею.

По полученіи второго письма Гоголя, однажды мнѣ говорятъ, что у меня былъ невысокій господинъ въ бѣлой, пуховой шляпѣ и велѣлъ мнѣ сказать: былъ у меня тотъ, кого я такъ желалъ видѣть; велѣно также было мнѣ передать, что онъ ѣдетъ теперь въ Петербургъ, но скоро возвратится и остановится у Погодина. Я догадался, что это былъ Гоголь. Ко времени возвращенія Гоголя въ Москву я написалъ ему записку. „М. Г. Н. В. Вы поставили меня въ совершенно неловкое и затруднительное положеніе. Послѣ вашего визита ко мнѣ, какимъ вниманіемъ могу отвѣчать я? Зачѣмъ вы лишили меня такимъ образомъ свободнаго къ вамъ обращенія!.. Извините за смѣлую откровенность, но думаю, что, по отношенію между нами, правильнѣе было бы, если бы вы съ своей стороны увѣдомили меня запискою о вашемъ желаніи видѣть меня“... Съ чувствомъ тревоги ѣхалъ я потомъ на Дѣвичье Поле... Не знаю, какъ достало у меня смѣлости позвонить въ колокольчикъ у двери М. П. Погодина. Но будучи введенъ

наверхъ, будучи прежде всего искренно спрошенъ о своемъ здоровьѣ, будучи вдругъ поставленъ духовно возвышеннымъ человѣкомъ въ сродную мнѣ простодушную сферу отношеній человѣка къ человѣку, я почувствовалъ себя вполне своимъ съ перваго слова.

Черезъ годъ (въ 1849 г.) я поступилъ юнкеромъ въ 17 артиллерійскую бригаду, содержавшую побатарейно караулы въ Москвѣ. Какъ до того времени, такъ и во время моего пребыванія въ Москвѣ юнкеромъ, я очень нерѣдко бывалъ у Н. В. Гоголя, квартировавшаго, какъ извѣстно, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ гр. Толстого“.

Письмо первое.

Я читалъ листки вашей исповѣди со вниманіемъ и любопытствомъ. Многое въ нихъ разбросано и не пришло въ тотъ порядокъ, въ какомъ должно быть, но добрыя начала бродятъ и въ самомъ хаосѣ; и если только Тотъ, Кто устрояетъ все, поможетъ и вамъ устроиться сообразно силамъ вашимъ,—изъ васъ выйдетъ человѣкъ полезный и нужный землѣ своей. Мысль ваша описывать современный окружающій васъ людъ, по поводу моихъ «Мертвыхъ Душъ», очень умна, и я увѣренъ, что это принесетъ пользу обоюдную, какъ мнѣ, такъ и вамъ, а можетъ быть даже и самой публикѣ, если окажется въ вашихъ запискахъ кое что приличное знать и другимъ и по этому случаю стоящее быть опубликованнымъ. Посѣщайте сколько возможно меньше тѣ публичныя мѣста, о которыхъ вы упоминаете въ листкахъ вашихъ, какъ то трактиры (развѣ въ смыслѣ наблюдателя, тогда ступайте хоть въ тюрьмы и воровскія шайки). Берегите здоровье ваше, егоже такъ немного дано людямъ новѣйшаго поколѣнія; поэтому я бы вамъ не совѣтовалъ также много заниматься по ночамъ и вообще дѣлать что нибудь приваломъ и запоемъ, хотя бы самое наименѣе полезное дѣло. Наблюдайте разумную ровность во всемъ и блюдите за чистотой сердца своего, потому что

безъ нея невозможно полное и совершенное развитіе силъ нашихъ.

Искренно желающій вамъ успѣховъ во всякомъ добрѣ
Н. Гоголь.

Письмо второе.

Я прочелъ ваши письма. Мнѣ кажется, что покамѣстъ вы дѣлаете то, что, вѣроятно, вамъ слѣдуетъ дѣлать. Если мысли ваши такъ жаждутъ изливаться — пусть онѣ изливаются: самъ человѣкъ всетаки отъ того въ выигрышѣ, становясь или лучше, или понятнѣе себѣ самому. Планъ вашей философіи слишкомъ огроменъ, но если мысль о немъ такъ шевелитъ васъ и не даетъ покоя, то, вѣрно, у васъ для этого есть какія-нибудь силы, иначе неоткуда бы взялась и самой мысли. Осуществленіе его (не цѣликомъ, а отчасти) возможно только отъ частаго обращенія съ человѣкомъ на жизненномъ поприщѣ. Вамъ слѣдуетъ прежде испробовать самому на какомъ-нибудь служебномъ мѣстѣ исполнить такимъ образомъ долгъ, какъ бы вамъ казалось слѣдовало всякому. Иногда на время бываетъ намъ нужно передать мыслительную жизнь нашу просто дѣятельной жизни въ прозаическомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что для васъ не бесполезно, хоть на малое время, званіе учителя съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ, то-есть — отказавшись отъ всякихъ улучшеній и новыхъ методовъ, которыя будутъ безпрестанно представляться (потому что, слава Богу, голова у васъ не безъ изобрѣтательности), придержать методъ прежнихъ учителей и въ это время наблюдать попристальнѣй надъ тѣми, которыхъ вы наставляете. Чѣмъ тише вы будете дѣйствовать въ началѣ и чѣмъ постепеннѣй будете наблюдать за человѣкомъ, начиная съ самыхъ нѣжныхъ возрастовъ, тѣмъ у васъ будетъ полнѣе познаніе человека. Во всякомъ случаѣ дѣятельность вамъ нужна вначалѣ почти механическая, въ опредѣленной колѣѣ, уже извѣстной. Открытія же покуда передавайте бумагѣ, не торопясь примѣ-

неніемъ. А впрочемъ да наведетъ васъ Богъ на то, что вамъ лучше и для васъ удобнѣе.

Искренно желающій вамъ успѣховъ Н. Гоголь. ¹⁾

II.

Изъ писемъ моего отца къ Гоголю ²⁾

Письмо первое.

1849 г. Февраля 17.

Милостивый Государь, Николай Васильевичъ! Вы очень хорошо понимаете себя: точно также и всякій понимаетъ себя болѣе или менѣе лучше другихъ. Я говорилъ уже, что хочу улучшаться и первымъ средствомъ къ этому считаю говорить о себѣ другимъ откровенно, какъ самъ себя понимаю. Въ этомъ смыслѣ будетъ моя сегодняшняя бесѣда.

Сказать кетати, нынче вздумалъ я о самоисправленіи и, какъ о видѣ этого родового понятія, о исправленіи черезъ другихъ. Кто хочетъ искренно своего исправленія, тотъ долженъ дорожить малѣйшимъ къ этому представляющимся средствомъ. Одно изъ такихъ средствъ пришло мнѣ сегодня въ голову. Что міръ во злѣ лежитъ, эта мысль въ извѣстномъ смыслѣ справедлива и въ справедливости своей такъ рѣзка, такъ обильно поражаетъ фактами того, кто хочетъ наблюдать за ней, что у бѣднаго человѣка не оказывается силъ говорить о ней: обиліе аргументовъ его поражаетъ, и онъ не знаетъ, за что взяться.

Взгляните только на малѣйшее благое намѣреніе человѣка, на какую-нибудь маленькую благую крушинку его мысли, и взгляните на судьбу ихъ: взростаетъ терніе и поглощаетъ пшеницу. Въ мірскомъ климатѣ добру трудно вырасти, дать колось и плодъ—міръ во злѣ лежитъ. Повторяю, это по опыту знаетъ всякій добрый хозяинъ. Какъ же не рваться всѣми силами къ благому дѣлу удобрить свою ниву? какъ не рваться къ этому, когда это, при всей ужасающей своей необходимости, такъ трудно? О, сколько возможно употребимъ себя на то, чтобы въ короткіе часы нашего испытанія хоть что-нибудь сдѣлать добра!

... На комъ лежитъ долгъ учить ближняго? На томъ, кто можетъ. Беру въ примѣръ писателя такого, который самъ признаетъ долгъ

¹⁾ Сравн. „Письма Н. В. Гоголя“, издан. подъ ред. В. И. Шенрока, т. III, 404 сл. и IV, 52 сл. *Прим. ред.*

²⁾ По черновымъ копіямъ, хранящимся у меня.

свой великимъ долгомъ наставника, который съ успѣхомъ говорить съ обществомъ, который, наконецъ, можетъ говорить истинно и прямо полезное: неужели онъ не можетъ учить ближняго? Чего же ждать ему, когда время бѣжить, бѣжить, бѣжить... и не чувствуетъ, что онъ благоволитъ думать объ общей пользѣ. Ему нечего ждать, и молчаніе его я отношу опять таки къ успѣху того, кому не пріятно появленіе въ міръ всякой искренней, доброй мысли.

Невиннымъ образомъ я могъ сдѣлать Вамъ непріятное сближеніемъ моего примѣра съ Вами, но прошу Васъ, не стѣсняйте моей откровенности: она срывается въ минуту добраго расположенія къ общему, чему должно жертвовать *частнымъ* и даже своею выгодною, что можетъ быть я и дѣлаю. Позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ нѣсколькими словами о Вашихъ произведеніяхъ. Многія статьи въ Вашей „Перепискѣ“, какъ я помню, и то понятіе, которое я могъ о Вашихъ мысляхъ имѣть, даютъ мнѣ увѣренность, что вамъ необходимо писать больше и больше, — излагать свои мысли. Если я уже началъ, то и кончу. Всѣмъ извѣстно, что вы, *если бы даже Вы имѣли для чего нибудь мало данныхъ, можете быть истинны и убѣдительно*. Положимъ, въ чью угодно угодю, что Вы призваны не для рѣчи съ учительской кафедрой; но вспомните, что свѣту нужно? Скудно тлѣетъ въ немъ огонь священный, огонь религіи; оракулы его духомъ своимъ не раздуваютъ его, а тушатъ: и Вы будете только для себя хранить полезный для него матеріалъ! Но вспомните, вспомните, какая рать вокругъ на него ополчается, вспомните, что Вы изъ единственныхъ его поборниковъ, что если Вы не оставите для него ничего, то онъ многое, весьма многое потеряетъ. Въ духѣ ли успѣвающаго нынѣ образованія раздувать его ¹⁾ для освященія трудовъ своихъ? Образованіе подвинулось; но златобуквенная книга Христа лежитъ закрытая, если не въ позорѣ, тѣмъ не менѣе въ совершенномъ, равнодушномъ забвеніи. А Вы читаете ее, и, можетъ быть, одинъ изъ немногихъ, поняли смыслъ ея еще болѣе потребностей житейскихъ! Вы можете писать отлично отъ другихъ, и Вамъ не написать для нея хоть нѣсколько страницъ?... Я вижу въ этомъ великую нужду, Николай Васильевичъ! Богъ знаетъ, найдется ли еще когда человѣкъ съ равною Вамъ возможностью, да придетъ ли ему еще воля такъ писать? А Вы между тѣмъ не оставите и того факта, что были умные, талантливые люди, которые увлеклись величіемъ незамѣчаемаго нами сокровища и преклонили съ надеждой и ожиданіемъ предъ нимъ колѣна... Слушать ли вокругъ вѣчное жужжаніе толковъ, когда мысль устремлена мимо ихъ,

¹⁾ Огонь религіи.

дальше ихъ. Марѳа не помѣшала въ благомъ дѣлѣ Маріи, повара не должны мѣшать эконому, частныя лица не должны вмѣшиваться въ правленіе: плюньте на шумъ внизу и если Вы стоите головою выше, то смотрите прямо на дорогу, а не на лица сопутниковъ. Я говорю, что Вамъ нужно писать именно въ томъ родѣ, въ какомъ были статьи въ Вашей «Перепискѣ». Д. М.

Письмо второе.

1849 г. Февраля 27.

Милостивый Государь, Николай Васильевичъ! Сегодня я не могу писать много, но желаю сказать слова два въ дополненіе того, что началъ. Я началъ о томъ, что религія стоить того, чтобы ей посвятить долю отъ трудовъ своихъ. Что касается до поэта писателя, то онъ можетъ много чуднаго сдѣлать перомъ своимъ. Пусть онъ обратитъ свою душу на поэзію прямого добра, на поэзію религіи: во-первыхъ, онъ здѣсь найдетъ обильную жатву; во-вторыхъ, при благословенной работѣ, каждыиъ взмахомъ пера будетъ приносить пользу тысячамъ, и какую пользу! Вѣрно, онъ много высокаго передумаетъ и перечувствуетъ въ продолженіи жизни,—года,—одного праздника христіанскаго. А другіе этого не знаютъ,—отчего же не писать ему объ этомъ, съ ними не дѣлиться? Для народа драгоценны памятники истинной поэзіи, и истинный поэтъ въ правѣ молчать только тогда, когда это право онъ докажетъ какъ $2 \times 2 = 4$. Его работа—заповѣдная работа, его творенія—рѣдкія творенія, жизнь его—благодатное явленіе въ человѣческомъ кругѣ; ему надо работать и работать, больше другихъ работать; а для этого бдѣть надъ собою, чтобы выработать себя для другихъ. Другимъ людямъ онъ вырабатываетъ счастье, человечеству жизнь: его жизнь на землѣ не такова, какъ для другихъ—онъ долженъ съ этимъ примириться. Д. М.

Письмо третье.

1849 г. Марта 1.

Родъ художественныхъ твореній, о которомъ я говорилъ, есть даръ поэта людямъ, даръ драгоценный, безъ сомнѣнія; но напрасно поэтъ скажетъ, что, принося этотъ даръ, онъ служитъ единственно въ пользу ближняго и той пользѣ, о которой Вы, Николай Васильевичъ, говорили. Извините, если я скажу что-нибудь неловкое; я говорю вовсе не для того, чтобы быть ловкимъ. Чтобы принести кругу людей, тѣмъ болѣе поколѣнію, чувствительную пользу, нужны, по

моему мнѣнію, другого рода творенія. Сколько и какую пользу приносить поэтъ своимъ твореніемъ чисто художественнымъ?

Польза такихъ художественныхъ произведеній для общества та же, какую приносятъ мальчику добрыя игрушки, а взрослому добрыя занятія. Недостаточность ихъ въ дѣлѣ пользы состоитъ въ томъ, что они не имѣютъ силы будить человѣка отъ порока и защищать отъ него, что о добрѣ они говорятъ не такъ, какъ нужно окруженному напастьми человѣку—прямо ораторскою проповѣдью, могучимъ словомъ, а говорятъ они о добрѣ иносказательно, однимъ своимъ добрымъ присутствіемъ, одною своею красотою, такъ же, какъ говорить о добрѣ природа. Художественное произведеніе есть цвѣтокъ, а цвѣты и въ раю, и безгрѣшнаго не спасли отъ зла. Разсыпая такіе цвѣты, поэтъ помогаетъ добруму, кроткому дѣлу матери природы, но не входитъ въ полезное дѣло отца. Мать въ своемъ дѣлѣ видитъ добро и старается показать его сыну, а отецъ смотритъ на сына и дѣлаетъ ему добро, анализируя зло. О чемъ же говоритъ поэтъ? Не тѣ ли же слышимъ отъ него рѣчи, какими жалуется на свой неуспѣхъ нѣжная, многожелающая, но маломогущая добрая мать? Она не перестаетъ вѣрить могуществу своихъ мѣръ и жалуется только на себя, и сътужетъ, и скорбитъ и.... Жалко и мать и дѣтей, когда нѣтъ при нихъ отца. Д. М.

Письмо четвертое.

1849 г. Сентября 1.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! Неужели Вамъ не скучно читать мои письма? Вы сказали даже, что Вамъ пріятно прочесть написанное мною: съ признательными слезами на душѣ благодарю Васъ за это. Не могу Вамъ рассказать, какъ я цѣню теперь тотъ доступъ, который я къ Вамъ имѣю. Какъ не вбивай себѣ въ голову, что жизнь, это—временное странствіе, однако мы всегда слишкомъ ею очарованы, слишкомъ въ нее вросаемъ для того, чтобы совершенно отрѣчься отъ удовольствій на раскритикованныхъ ея равнинахъ и жить вполне безъ интереса на землѣ: это, видно, противно природѣ. Всякъ, всякъ, даже святой мужъ имѣетъ на землѣ удовольствія, каждый свои. И вотъ когда я всматриваюсь въ удовольствія мои, вижу, что писать къ Вамъ—одно изъ самыхъ большихъ моихъ удовольствій. Благодарю Васъ, Николай Васильевич, всѣмъ чувствомъ моего обезсиленнаго сердца, за непрестанное участіе ко мнѣ бѣдному; благодарю Бога за поданную мнѣ отраду съ Вами бесѣдовать! Д. М.

Письмо пятое.

1850 г. Января 12.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! Считаю своимъ долгомъ написать Вамъ хоть коротенькое письмо, которое бы изъявило мою Вамъ благодарность. Благодарю Васъ за все вообще, о чемъ надо говорить долго, и въ особенности за книгу, которую Вы мнѣ подарили, за Библію. Я желалъ ее, предчувствуя себѣ отъ нея добро, Вы же привели въ исполненіе то желаніе, которое легко могло затеряться среди тысячи ему подобныхъ. Смотрю на Вашу подарокъ и вижу, что въ рукахъ у меня сокровища, которыя, если дастъ Богъ, могутъ принести мнѣ пользу—мнѣ нельзя Васъ не благодарить.

Если я долженъ смѣть въ чемъ либо Васъ мысленно обвинять, такъ это, мнѣ кажется, въ томъ, что Вы не говорили мнѣ правды обо мнѣ... И тутъ тѣмъ вещей темныхъ. Очень вѣроятно, что Вы сами не такъ думали прежде, какъ стали думать послѣ обо мнѣ. Но нѣтъ, мнѣ кажется, Вы иногда удерживали себя отъ того, чтобы сказать мнѣ все, что хотѣли. Весьма нетрезвъ и еще короткомысленъ былъ я, обо многомъ не имѣлъ понятія и былъ невыразимо гордъ своимъ знаніемъ, но, мнѣ кажется, молодой умъ мой могъ какъ-нибудь сварить ту вещь, которую бы въ нее бросили. Я объясняю себѣ это такъ, что Вы не находили словъ для всего, что думали. Любопытно мнѣ было бы знать, владѣла ли Вами охота, хоть прежде, охота краснорѣчія: вылить, объяснить, развить для себя и для другихъ мысль, которая Васъ поражаетъ, такъ старательно, какъ кто-нибудь самымъ дорогимъ друзьямъ своимъ показываетъ самый дорогой для себя предметъ? Это всегда было со мною, и я удивляюсь, почему Вы мнѣ, искателю истины, не постарались показать истины. Богъ знаетъ, какъ это все для меня темно... Если пошло дѣло на правду, то я вѣдь долженъ сказать Вамъ то, что говорю.

Когда я серьезнѣе столкнулся со смысломъ жизни и заглянулъ въ Ваши, давно забытыя мною сочиненія, я увидѣлъ Вашу внутреннюю жизнь въ новомъ, гораздо полнѣйшемъ видѣ: Вы являетесь мнѣ лицомъ какъ будто другимъ. Еще, чувствую, не пришло время мнѣ съ Вами бесѣдовать такъ, какъ мнѣ о томъ мерещится; но мало по малу, если хочу исполнять назначеніе моего знакомства съ Вами, я буду приступать къ Вамъ съ новыми вопросами. Чудна жизнь, съ этимъ всякій согласится, чудна такъ, что теряешь охоту чудесами ея заниматься; но есть же вещи въ ней единственные, абсолютныя, краугольныя—нельзя же отстать безъ того, чтобы слона не увидеть,

послѣ того, какъ до усталости шлеялся по кунсткамерѣ. Если они есть, то есть для людей—у меня собственности нѣтъ, которую бы могъ потерять; пойду за ними. Или ужъ и я сталъ порастать грибами? Или кончается мало по малу мое блужданіе, и я, оплетаемый житейскою осокою, прирастаю къ мѣсту? Изсякаетъ во мнѣ огонь волшебный? Это была молодость... Молодость моя, молодость! Какія бы я слезы пролилъ о тебѣ, если бы для послѣдняго прощанія ты предстала мнѣ на мигъ во всей собранной полной красотѣ твоей! Но все идетъ въ жизни капля по каплѣ, какъ и само время отсчитывается намъ скупо, маятникомъ; и изъ человѣка, великаго духа, великаго царя, выходитъ бревно, не имѣющее никакого значенія. Д. М.

Письмо шестое.

1850 г., Мая 28.

Милостивый Государь, Николай Васильевичъ! Сегодня я у Васъ былъ, не засталъ Васъ дома; а между тѣмъ весьма желалъ кое о чемъ говорить. Потому и пишу къ Вамъ.

Въ головѣ моей весьма часто летаетъ много прекрасныхъ для меня плановъ, мыслей, желаній; подвигаясь за летящимъ временемъ по немногу впередъ, я встрѣчаю вопросы, затрудненія, узнавъ которыхъ, нельзя отъ нихъ отступиться; иначе, кажется мнѣ, отстанешь отъ того тихаго пути, который Самъ Богъ, сама жизнь, самъ случай назначаетъ каждому на долю. (Насильно заниматься науками я не хочу, но не хотѣлъ бы и negliжировать тѣмъ, что вызываетъ мои желанія). При такихъ занятіяхъ планами и вопросами, имѣющими отношеніе къ огромному обществу, я нуждаюсь въ такомъ общеніи, которое бы вырывало изъ меня шлевелы, давая просторъ возрастать ишеницѣ, которое бы разясняло стезю моихъ мыслей и способствовало къ ихъ созрѣнію, которое было бы для моей воображаемой пока цѣли полезно. Цѣль моя—или лучше желаніе мое—*принести пользу обществу, говорить во всеуслышаніе, быть писателемъ*. Я имѣю въ виду тотъ идеалъ писателя, который Вы высказываете. Могу ли я послѣ всего этого не желать пользоваться Вашимъ знакомствомъ? не просить Васъ взять на себя трудъ снисходительно или, какъ тамъ придется, со мною бесѣдовать? Не знаю, какъ Вы стали бы думать на моемъ мѣстѣ и какъ должно думать, а я думаю, что современность наша—Россія и даже человѣчество—весьма нуждается и въ самыхъ малыхъ обдуманыхъ, искреннихъ приношеніяхъ. Что я думаю о своихъ силахъ, это говорить бесполезно, потому что силы по-

знаются лишь въ дѣлѣ; можно сказать только слѣдующую, недавно познанную мною мысль: чувствовать въ себѣ силы, мечтать о подвигѣ еще далеко-далеко не значить имѣть силы готовыми для совершенія подвига: вдохновеніе готовится природою, но если не всегда, то иногда ему долженъ предшествовать добросовѣстно-большой трудъ со стороны самого человѣка. Итакъ я думаю, что возможно исполненіе моего желанія быть полезнымъ обществу, но считаю это дѣло очень труднымъ... Однимъ словомъ, я считаю Ваши искренніе совѣты весьма нужными для себя и виновать здѣсь развѣ только въ томъ, что еще не умѣю ими какъ надобно пользоваться.

Припоминаю Вамъ Вашу прежнюю снисходительность ко мнѣ, припоминаю Вамъ, что Вы слушали меня, когда я говорилъ, самъ не зная что, читали длинныя письма, которые если что высказывали, то только личныя мои обстоятельства, если что оставляли въ памяти, то только свою грязную виѣшность. Теперь, когда мысли мои приходятъ въ порядокъ и отдѣляютъ должное отъ недолжнаго, когда онѣ наконецъ—рано ли, поздно ли—перестаютъ теряться въ безконечной неопредѣленности, я прошу Васъ не забыть меня своимъ вниманіемъ. Просьбою моею я не выгоды для себя ищу, ищу я... оправдать многое доброе и прекрасное.

Чего я смѣю ожидать отъ Васъ, такъ это не скрытности,—откровенности. Мнѣ нужна Ваша откровенность какъ въ отношеніи ко мнѣ, такъ и въ отношеніи ко всему, о чемъ случится мнѣ Васъ спрашивать. Мнѣ не нужны отвѣты приготовленные, отдѣланные, мнѣ не нужны догматы; потому что каковы бы они ни были, я желалъ бы ихъ провѣрить. Мнѣ нужны Ваши искреннія мнѣнія, мнѣ нужны матеріалы для соображеній. Я никакъ не одобряю ни въ комъ, а въ себѣ крайне не люблю вѣчную преданность авторитету; иначе давно бы, кажется, увлекся многими модными и кривыми воззрѣніями. Послѣ недавняго чтенія Вашей „Переписки“ я съ радостію нашелъ въ ней понятную для души моей истину и знаю теперь, что Вы заключаете въ себѣ много прекрасныхъ мыслей: ихъ бы я желалъ ближе узнавать. Но прошу Васъ, не обременяйте себя обдумываніемъ того, что захотите мнѣ сказать: для меня все, что пойму, будетъ интересно и дорого.

„Живешь, живешь—такая наконецъ скверность становится!“¹⁾ Хоть на какой-нибудь полкѣ жизни не нужно спать и надо быть честнымъ человѣкомъ,—иначе пропасть человѣкъ.

¹⁾ Текстъ изъ „Женитьбы“ Гоголя.

Наконецъ обращаюсь къ извѣстнымъ Вамъ моимъ тетрадямъ. Я увѣренъ, что Вамъ еще не достало терпѣнья разобрать первую. Какъ же быть теперь? Отдать Вамъ ее—я отдалъ, видно Вамъ нужно сдѣлать мнѣ одолженіе... Если Вы не можете ее разобрать, я могу ее передѣлать. Во второй говорится нѣсколько интересныхъ для меня словъ о вдохновеніи, объ актѣ творчества, о прекрасномъ, разбирается письмо объ этомъ Жуковского, кажется, къ Вамъ. Идетъ также рѣчь о современности и о значеніи Вашей послѣдней книги ¹⁾. Но все сочиненіе состоитъ изъ несвязныхъ клочковъ, и прочесть Вамъ изъ него отрывки, если позволите, долженъ я самъ, когда-нибудь послѣ отдыха Вашего отъ первой моей тетради. Не знаю, когда могу получить отвѣтъ Вашъ объ этой тетради и потому покоряѣйше прошу Васъ сказать человѣку, когда я могу застать Васъ дома. На этой недѣлѣ въ среду я приду спросить его объ этомъ. Засимъ всѣмъ съ почтеніемъ пребыть честь имѣю Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Д. М.

III.

Отрывки изъ воспоминаній ²⁾.

1.

„Въ дневникѣ моемъ я называлъ себя слабымъ человѣкомъ съ высокими стремленіями: это опредѣленіе довольно вѣрно. Не трудно представить себѣ, что подобный человѣкъ могъ навести Гоголя на грустныя мысли. Къ тому же полученное мною образованіе было недостаточно. Самъ Гоголь впоследствии замѣтилъ мнѣ, что я до крайности бѣденъ знакомствомъ съ фактами и совѣтовалъ мнѣ поэтому читать исторію. Находилъ во мнѣ и тотъ важный недостатокъ, что я не умѣю владѣть собственными мыслями и мгновенно въ нихъ теряюсь, увлекаясь первымъ новымъ впечатлѣніемъ. А между тѣмъ охота писать была во мнѣ страшная: я словесно и письменно безжалостно осаждалъ покойнаго Николая Васильевича.

Приведу здѣсь нѣчто о свиданіи съ Гоголемъ студента М. И. Орлова, моего стариннаго друга, бывшаго у Гоголя по

¹⁾ „Избр. мѣста изъ переписки съ друзьями“.

²⁾ Писано въ шестидесятыхъ годахъ.

моей просьбѣ. Я тогда только что поступилъ въ юнкера и жилъ въ городѣ Вереѣ. По нѣкоторому стеченію обстоятельствъ я вдругъ пожелалъ быть переведеннымъ въ гвардейскую артиллерію. Черезъ М. И. Орлова я просилъ Гоголя хлопотать объ этомъ переводѣ, и вотъ что мой ходатай писалъ мнѣ по этому случаю:

«На другой день (29 октября 1849 года) въ назначенный срокъ я узрѣлъ Николая Васильевича и... о впечатлѣніяхъ разнаго рода молчу, потому что это подробности. После необходимаго съ моей стороны коротенькаго вступленія и послѣ двухъ-трехъ словъ съ его стороны, сказанныхъ по поводу этого предисловія, онъ началъ такимъ образомъ: „Да, онъ пишетъ мнѣ о томъ, что хочетъ перевестись въ гвардію. Но я не знаю, нужно ли это непременно. Посовѣтовался ли онъ объ этомъ дѣлѣ съ людьми болѣе знающими? Будетъ ли въ этомъ какая выгода? И позволить ли ему состояніе? Мнѣ хотѣлось бы знать, что это желаніе перевестись—обдуманность или слѣдствіе безпокойнаго духа?“ Дальше онъ высказалъ слѣдующее: „Конечно, въ иныхъ случаяхъ совѣтовать нельзя; но мое мнѣніе такое, что если уже онъ поступилъ въ эту службу, такъ прежде всего должно заботиться о точномъ исполненіи долга и ежедневныхъ обязанностей, какія возлагаетъ на него служба, и думать, что при избраніи этого поприща участвовалъ не одинъ нашъ собственный произволъ, но признавать, что въ этомъ избраніи присутствуетъ Сила, свыше распоряжающая“... При этомъ на лицѣ его показалось то, что, кажется мнѣ, хорошо выражаетъ французское *sourire doucement*... „А остальное, — продолжалъ онъ, — придетъ само собой, чѣмъ меньше мы объ немъ думаемъ“ Вотъ весь экстрактъ нашей бесѣды. А на прощаніе повторилъ: „Я радъ сдѣлать пользу вашему товарищу, буду во всякомъ случаѣ стараться; а если увижу какую выгоду, то еще больше буду хлопотать: это моя обязанность, потому что“... Но тутъ вниманіе мое нѣсколько разсѣялось, и я не разобралъ послѣднихъ словъ».

„Скажите, Н. В.,—спрашивалъ я,—какъ такъ мастерски вы умѣете представлять всякую пошлость. Очень рельефно и живо!“ Легкая улыбка показалась на его лицѣ, и послѣ короткаго молчанія онъ тихо и довѣрчиво мнѣ сказалъ: „Я представляю себѣ, что чортъ, большею частью, такъ близокъ къ человѣку, что безъ церемоніи садится на него верхомъ и управляетъ имъ какъ самую послушную лошадью, заставляя его дѣлать дурачества за дурачествами“.

Суетныхъ образованныхъ молодыхъ людей Н. В. любилъ называть *шелконёрами* и говорилъ, что они большею частью незнакомы съ чортомъ потому, что сами для него вовсе не интересны, и онъ ихъ оставляетъ самимъ себѣ безъ всякаго вниманія съ своей стороны, въ полной увѣренности, что они не уйдутъ и сами отъ него: „развѣ, развѣ,—прибавилъ онъ,—когда-нибудь онъ спрячетъ у нихъ перчатку, и они долго потомъ ее ищутъ; вотъ всѣ продѣлки его съ ними“.

Я какъ то замѣтилъ ему по нѣкоторому случайному поводу, что творчество таланта должно быть, какъ мнѣ кажется, легко, свободно, игриво. „Да,—отвѣчалъ онъ,—оно похоже на игру шампанскаго“.

Съ предчувствіемъ или безъ предчувствія великой реформы 19 февраля Н. В. сѣтовалъ на то, что наши такъ называемые образованные и благородные люди не привыкли и не хотятъ заниматься никакими ручными работами, тогда какъ это человѣку необходимо и спасительно. „Какъ мнѣ пріятно и полезно,—прибавилъ онъ,—то, что я стараюсь обходиться безъ слуги и самъ (иногда) мету себѣ комнату“.

Однажды разговоръ зашелъ о новомъ тогда произведеніи Островскаго „Свои люди сочтемся“. „Я дважды слышалъ эту пьесу въ чтеніи: одинъ разъ читалъ мнѣ ее Садовскій, въ другой разъ самъ авторъ“, сказалъ Гоголь. Нѣкто позволилъ себѣ здѣсь замѣтить, что эта пьеса отъ первой строки до послѣдней написана узорчатымъ языкомъ и что было бы съ нею, если бы всѣ ея разговоры перевести на обыкновенный простой

языкъ? „Да,—сказалъ Гоголь,—можетъ быть, она тогда кое что потеряла бы. По моему мнѣнію, авторъ сдѣлалъ въ своей пьесѣ то упущеніе, что старикъ отецъ въ послѣднемъ актѣ вдругъ, безъ всякаго вѣдома и ожиданія читателя и зрителя, является узникомъ. Я на мѣстѣ автора предпослѣднее дѣйствіе непременно окончилъ бы тѣмъ, что приходятъ и берутъ старика въ тюрьму. Тогда и зритель и читатель были бы ощутительно приготовлены къ силѣ послѣдняго акта“.

Когда разговоръ заходилъ о „Мертвыхъ Душахъ“ и о неизвѣстномъ мнѣ тогда второмъ томѣ, то Гоголь всегда говорилъ, что надѣется вывести въ немъ личности *крупныя* предшествующихъ.

Вотъ и все, что я могъ собрать въ ослабѣвшихъ воспоминаніяхъ моихъ изъ слышанныхъ мною мнѣній Гоголя, которыя счелъ нелишнимъ сообщить читателю. Теперь самъ я сильно скорблю о томъ, что во все время моего знакомства съ Гоголемъ гораздо больше былъ занятъ своимъ собственнымъ разстроеннымъ внутреннимъ міромъ, чѣмъ личностью и мнѣніями замѣчательнаго человѣка. Оттого то и скудно въ моихъ воспоминаніяхъ то, что могло бы быть абсолютно интересно для читателя. Какъ желалъ бы я возвратить прошлое для того, чтобъ съ полнымъ вниманіемъ изучать интересную и отчасти замкнутую натуру Гоголя! Но прошедшаго и не вернешь, и не передѣлаешь“.

И. Малиновскій.

О введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ Установленій въ Варшавскомъ судебномъ округѣ ¹⁾.

Нынѣшній 1902 годъ — первый годъ во второмъ XXV — лѣтѣи дѣйствующихъ въ краѣ судебныхъ установленій. XXV лѣтъ существованія государственнаго учрежденія — періодъ слишкомъ незначительный, чтобы дать историческую оцѣнку значенія этого учрежденія, но онъ не только оправдываетъ, но и вызываетъ необходимость сообщенія, въ которомъ я постараюсь посылно освѣжить въ вашей памяти основаніе, причину и исходные моменты происшедшей четверть вѣка тому назадъ судебной реформы въ Привислянскомъ краѣ и отмѣтить существеннѣйшіе моменты хода законодательныхъ работъ по этой реформѣ. Къ сожалѣнію, я не имѣю чести относиться къ тѣмъ судебнымъ дѣятелямъ, которые были участниками введенія этой реформы, а потому и не могу въ живомъ языкѣ личныхъ воспоминаній былого подѣлиться съ Вами картинами очевидца; съ предметомъ моего сообщенія я ознакомился лишь по печатнымъ матеріаламъ ²⁾ научнаго, дѣлового и

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ 27 Января 1902 г.

²⁾ Ими были: Н. В. Муравьевъ: „Прокурорскій Надзоръ“ М. 1889 г.; П. Юрневъ: „Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ“, Журн. Гр. и Угол. права 1875 г., кн. 5 и 6; 1876 г., кн. 1; Н. М. Рейнке: „Очеркъ законодат. Ц. П.“, Журн. Мин. Юст. 1901 г., кн. 8—10; „Краткія свѣдѣнія о нынѣ (до реформы) дѣйствующемъ въ губерніяхъ Царства Польскаго порядкѣ судопроизводства гр. и угол.“; „Докладъ завѣдующаго Юрид. Комиссіею по проекту основныхъ положеній

официальнаго характера, что впрочемъ можетъ только содѣйствовать вполне объективному отношенію къ изучаемому предмету.

Съ самымъ названіемъ „судебная реформа“ въ памяти каждаго изъ насъ, М. м. Г. г., оживаетъ представленіе о необычайной яркости свѣтлой эпохи реформъ на Руси, о незабвенныхъ, почти безпримѣрныхъ въ русской жизни знаменитыхъ 60 годахъ, когда точно Богъ вѣсть какимъ чудомъ сразу окрѣпшая русская мысль, при невиданномъ дотолѣ об-

преобразованія по судебной части въ Царствѣ Польскомъ; Постановленія Учред. Комитета т. 3 и 4; Журналъ Высочайше утвержденнаго Совѣщ. Комитета для разсмотрѣнія проектовъ преобразованія судебной части въ губ. Царства Польскаго; Проектъ правилъ охранит. судопр. въ гминныхъ судахъ, составленный сенат. Соловьевымъ; Записка Управляющаго 2 отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи статсъ-секретаря кн. Урусова отъ 11 Января 1869 г. № 40; Объяснительная записка къ проекту (и самый проектъ) устройства судебныхъ мѣстъ въ Царствѣ Польскомъ (К. О. Малковского); Записка Управляющаго Собственной Е. И. В. Канцеляріею по дѣламъ Царства Польскаго статсъ-секретаря Д. Н. Набокова отъ 16 Февраля 1871 г. № 312 съ проектами; Журн. Соед. Присутствія Комитета по дѣламъ Царства Польскаго и Деп. Зак. Госуд. Совѣта 1871 г.; Журн. Соед. Присутствія (второго) Комитета по дѣламъ Царства Польскаго и департаментовъ: законовъ, гр. дѣлъ и госуд. экономіи госуд. совѣта 1872 г. № 2; Записка Упр. Собств. Е. И. В. Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго Д. Н. Набокова отъ 18 Февраля 1872 г. № 182; Записка его же отъ 2 Января 1874 г. № 42; Положеніе о примѣненіи суд. Уставовъ къ Варш. Суд. Округу и остальные законопроекты въ окончат. редакціи, составленные имъ же; Журн. Соед. Присутствія (третьяго) Комит. по дѣламъ Царства Польскаго и департаментовъ законовъ, гр. и дух. дѣлъ и госуд. экономіи 1875 г.; Выписка изъ Журн. Госуд. Совѣта 16 Декабря 1874 г. и 3 Февраля 1875 г. по дѣламъ о преобразованіи суд. части въ губ. Царства Польскаго. — Въ цѣляхъ сокращенія, вызываемаго размѣрами изданія, мы лишаемъ себя приведенія ссылокъ въ подлежащихъ мѣстахъ, ограничившись лишь общимъ перечнемъ здѣсь нашихъ источниковъ.

щемъ подъемъ русскаго духа, проявила необычайную силу могучаго творчества не только въ области науки и литературы, но и въ государственной политической жизни. Реформы слѣдовали за реформами, захватывая и обновляя жизнь и строй русскаго государства и въ глубь, и въ ширь, и въ даль!

Послѣ безсмертнаго освободительнаго манифеста 19 Февраля 1861 года едва ли не самой смѣлой и плодотворной реформой была судебная реформа. Въ то время, какъ крестьянская реформа получила свое примѣненіе на всемъ пространствѣ нашего государства одновременно, сразу и вездѣ по всѣмъ звеньямъ разбившая тяжелую цѣпь ужаснымъ и постыднымъ ярмомъ давившаго насъ рабства,—Судебная реформа, по самому своему свойству и требованіямъ организациі, не могла получить такого одновременнаго всероссійскаго осуществленія: ея естественный ходъ долженъ быть другой—поступательный. По многимъ и сложнымъ условіямъ нашего государства ходъ этой реформы развивался не концентрическими кругами, а получилъ поступательное направленіе съ сѣвера на югъ, расширяя свой діаметръ тѣмъ болѣе, чѣмъ достигались болѣе южныя широты, такъ что въ первое десятилѣтіе судебной реформы видъ ея на картѣ представлялъ изъ себя нѣкоторое подобіе пирамиды, началомъ которой во времени было однако не основаніе, а вершина,—любопытный символъ явленія, свойственнаго только Россіи и давно уже подмѣченнаго многими нашими мыслителями: у насъ, не какъ на Западѣ, реформы исходятъ не снизу, какъ тамъ, а сверху. Однако потребность въ судебной реформѣ и мощь ея самой такъ были велики и всеобъемлющи, что начертанной фигурой эта реформа не должна была и не могла заключиться: на очереди стояли и ожидали ее другія пространства государства, въ томъ числѣ и Привислянскій край.

Впрочемъ не этимъ лишь преобразовательнымъ направленіемъ эпохи опредѣлялась судебная реформа въ Привислянскомъ краѣ; главный, основной стимулъ реформы заключался въ самомъ состояніи здѣсь судебного дѣла, которое, я позволю себѣ прямо сказать, было невозможнымъ,—имъ не

дорожили даже туземцы, напротивъ, они сознавали необходимость безотлагательной полной реформы и судоустройства, и судопроизводства въ краѣ.

Наканунѣ реформы картина судебного дѣла въ Польшѣ являла изъ себя такой видъ ¹⁾. Здѣсь были 1) *Гминные суды* съ предсѣдателемъ—гминнымъ войтомъ и 2—3 лавниками, 1) *Судно-полицейскія отдѣленія* при Варшавскомъ оберъ-полицмейстерѣ и президентахъ или бургомистрахъ другихъ городовъ, 3) *Мировые суды* въ составѣ: мирового судьи, подсудка, писаря и подписаря; эти суды раздѣлялись на два отдѣленія: а) примирительное и б) спорное, 4) *Суды исправительной полиціи*, состоявшіе изъ предсѣдателя, двухъ ассесоровъ и секретаря, 5) *Гражданскіе трибуналы*, иногда, какъ въ Варшавѣ, съ отдѣленіями; ихъ составляли—предсѣдатель, члены и канцелярія, 6) *Коммерческій трибуналъ* въ Варшавѣ, состоявшій изъ предсѣдателя, его товарища и 6 членовъ отъ купцовъ, 7) *Уголовные суды*—изъ предсѣдателя, членовъ, ассесоровъ и канцеляріи, 8) *Апелляціонный судъ*, состоявшій изъ 6 отдѣленій, въ составѣ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, членовъ, канцеляріи, наконецъ 9) *Сенатъ* (IX и X департамены), состоявшій изъ сенаторовъ, членовъ Сената (для разрѣшенія дѣлъ на правахъ сенаторовъ) и канцеляріи. Былъ однако еще цѣлый рядъ дѣлъ, стоявшихъ внѣ подсудности перечисленнымъ установленіямъ (дѣла, сопряженныя съ казенными интересами, касавшіяся общественныхъ дорогъ, улицъ, сплавовъ по рѣкамъ, подрядовъ и поставокъ для войска) и составлявшихъ предметъ вѣдѣнія другихъ учрежденій.

Въ дореформенное время существовала въ краѣ и *прокуратура*, состоявшая изъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ;

¹⁾ Въмѣсто представленной нами въ засѣданіи полной картины дѣятельности дореформ. судовъ съ установленіемъ подсудности каждаго изъ нихъ, мы, въ видахъ сбереженія мѣста, ограничиваемся здѣсь лишь ихъ перечнемъ и самымъ общимъ очеркомъ судебного дѣла, рекомендуя желающимъ познакомиться съ этимъ обстоятельно обратиться къ цитированному труду г. Юренева и „Кратк. свѣд. о нынѣ дѣйств. въ губ. Царства Польскаго порядкѣ судопр. гр. и угол.“.

при Сенатѣ—оберъ-прокуроры съ помощниками. Прокуратура состояла при судахъ простой полиціи (не при всѣхъ), судахъ исправительной полиціи, при уголовныхъ судахъ, апелляціонномъ судѣ и гражданскихъ трибуналахъ. Свободными отъ прокуратуры были только гминные суды да коммерческій трибуналь. Обязанность прокуратуры составляло: давать заключенія по разбираемымъ въ судахъ дѣламъ, наблюдать за исполненіемъ законовъ и судебныхъ рѣшеній, а не только приговоровъ, охранять казенные интересы и исполнять другія спеціальныя обязанности.—При судебныхъ установленіяхъ были еще судебные пристава, раздѣлявшіеся на *коморниковъ*—исполнителей судебныхъ рѣшеній и *возныхъ*, вручавшихъ повѣстки. Это—почти то же, что нынѣшніе судебные пристава и судебные разсылные. Разница была незначительная и между прочимъ въ томъ, что тогда коморники вносили залогъ въ 900 рублей, и ни тѣ, ни другіе жалованья не получали, а содержались изъ вознагражденія за свои дѣйствія по таксѣ, кромѣ судебныхъ возныхъ, такъ называемыхъ аудіенціанальныхъ—эти были на жалованьи отъ казны. При судахъ были еще *защитники*, раздѣлявшіеся на *патроновъ*—для судовъ первой степени, *адвокатовъ*—при апелляціонномъ судѣ и *меценатовъ*—при Сенатѣ. Для веденія дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны или правительственныхъ учрежденій, существовала *Прокураторія Царства Польскаго*, дѣйствовавшая въ судахъ черезъ своихъ защитниковъ. Всѣ должностныя лица судебного вѣдомства, были по назначенію отъ правительства, кромѣ судей коммерческаго трибунала. Главный надзоръ за судебными установленіями принадлежалъ Правительственной Комиссіи Юстиціи (въ Варшавѣ).

Уже одинъ перечень существовавшихъ до реформы судебныхъ установленій говоритъ о той сложности и запутанности судебного дѣла въ краѣ, по сравненію съ которыми даже русскіе дореформенные суды не представляются образомъ крайней непригодности. Въ частности же въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ дореформенные польскіе суды были ужасны тѣмъ, что каждое дѣло могло быть переносимо въ три,

а нѣкоторыя и въ четыре инстанціи, при чемъ даже нѣкоторые частные вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о подсудности, подлежали обсужденію 4-хъ инстанцій. Это порождало страшную волокиту, давая возможность затягивать разрѣшеніе дѣлъ на цѣлыя десятки лѣтъ, что во 1-хъ доступно было лишь людямъ значительныхъ средствъ, а во 2-хъ дѣла малоцѣнные прямо таки не стоили внесенія въ судъ, тѣмъ болѣе, что было обязательнымъ веденіе дѣлъ черезъ повѣренныхъ, а это, конечно, еще болѣе умаляло матеріальный интересъ тяжущихся въ возбужденіи дѣлъ, приводившихъ большею частію къ разоренію стороны, матеріально недостаточной и потому уступавшей болѣе зажиточному противнику; правая, но бѣдная сторона шла нерѣдко на мировую, далеко для себя невыгодную. Такимъ образомъ, въ сущности, условія гражданскаго процесса были таковы, что въ выигрышъ большею частью оставался не правый, а сильный матеріально или связями. Существовавшій до реформы гражданскій процессъ открывалъ еще и своеобразную возможность злоупотребленія защитникамъ: дѣло въ томъ, что предъявленіе суду довѣренности было необязательно, а фактъ самой явки защитника на судъ за ту или другую сторону самъ по себѣ принимался за удостовѣреніе въ томъ, что онъ дѣйствительно уполномоченъ. Если не часты были, быть можетъ, случаи явки защитника вовсе безъ уполномочія, то не было рѣдкостью, что защитники позволяли себѣ такіа дѣйствія, на какія не были уполномочены. Въ послѣднемъ случаѣ, правда, вѣритель не шелъ въ окончательную кабалу умысла, небрежности или неосторожности своего повѣреннаго: вѣрителю усвоилось право просить о признаніи такихъ дѣйствій повѣреннаго ничтожными, но лишь въ формѣ особаго иска, извѣстнаго по дѣйствовавшему тогда французскому кодексу судопроизводства подъ именемъ „*désaveu*“. Насколько однако это было утѣшительно, не трудно понять, ибо и этотъ искъ могъ быть веденъ во всѣхъ инстанціяхъ: говорятъ, бывали примѣры, когда въ рукахъ посѣдѣлаго сутяги эти иски оканчивались лишь со смертью того или другого тяжущагося. Еще

представляло изъ себя вовсе безцѣльное осложненіе и то, что прокуроры должны были давать свои заключенія по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ и во всѣхъ судахъ, при которыхъ они состояли.

Далеко не въ лучшемъ состояніи было и уголовное правосудіе,—напротивъ, здѣсь дѣло обстоило еще хуже. Начать съ того, что если въ гражданскомъ правосудіи самые законы носили болѣе или менѣе согласованный характеръ, то въ уголовномъ и этого не было: дѣйствовали въ сѣверной части прусскіе, а въ южной—австрійскіе производственные законы, съ которыми не вполнѣ согласованъ былъ порядокъ, установленный декретомъ Саксонскаго короля, герцога Варшавскаго, 26 Іюля 1810 г. Нѣкоторые дополненія и измѣненія, наконецъ, вызваны и внесены были правилами о введеніи въ дѣйствіе въ Царствѣ Польскомъ нашего Уложенія о Наказаніяхъ, которое, какъ матеріальный уголовный законъ, дѣйствовало на всей территоріи Ц. П. Получался, такимъ образомъ, лабиринтъ, въ которомъ ничего не стоило запутаться, но за то, правда, умѣлому человѣку была большая возможность и выпутать. Самое судопроизводство принадлежало къ разряду слѣдственныхъ, но отдѣльныхъ органовъ для производства слѣдствій,—судебныхъ слѣдователей,—не было вовсе. По донесенію полиціи первоначальное дознаніе о всякомъ преступномъ дѣяніи производилось подсудкомъ мирового суда, обязанности котораго и безъ того были разносторонни и сложны. Протоколы своего дознанія подсудокъ препровождалъ въ судъ исправительной полиціи, и ужъ этотъ судъ производилъ формальныя слѣдствія по всѣмъ дѣламъ, являясь для однихъ дѣлъ и судомъ, постановляющимъ приговоръ, другія же съ законченнымъ слѣдствіемъ направлялъ въ уголовный судъ. Отъ обвиняемаго всѣми мѣрами надо было добиться признанія, и въ той части края, гдѣ дѣйствовалъ австрійскій уставъ, на случай, если обвиняемый не признавался, законъ предписывалъ упорно „напоминать“ объ усиленіи за это отвѣтственности, а при недѣйствительности этой мѣры подвергать обвиняемаго

тюрьмъ ¹⁾. Свидѣтели всегда допрашивались въ отсутствіи обвиняемаго, а показанія, говорившія противъ обвиняемаго, остаются по возможности для него тайной. Прекратить слѣдствіе по недостаточности уликъ можно было только до допроса обвиняемаго, а если слѣдователь, не дай Богъ, допросилъ обвиняемаго, дѣло уже должно было слѣдовать полному ходу до приговора суда включительно. Засѣданія, хотя происходили публично, но обвиняемый присутствовалъ въ томъ только случаѣ, если находился въ городѣ суда, если же онъ былъ подъ стражею въ другомъ мѣстѣ, то показаніе отъ него отбиралось тамошнимъ судомъ и затѣмъ лишь сообщалось суду, разбиравшему дѣло. Защита была обязательною, но послѣднее слово во всѣхъ судахъ принадлежало прокурору и никогда обвиняемому или его защитнику.

Очерченное судоустройство и судопроизводство едва ли не ясно говорить само за себя, за свою полную несостоятельность. Нельзя поэтому подозрѣвать въ какой бы то ни было тенденціозности тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя, будучи Высочайше призваны къ пересмотру дѣйствовавшихъ въ краѣ судовъ и начертанію проекта реформы, такъ отзываются объ этихъ судахъ: „Сущестующій тамъ порядокъ судопроизводства служить постояннымъ поводомъ для справедливыхъ нареканій мѣстнаго населенія“. — Дѣйствующая въ краѣ система доказательствъ „проникнута такимъ формализмомъ, что при ней всѣ отправленія суда становятся чисто машинальными; тяжущіеся (и обвиняемые) до такой степени стѣснены въ

¹⁾ Не лучше было и въ мѣстностяхъ примѣненія Прусскаго устава, дѣйствовавшаго съ 1805 г.: по этому закону не только обвиняемый, но и подозрѣваемые въ сообщничествѣ подлежали въ случаѣ заpiresательства тѣлесному наказанію. Этотъ варварскій законъ былъ отмѣненъ только Высочайшимъ Указомъ 30 Августа 1864 г., но фактически продолжалъ быть примѣняемымъ не только войтами гминь, но бургомистрами, президентами, судами простой полиціи потому, какъ объясняетъ въ своей запискѣ Д. Н. Набоковъ, что населеніе „свыклося“ съ этимъ дѣйствовавшимъ болѣе полувѣка закономъ и „не успѣло усвоить значенія новѣйшаго русскаго закона“!..

представленіи доказательствъ въ подтвержденіе своихъ правъ или невинности, что часто являются въ сущности лишенными правосудія“. — „Система организаціи судебныхъ мѣстъ въ Царствѣ Польскомъ не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ Юстиціи“. — „Нынѣшнее состояніе судопроизводства въ томъ краѣ особенно благопріятно для возникновенія ябедническихъ исковъ“. Учредительный комитетъ въ своихъ отзѣвахъ выразилъ вообще „недовѣріе къ справедливости и безпристрастному разбору дѣлъ“ общ. судебными мѣстами, особенно въ отношеніи крестьянскихъ дѣлъ.

Къ такому печальному состоянію правосудія, помимо недостатковъ, лежавшихъ въ самомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, могло до извѣстной степени вести и слѣдующее обстоятельство.—Всѣхъ судей до реформы было 364, получали они такое жалованье: одинъ—3000 р., 7—по 2000, 4—1800, 4—1650, 7—1500, 27—1350, 4—1050, 12—975, 34—900, 18—825, 44—750, 14—675, 82—575, 9—540 и 147 по 500 руб. Приведа этотъ перечень, одинъ польскій юристъ (К. О. Малковскій) справедливо замѣчаетъ: „нужно ли болѣе, чѣмъ эти цифры, краснорѣчивыхъ доказательствъ, что нашъ судья живетъ въ нищенствѣ“, а стало быть и въ матеріальной зависимости. Нельзя поэтому не повѣрить сообщеніямъ, что въ дореформенную пору не терпѣли нужды только адвокаты (не надо забывать обязательнаго веденія дѣлъ только черезъ повѣренныхъ, а къ тому же источники указываютъ на значительную склонность адвокатовъ имущественно не щадить своихъ кліентовъ), да тѣ изъ польскихъ судей, кто имѣлъ свой достатокъ, или тѣ...., впрочемъ это „или“ далеко не всегда опредѣляется скудостью содержанія.... и мы съ чувствомъ искренняго братскаго удовлетворенія въ отношеніи нашихъ польскихъ собратій приведемъ здѣсь свидѣтельство Правительственной Комиссіи Юстиціи, которая съ гордостію указываетъ на многочисленные примѣры героическихъ въ этомъ отношеніи доблестей.

Существуетъ однако мнѣніе, и намъ лично приходилось слышать о немъ не разъ, будто судебное дѣло въ краѣ стоя-

ло на такой высотѣ, которая исключала необходимость реформы, явившейся результатомъ преимущественно политическихъ соображеній, а не отвѣтомъ на требованія жизни. Чѣмъ болѣе однако знакомились мы съ здѣшней судебной реформой, тѣмъ болѣе и болѣе проникались какъ разъ противоположнымъ убѣжденіемъ, и если предубѣжденные скептики готовы подозрительно относиться къ приведеннымъ отзывамъ работавшихъ надъ судебною реформою учреждений, то ужъ внѣ всякихъ подозрѣній долженъ стоять такой почтенный полякъ, какъ К. О. Малковскій. Этотъ почтенный юристъ съ видимо наболѣвшею скорбью, — что ему дѣлаетъ величайшую честь, — отмѣчаетъ недобро въ судебномъ строѣ и судебныхъ порядкахъ родного ему края. О дореформенномъ, введенномъ въ Польшу Наполеономъ I французскомъ судоустройствѣ, которому, по словамъ г. Малковского, предшествовалъ „настоящій хаосъ“ въ судебномъ дѣлѣ, этотъ авторъ отзывается такъ: „между тѣмъ общественныя соотношенія, исконныя привычки, существенныя потребности общества нуждались, можетъ быть, въ своемъ собственномъ, болѣе соотвѣтствующемъ мѣстнымъ условіямъ судоустройствѣ. Современные государственные люди чувствовали эту необходимость и вводили помянутый порядокъ послѣ нѣкоторыхъ опытовъ и колебаній и сдѣланнаго никогда не признавали совершеннымъ“. Уже введеніе гминныхъ судовъ нашимъ правительствомъ въ 1815 г. К. О. Малковскій привѣтствуетъ, какъ „значительное улучшеніе“. Въ трогательной скорби, вызванной сознаніемъ непригодности дореформенныхъ судовъ, представлявшихъ конгломератъ и осколки чего то чужого, Малковскій въ горькомъ чувствѣ благодарнаго патріота безнадежно вопрошаетъ: „и въ самомъ дѣлѣ, сколько судопроизводствъ имѣемъ мы въ Европѣ? Русское, англійское, французское, прусское, австрійское — имѣютъ конечно кое что общаго, но столь мало, что кажутся совершенно различными. Почему и наше теперешнее устройство не могло бы стоять рядомъ съ этими различными и быть признаваемо не недостаточнымъ, а только различнымъ? Лестило бы намъ такое убѣжденіе, но къ несчастію исторія и тео-

рія судебного порядка возстають противъ насъ и невыгодно толкуютъ практическія явленія нашего *судоустройства*“. Каковъ же окончательный взглядъ польскаго патріота на здѣшніе дореформенные суды? „Всѣ эти (ихъ) недостатки такого значенія, что, желая ихъ исправить, *нужно все зданіе до основанія передѣлать*, употребить для сего много издержекъ и *новый матеріалъ*. Это большой трудъ, но не слѣдуетъ сомнѣваться, что правительство его не устрашится, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло объ одной изъ благороднѣйшихъ его силъ“.

Какая же при такомъ состояніи дѣйствовавшихъ въ краѣ судовъ была возможность оставлять въ немъ *status* судебного дѣла? Если при извѣстномъ настроеніи со стороны враждебно относящейся ко всѣмъ русскимъ начинаніямъ и мѣрамъ партіи наше правительство все таки не было свободно отъ упрековъ за произведенную въ краѣ реформу, то не заслуживало ли бы оно дѣйствительно справедливаго упрека и осужденія отъ *всего* польскаго народа, если бы оставило его попрежнему изнывать въ тяжелой долѣ безправія и безсудія и особенно съ того времени и въ ту пору, когда уже въ самой Руси вѣковая черная неправда судовъ становилась лишь горькимъ историческимъ воспоминаніемъ?

Раздавленный рядомъ стихійныхъ историческихъ катастрофъ, расчлененный на три случайно лишь опредѣлившіяся и несамостоятельныя части, польскій народъ въ той его части, жребій которой указалъ быть единымъ съ его соплеменникомъ, могуче удержавшимъ въ историческихъ судьбахъ свою государственную самостоятельность, въ тяжеломъ стонѣ безсудія взывалъ объ улучшеніи его судебного быта; и оставлять братскій народъ при его прежнихъ судахъ не значило ли бы со стороны Русскаго Правительства на просьбу голодающаго о хлѣбѣ оставлять его при имѣющемся у него камнѣ?

Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что судебная реформа въ краѣ была необходима, но, благодаря одному благодѣтельному со стороны правительства нововведенію, она съ 1864 г. стала и безотложной. Какъ въ коренной Имперіи ближайшей механической, но незаслонимой и неотра-

зимой причиной судебной реформы былъ безсмертный Указъ 19 Февраля 1861 г., чуть не на другой же день обнаружившій всю непригодность къ дальнѣйшему продолженію бывшихъ у насъ судовъ, такъ и на этой нашей окраинѣ Указъ 19 Февраля 1864 г. былъ тѣмъ клиномъ, отъ котораго разошлись давно подгнившіе швы организаціи Края. Проявившіяся было на первыхъ порахъ усилія ограничить и втиснуть вызванную этимъ Указомъ новизну въ тѣсныя и хрупкія рамки гминнаго суда оказались несбыточными; живыя и живучія отношенія, вызванныя этимъ Указомъ, силой своей собственной благодѣтельной эволюціи сводили эти рамки на—пѣтъ, требуя иного строя и прежде всего въ судебномъ отношеніи!

И уже въ воспослѣдовавшемъ 23 Сентября того же 1864 г. Высочайшемъ повелѣніи судебная реформа была возвѣщена, а къ сожалѣнію предшествовавшія этому и еще къ Сентябрю 1864 г. не улегшіяся окончательно тяжелой памяти недоразумѣнія со стороны польской интеллигенціи нѣсколько своеобразно опредѣлили характеръ этой реформы, а вѣрнѣе—нѣкоторой части ея!

Вотъ внѣшній ходъ законодательныхъ работъ по этой реформѣ: 23 Сентября 1864 г. Высочайше повелѣно образовать при б. Учред. Комитетѣ въ Варшавѣ *Юридическую Комиссію* для начертанія проектовъ о преобразованіи судебной части въ Царствѣ; Высочайшимъ повелѣніемъ 24 Февраля 1865 г. указано, какія главныя цѣли должно имѣть при начертаніи этихъ проектовъ; 2 Іюля того же года Высочайше утверждена *Инструкція* для руководства Юрид. Комиссіи. Составленные этою Комиссіею проекты подвергнуты были разсмотрѣнію Учред. Комитета и затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію 8 Ноября 1867 г., проекты эти и заключеніе Учред. Комитета были переданы на обсужденіе особаго, только для этой цѣли образованнаго, *Совѣщательнаго Комитета* въ Петербургѣ изъ сенаторовъ, членовъ Учред. Комитета и чиновъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, министерствъ Юстиціи и Внутр. Дѣлъ. Вотъ составъ этого Комитета: предсѣдатель сенаторъ М. Н. Любичинскій, члены: сенаторы Р. М. Губе, П. А. Зубовъ,

баронъ Е. Е. Врангель и А. Я. Соловьевъ, дѣйствит. ст. совѣтники: А. М. Александровичъ, О. В. Эссенъ, Д. В. Готовцевъ, И. О. Велію, П. Т. Китицинъ, Ѳ. М. Маркусъ и кол. ассесоръ В. А. Железниковъ. Этотъ Комитетъ имѣлъ 13 засѣданій съ 31 Декабря 1867 г. по 14 Февраля 1868 г.; его Журналы вмѣстѣ съ предыдущими работами, по Высочайшему повелѣнію, въ Маѣ 1868 г. были переданы на заключеніе Управляющаго II Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи и Министра Юстиціи, сообщившихъ свои отзыы въ Собственную Е. И. В. Канцелярію по дѣламъ Царства Польскаго — первый 11 Января 1869 г., а второй — лишь 7 Сентября 1870 г. Управляющій этою Канцеляріею *Д. Н. Набоковъ*, по разсмотрѣніи и отчасти на основаніи предыдущихъ работъ, составилъ обширную записку и проекты: а) Положенія о примѣненіи къ губерніямъ Ц. П. Суд. Уставовъ 20 Ноября 1864 г., б) Положенія о нотар. части, в) Устава объ особыхъ производствахъ и г) Правиль о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе новыхъ законоположеній, а позднѣе и д) Времен. Правиль о судопроизводствѣ въ коммерч. судѣ. Всѣ эти работы Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ *Соедин. Присутствіи* Комитета по дѣламъ Ц. П. и департамента законовъ Государственнаго Совѣта при участіи министровъ Юстиціи, Финансовъ и Вн. Дѣлъ. Это Присутствіе имѣло 10 засѣданій съ 10 Апрѣля по 24 Мая 1871 г., его Журналы въ Ноябрь того же года были разсланы членамъ *Государственнаго Совѣта* для обсужденія въ Общемъ Собраніи; но 31 Января 1872 г. Высочайше было повелѣно образовать *новое Соединенное Присутствіе* изъ Комитета по дѣламъ Ц. П. и департаментовъ Законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и Госуд. экономіи Госуд. Совѣта при участіи тѣхъ же министровъ — для новаго и всесторонняго обсужденія журналовъ прежняго Соед. Присутствія „въ особенности по предметамъ, возбуждившимъ разногласіе“, а статсъ-секретарю Набокову поручено было безотлагательно выработать и внести въ это же Присутствіе проектъ штатовъ предначертанныхъ судебныхъ учреждений — съ тѣмъ, чтобы всѣ проекты по этой реформѣ были внесены въ Общее

Собрание Государственного Совѣта не позднѣе 20 Марта 1872 г. и представлены на Высочайшее утвержденіе до наступленія ваканта въ Государственномъ Совѣтѣ. Вотъ списокъ участниковъ этого Соединеннаго Присутствія, въ существѣ закончившаго выработку проектовъ: предсѣдатель—Конст. Чевкинъ, члены: принцъ П. Ольденбургскій, Н. Мѣтлинъ, Вл. Назимовъ, Θεод. Новосильскій, Вл. Титовъ, И. Фундуклей, Алдръ Веригинъ, Дм. Замятнинъ, Дм. Милютинъ, бар. Будбергъ, А. Левшинъ, гр. Э. Барановъ, М. Рейтернъ, А. Войцѣховичъ, кн. Сергѣй Урусовъ, С. Жуковскій, К. Гротъ, Дм. Набоковъ, кн. Дм. Оболенскій, Борисъ Мансуровъ, кн. Лобановъ-Ростовскій, гр. К. Паленъ, А. А. Абаза, Гр. Небольсинъ, Петръ Зубовъ, К. Побѣдоносцевъ и Яковъ Соловьевъ, подписавшіе Журналы этого Присутствія. Но, вслѣдствіе разногласій въ Государственномъ Совѣтѣ, вызванныхъ особенно вопросомъ о гминныхъ судахъ, дѣло затянулось ¹⁾ и только 19 Февраля 1875 г. состоялось Высочайшее утвержденіе законоположеній по этой реформѣ, а фактическое введеніе новыхъ судебныхъ установленій въ Варшавскомъ округѣ состоялось лишь 1 Юля 1876 г.

Уже одинъ этотъ перечень внѣшняго хода законодательныхъ работъ по предпринятой реформѣ свидѣтельствуетъ, съ какою серьезностью относилось наше правительство къ этому акту. Самъ Государь Императоръ Александръ II въ первомъ своемъ Высочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ по предмету этой реформы 23 Сентября 1864 г., призналъ за реформой значеніе акта „особенной государственной важности“. И всѣ исполнители этой Высочайшей воли, начиная отъ членовъ Юридической Комиссіи и оканчивая Общимъ Собраніемъ Государственного Совѣта, въ такомъ же смыслѣ понимали значеніе своихъ трудовъ, о чемъ открыто каждый разъ и заносили въ свои Журналы, Представленія, Отзывы или Записки, а чтеніе этихъ документовъ съ неотразимостью убѣж-

¹⁾ Было учреждено еще и третье Соединенное Присутствіе, принимали участіе въ разработкѣ законопроектовъ этой реформы и другія учрежденія, но ихъ значеніе—второстепенное.

дать, что такіа заявленія не были лишь красивой фразой, а скорѣе приводятся авторами ихъ какъ бы въ поясненіе и оправданіе той обстоятельности, съ которой призванные къ созданію намѣченной Государемъ реформы учрежденія и лица относились къ своей отвѣтственной задачѣ.

Въ какомъ же духѣ составители вели реформу?—Границы, въ которыхъ должна была заключаться свободная дѣятельность этихъ лицъ и учреждений и задача, которую они въ этой реформѣ должны были достигнуть, основы и цѣль этой реформы—были точно опредѣлены самимъ Государемъ: въ Высочайшемъ повелѣніи 24 Февраля 1865 г. прямо было сказано, что при судебномъ преобразованіи въ Царствѣ необходимо имѣть постоянно въ виду возможное сближеніе законодательствъ Царства и Имперіи, самая же реформа должна быть проведена въ духѣ послѣднихъ правительственныхъ мѣръ. Извѣстно, какими искренними благопожеланіями привѣтствовались эти мѣры не только у насъ, но и во всемъ просвѣщенномъ мірѣ! Въ Высочайше же утвержденной 2 Іюля 1865 г. Инструкціи предписано было Юрид. Комиссіи при начертаніи основныхъ началъ и проектовъ судоустройства и судопроизводства принимать въ руководство исключительно тогда недавно лишь Высочайше утвержденные, но еще не введенные въ жизнь Судебные Уставы 20 Ноября 1864 г., „насколько это, сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи, возможно по мѣстнымъ условіямъ Края“. При этомъ Государь ставитъ исполнителямъ своей воли въ обязанность имѣть въ виду постоянно *„не одни общепринятая юридическія начала, но преимущественно интересы государственные такъ же, какъ и интересы большинства народа, вызываемаго Правительствомъ къ новой гражданской жизни“*.

Вотъ цѣль, отъ которой ни на іоту не смѣли отклониться исполнители законодательныхъ работъ по судебной въ этомъ краѣ реформѣ и къ которой должны клониться предполагавшіяся къ проектированію нормы.

Казалось бы при такой точно опредѣленной задачѣ и распубликованномъ уже тогда образцѣ, который предписано

Инструкціей взять въ руководство, дѣло начертанія проектовъ представлялось значительно облегченнымъ, а между тѣмъ, не смотря на самое живое, любовное и энергичное отношеніе проектосоставителей къ своему дѣлу, проекты эти могли быть готовы къ Высочайшему утвержденію только болѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ отъ начала съ Престола возвыщенной реформы, тогда какъ самые Судебные Уставы 20 Ноября въ этой стадіи были всего лишь 13 мѣсяцевъ.

Были, конечно, теченія и вліянія, умышленно направленные къ задержанію реформы, но свѣдѣніямъ объ этомъ еще не время выходить изъ кабинета историка. Другая причина отмѣченной запоздалости лежала въ самой энергіи и замѣчательной добросовѣстности самихъ проектосоставителей: они такъ близко принимали къ сердцу свои обязанности, съ такимъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, энергіей и настойчивостью отстаивали свои мнѣнія и въ благородной убѣжденности въ правотѣ и цѣлесообразности своихъ мнѣній не шли на уступки другъ другу,—особенно этой высотой творчества отличались члены Совѣщательнаго Комитета и обоихъ Соединенныхъ Присутствій, что думные люди Государственнаго Совѣта были видимо въ полной нерѣшительности, какому изъ мнѣній дать предпочтеніе. И дѣйствительно, уже къ 1871 г. достигнуто было „всестороннее уясненіе дѣла; но множество возникшихъ при семъ разнообразныхъ предположеній и разномысліи усложнило всѣ вопросы такъ, что къ окончательному ихъ разрѣшенію не могло быть приступлено (въ Госуд. Совѣтѣ) безъ новой общей переработки дѣла“.—Третья причина замедленія лежала, такъ сказать, въ самой природѣ предмета, въ тѣхъ отступленіяхъ отъ Судебныхъ Уставовъ, которыя вызывались мѣстными условіями. Вотъ эти отступленія, къ которымъ пришла уже Юридическая Комиссія и необходимость которыхъ безъ особенныхъ споровъ была признана и въ дальнѣйшемъ ходѣ законопроекта: 1) усилить единоличную власть предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и прокуроровъ, 2) не вводить начала несмѣняемости судей, 3) подчинить ближайшему надзору и вѣдѣнію высшей суд. администраціи сосло-

віе присяжныхъ повѣренныхъ, 4) оградить независимость полиціи отъ суда и 5) не вводитъ присяжныхъ засѣдателей. Къ этимъ отступленіямъ въ заключительной стадіи присоединилось еще 6) поставить единоличную власть старшаго предсѣдателя въ особо усиленное положеніе. Но самая большая затыжка въ окончаніи проекта реформы произошла по поводу гминныхъ судовъ, являющихся также отступленіемъ отъ Суд. Уставовъ. Бросимъ хоть бѣглый взглядъ на нѣкоторые изъ этихъ отступленій ¹⁾.

Гминные суды послужили у реформаторовъ, такъ сказать, первой осѣчкой въ дружной и живой ихъ работѣ и, надо правду сказать, сколько потомъ ни прицѣливались реформаторы къ этимъ судамъ, все слѣдовала осѣчка за осѣчкой. И дѣйствительно съ этими судами проектосоставители очутились въ положеніи между Сциллой и Харибдой: съ одной стороны были серьезныя основанія удержать ихъ, а съ другой—гмин. суды были въ рѣшительномъ противорѣчій съ задачей проведенія реформы въ духѣ и по образцу учрежденій Судебныхъ Уставовъ, въ которыхъ ничего подобнаго этимъ судамъ не имѣлось и съ которыми связать ихъ, казалось, не было никакой возможности. Возникшіе изъ патримоніальной юрисдикціи, составлявшей принадлежность вотчинной власти помѣщика и сопряженныхъ съ нею отношеній по землѣ къ поселеннымъ на ней людямъ, гминные суды уже по одному этому не могли быть вплетены въ эмансипаціонный узоръ Судебныхъ Уставовъ. Правда, пересозданные освободительнымъ указомъ 19 Февраля 1864 г. гминные суды съ этого времени уже служили другимъ цѣлямъ, но все же они далеки были отъ

¹⁾ Всѣ отступленія, которыя не вызывались особенностями мѣстныхъ гражд. законовъ, составителями законопроектовъ реформы были обсуждаемы какъ явленіе временное, что и оправдывается. Такъ, начало несмѣняемости судей уже распространено на здѣшній край при нынѣшнемъ министрѣ Юстиціи, Н. В. Муравьевѣ, которому принадлежитъ и честь завершенія суд. реформы введеніемъ Суд. Уставовъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи.

идеаловъ и строенія новыхъ судовъ. Тѣмъ не менѣе, эти учрежденія, хотя и вызвавъ массу особыхъ мнѣній, прошли и въ Юридической Комиссiи и въ Учредительномъ Комитетѣ, но уже большинство членовъ Совѣщательнаго Комитета высказалось противъ нихъ, все время также противниками ихъ были министръ юстиціи гр. Паленъ и управляющій 2 Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи кн. С. Урусовъ. Уже изъ того, что, какъ относительно компетенціи, такъ и по поводу устройства этихъ судовъ, ни одинъ вопросъ не разрѣшенъ единогласно ни въ Юрид. Комиссiи, ни въ Учред. Комитетѣ, ни въ Совѣщ. Комитетѣ, а многіе вопросы вызывали два и даже три мнѣнія, при томъ настолько основательныя и убѣдительныя, что явилось положительное затрудненіе, съ какимъ мнѣніемъ согласиться, и что если возбуждалось даже сомнѣніе о пріисканіи для нихъ грамотныхъ предсѣдателей, то каковы же будутъ члены,—кн. Урусовъ пришелъ къ заключенію, что не представляется никакой вѣры, чтобы „суды эти могли хотя въ нѣкоторой мѣрѣ оправдать возлагаемыя на нихъ надежды“. А такъ какъ они не могутъ удовлетворить и стремленію правительства къ объединенію законодательствъ, то кн. Урусовъ, какъ и большинство членовъ Совѣщ. Комитета, „полагалъ справедливымъ“, чтобы гминные суды „низведены были на степень судовъ сельскихъ, сословныхъ“. Такое отношеніе ихъ къ учрежденіямъ лишь сельской расправы, кажется, было тѣмъ основательнѣе, что, по дѣйствовавшему тогда закону (ст. 60 указа 19 Февраля 1864 г.), гминные суды основывали свои рѣшенія исключительно на обычаѣ и „понятіяхъ сродныхъ сельскому быту“. Но гминные суды нашли себѣ горячаго и знающаго защитника въ лицѣ статсъ-секретаря Д. Н. Набокова. Указавъ на то, что въ Ц. П. не было и нѣтъ словій, что гмина только что создана правительствомъ въ цѣляхъ и духѣ послѣднихъ законодательныхъ движеній въ государствѣ, почему должно поддержать все, что клонится къ ея укрѣпленію; что судебною реформою преслѣдуются интересы большинства народа, вызваннаго правительствомъ къ новой гражданской жизни, соотвѣтственно которымъ въ особен-

ное вниманіе приняты были указы 19 Февраля 1864 г. и „такъ какъ, согласно предназначеніямъ Верховной Законодательной Власти, въ нихъ собственно заключаются неизмѣнные основы всѣхъ коренныхъ преобразованій, которыя должны быть предприняты въ Ц. П. съ цѣлью обновленія всего гражданскаго быта въ этомъ краѣ и обезпеченія спокойнаго и прочнаго его развитія, а созданные помянутыми указами гм. суды составляли существенную и нераздѣльную часть общей органической мѣры, выражавшей ясно и то направленіе, въ которомъ правительство рѣшилось пересоздать гражданскій бытъ въ Царствѣ, и тѣ условія новой гражданской жизни, къ которой оно призвало большинство народа, получившаго одновременно съ тѣмъ самостоятельную поземельную собственность“,—статсъ-секретарь Набоковъ неуклонно настаивалъ и требовалъ оставленія гминныхъ судовъ, какъ судовъ, подлежащихъ введенію „въ общій строй“ организациі проектируемыхъ судебныхъ установленій. Горячею, убѣжденною, смѣлою и, надо отдать справедливость, всегда прекрасно обоснованною защитою своего мнѣнія Д. Н. Набоковъ добился введенія въ Судебные Уставы защищаемыхъ имъ судовъ. Самыми активными его противниками, какъ это уже указано, были гр. Палень и кн. Урусовъ, не только однако не сломившіе убѣжденной настойчивости Д. Н. Набокова ¹⁾, но и сами въ концѣ концовъ согласившіеся съ нимъ: въ одномъ изъ засѣданій

¹⁾ Какъ примѣръ его настойчивости и рѣшительности приведу слѣдующій фактъ. Уже во время дѣйствія Совѣщ. Комитета, министръ юстиціи командировалъ въ 1868 г. для обозрѣнія между прочимъ и гминныхъ судовъ товарища министра т. сов. Перцова. И вотъ въ подкрѣпленіе своего взгляда на эти суды гр. Палень „для сужденія о правильности дѣйствій гминныхъ судовъ“ привелъ между прочимъ изъ этой ревизіи фактъ, что по собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ только „въ теченіи одного 1867 г. было предано суду 148“ председателей этихъ судовъ, каковыми были тогда гминные войты. Конечно, такой фактъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе. Однако это не поколебало Д. Н. Набокова: черезъ главнаго директора Комиссіи Юстиціи и губернаторовъ онъ подвергъ повѣркѣ услышанныя свѣдѣнія и этимъ

второго Соединеннаго Присутствія кн. Урусовъ „заявилъ, что, въ виду тѣхъ весьма сильныхъ доводовъ, которые приведены статсъ-секретаремъ Набоковымъ въ пользу гминныхъ судовъ, онъ присоединяется къ сему мнѣнію“. Съ своей стороны тогда же и гр. Паленъ „объявилъ, что хотя.... онъ находитъ, что суды сіи не соотвѣтствуютъ условіямъ правильно организованныхъ суд. учреждений, тѣмъ не менѣе, въ виду удостовѣренія статсъ-секретаря Набокова о необходимости сохраненія общесловнаго значенія гм. судовъ, какъ одного изъ основныхъ началъ системы, принятой правительствомъ съ цѣлью обновленія гражд. устройства Ц. П., онъ не рѣшается принять на себя отвѣтственность въ отступленіи отъ такой принятой для Царства правительственной системы и соглашается поэтому на оставленіе гм. судовъ“, но съ оговоркою: „если дальнѣйшая дѣятельность гм. судовъ окажется не вполне удовлетворительною, то отъ правительства всегда будетъ зависѣть дать гм. судамъ болѣе ограниченное значеніе чрезъ примѣненіе къ губерніямъ Царства полной силы судебнаго устройства прочихъ губерній Имперіи“. Даже сенаторъ Я. Соловьевъ, еще въ бытность свою членомъ Учредительнаго, а затѣмъ и Совѣщ. Комитета, голосовавшій противъ гм. судовъ, подъ доводами Набокова измѣнилъ свое мнѣніе. Однако Госуд. Совѣтъ, принявшій уже было весь законопроектъ суд. реформы, не могъ ни на что рѣшиться лишь относительно гм. судовъ и 7 Іюня 1872 г. остановился на слѣдующемъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи: поручить статсъ-секретарю Набокову, по сношеніи съ Министромъ Юстиціи, Управляющимъ 2 Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи и Намѣстникомъ Ц. П., „составить предположенія о преобразованіи гм. судовъ и необходимыхъ соотвѣтственно сему измѣненіяхъ въ проектъ

путемъ низвелъ цифру гр. Палена съ 148 на 67 случаевъ и то имѣвшихъ въ огромномъ большинствѣ не серьезныя обвиненія, разрѣшившіяся за нѣкоторыми исключеніями либо незначительными дисциплинарными взысканіями, либо полнымъ оправданіемъ.

судебной реформы... на указанныхъ Государственнымъ Совѣтомъ началахъ“. Д. Н. Набоковъ и эту работу выполнилъ блестяще, представивъ проекты и записку отъ 2 Января 1874 г., въ которой подвергъ основательному, талантливому и даже остроумному разбору отзывъ Министра Юстиціи, Управляющаго 2 Отдѣленіемъ и Намѣстника. Вотъ какова въ общихъ чертахъ внѣшняя исторія нахождения въ Судебныхъ Уставахъ гминныхъ судовъ, развитіе вопроса о которыхъ со-здало и здѣшнюю должность предсѣдателя мирового съѣзда съ обязанностію ревизіи и наблюденія за дѣятельностію сихъ судовъ и служило особому подъему единоличной власти Старшаго Предсѣдателя Варшавской Палаты.

О *Мировыхъ Судьяхъ* серьезнаго разногласія у проекто-составителей не было. До окончательнаго предрѣшенія оставленія гм. судовъ были лишь различныя мнѣнія въ опредѣленіи предѣловъ юрисдикціи этого института, но съ положительнымъ разрѣшеніемъ вопроса о гминныхъ судахъ болѣе другихъ вопросовъ подвергался въ отношеніи мир. судей обсужденію вопросъ объ ихъ назначеніи, перемѣщеніи и увольненіи. Довольно долго стояло мнѣніе, чтобы опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе этихъ судей было предоставлено 1-му департаменту Прав. Сената по представленію лишь Министра Юстиціи на основаніи предварительнаго соглашенія съ Намѣстникомъ края, но въ позднѣйшихъ стадіяхъ это мнѣніе не удержалось. Пониженная компетенція мировыхъ судей въ гражданскихъ дѣлахъ была вызвана необходимостію сравненія ихъ съ гминными судами, на способность и подготовленность которыхъ судить въ предѣлахъ мировой подсудности Имперіи никто не разсчитывалъ. Министръ Юстиціи настаивалъ на ненужности учрежденія Съѣздовъ, предлагая примѣнить дѣйствовавшую уже тогда систему на Кавказѣ, но изъ—за гм. судовъ, для предсѣдателей которыхъ, гм. судей, являлось поучительнымъ періодическое участіе въ составѣ съ судьями юристами, Съѣзды признано было необходимымъ учредить и по той же причинѣ назвать ихъ не Съѣздами Мировыхъ Судей, а Мировыми Съѣздами. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить заслуживающее

вниманія и для нынѣшняго времени серьезнѣйше обстоятельство: въ своей послѣдней по этой реформѣ запискѣ въ 1873 г. Министръ Юстиціи признавалъ 1200 дѣлъ въ годъ слишкомъ значительнымъ на одного мирового судью.

Окружные суды и судебная палата не вызывали особыхъ сомнѣній и разногласій; въ отношеніи этихъ учреждений пришлось лишь остановиться на тѣхъ необходимыхъ измѣненіяхъ по отправленію уголовного правосудія, которыя естественно вытекали изъ невведенія прис. засѣдателей. Въ противоположность вопросу о гм. судахъ, *Коммерческій судъ* не вызвалъ никакихъ рѣшительно разговоровъ. Въ движеніи законопроектвъ реформы онъ такъ далеко тянулся въ хвостѣ придатковъ, что какъ то совсѣмъ былъ гдѣ то забытъ и не попалъ въ перечень вопросовъ, подлежащихъ обсужденію заключительнаго засѣданія Госуд. Совѣта, а потому и не вошелъ въ Высочайше утвержденныя 19 Февраля 1875 г. положенія о новыхъ судахъ въ Варшавскомъ округѣ. Богъ знаетъ, гдѣ очутился бы этотъ судъ, еслибы вводившій во краѣ новыя суды Н. Н. Герардъ, уже чуть не наканунѣ ихъ открытія, обходя занятія доживавшими послѣдніе дни трибуналами помѣщенія, наткнулся въ одномъ изъ нихъ на Красинской площади въ Варшавѣ на выѣску: Handlovу Tribunal. Можно себя представить изумленіе почтеннаго Николая Николаевича, когда въ имѣвшемся при немъ экземплярѣ законоположеній не встрѣтилось ни одной буквы объ этой находкѣ: это было, говорятъ, 28 Іюня, а 1 Іюля вступали въ жизнь новыя учрежденія! Усиленно заработалъ телеграфъ; по счастью въ запискѣ Д. Н. Набокова нашли и „Положеніе о Коммерческомъ Судѣ“ и 30 Іюня оно было Высочайше утверждено, но на праздникѣ открытія новыхъ судовъ въ Варшавѣ, подобно улану, затесавшемуся на царскомъ смотрѣ между гусарь, парадировали представители Handlov. Tribunal'a и ни души — отъ Ком. Суда! И съ тѣхъ поръ этотъ судъ идетъ своею, какъ бы не выполнѣ судебною дорогою.

Вопросъ о судѣ *Присяжныхъ Засѣдателей* также не вызвалъ нигдѣ разномыслія, разрѣшенный отрицательно уже въ

Юрид. Комиссіи. Вотъ—основанія такого разрѣшенія: „институтъ присяжныхъ—учрежденіе новое въ самой Имперіи и прежде, чѣмъ распространить его на Царство, необходимо дожидаться результатовъ, которые будутъ достигнуты въ Имперіи и собрать достаточное количество наблюденій относительно самостоятельности и умѣнія, которыя обнаружатъ въ Имперіи присяжные изъ низшихъ классовъ при рѣшеніи запутанныхъ вопросовъ.... Такого рода наблюденія будутъ имѣть тѣмъ больше значенія, что будутъ сдѣланы въ странѣ, представляющей значительную аналогію съ Царствомъ по степени умственного развитія и этихъ указаній практики не могутъ замѣнить ни умозрительныя соображенія, ни самое добросовѣстное изученіе западныхъ образцовъ. Поспѣшное введеніе присяжныхъ въ Царствѣ, не составляя живой потребности для населенія, при тѣхъ многозначительныхъ и важныхъ реформахъ, которыя уже окончены или предприняты, могло бы оказаться напраснымъ только бременемъ для массы населенія, не отличающейся полнымъ сознаніемъ общественныхъ обязанностей“. Но въ будущемъ предположено было „распространить присяжное начало въ Царствѣ“, если по наблюденіямъ окажется, что его можно ввести „безъ опасенія за успѣхъ и пользу дѣла“.

Въ отношеніи *единоличной власти представителей* еще Юридическая Комиссія предполагала облечь ихъ особыми полномочіями на счетъ коллегіи, предположивъ исключить даже присутствующее суд. установленіемъ Имперіи право избранія и представленія на замѣщеніе судебныхъ должностей, но уже Совѣщательный Комитетъ силится ослабить это направленіе, найдя „крайне неудачнымъ ставить членовъ судебного вѣдомства въ совершенную зависимость отъ власти предсѣдателя, ибо члены суда, въ угодливость предсѣдателю, часто были бы вынуждены раздѣлять его мнѣніе, можетъ быть весьма одностороннее и неправильное“. Вообще же во всѣхъ мнѣніяхъ замѣтна склонность усвоить общій надзоръ за всѣми судебными мѣстами и чинами въ округѣ старшему предсѣдателю палаты, въ особенности же за гминными судами и мировыми судьями.

По отношенію *прокурорскаго надзора* происходили вездѣ содержательные и интересные дебаты на тему объ усиленіи власти прокурора; кажется, однако — къ лучшему, что не прошло многое изъ проектировавшагося; напр., предполагалось изъ товарищей прокурора сдѣлать какихъ то такихъ безличныхъ дѣятелей, за которыми рѣшительно не оставлялось никакой самостоятельности, за исключеніемъ впрочемъ одной особенно важной функціи прокурорской дѣятельности: за ними оставлялось всѣми проектосоставителями свобода въ заключеніяхъ по уголовнымъ дѣламъ.

Сообщая о нашей судебной реформѣ, слѣдуетъ особенно остановиться на вопросѣ объ *адвокатурѣ*, представляющей много чрезвычайно любопытнаго по сравненію съ этимъ институтомъ въ русскомъ правѣ. Адвокатура — давнее дѣтище польскаго народа, порожденіе къ тому же, кажется, самостоятельное, а не заимствованное. Едва ли я ошибусь, если скажу, что въ славянской семьѣ судебная защита появилась ранѣе всего у Поляковъ, при томъ въ глубокую, сѣдую старину. Еще въ Вислицкомъ статутѣ 1347 г. имѣется правило: „поелику не каждый способенъ самъ ходить по своему дѣлу, повелѣваемъ, чтобы каждый человѣкъ, безъ различія состоянія наряжалъ въ судъ *рѣчника*“. Въ дальнѣйшее время этотъ „рѣчникъ“, смотря по мѣстности назывался, *piegsa*, *przu-prawsa*, *procurator* ¹⁾. Въ 1496 г. вышелъ законъ, по которому, еслибы кто не имѣлъ повѣреннаго и самъ не умѣлъ изложить своего дѣла, судъ обязанъ дать ему способнаго рѣчника. Но польскіе законы добраго стараго времени въ отношеніи рѣчниковъ — суровы. Законъ 1511 г., превративъ рѣч-

¹⁾ Адвокатура съ теченіемъ времени, входя все глубже и глубже въ суд. жизнь Польши, пріобрѣтая все новыя и новыя формы, къ сожалѣнію, утрачиваетъ свои прекрасныя славянскія названія. Вообще въ отношеніи юридическаго языка Польша наименьше изъ всѣхъ славянскихъ народовъ сохранила славянскіе термины, засоривъ латинизмомъ и германизмомъ даже народный говоръ, въ которомъ однако и нынѣ живетъ слово „*obroica*“.

никовъ въ чиновниковъ и освободивъ ихъ отъ представленія довѣренности, подчиняетъ ихъ строгому надзору суда и обязываетъ присягою въ томъ, что они неправого дѣла не будутъ принимать, ни совѣтывать, ни производить, что будутъ представлять денежные требованія по справедливой оцѣнкѣ вреда или убытка „дабы напрасно не утруждать людей призываніемъ во свидѣтели“. Нарушеніе этого влекло лишеніе права производства дѣлъ во всѣхъ судахъ Царства, а если рѣчникъ причинилъ сторонѣ убытокъ, то былъ подвергаемъ наказанію, какъ слуга за мошенничество. Въ 1638 г. вышелъ законъ, по которому за стачку съ противной стороной защитникъ подвергался смертной казни, а по закону 1764 г. за оскорбленіе противной стороны передъ судомъ защитникъ навсегда лишается права веденія дѣлъ. Не смотря на такіе строгіе законы, а можетъ быть и благодаря имъ, адвокатура въ старой Польшѣ развивалась все пышнѣе и пышнѣе, ставъ въ XVIII в. самымъ почетнымъ и интеллигентнымъ классомъ въ польскомъ обществѣ. Канцеляріи защитниковъ были наполнены самою лучшею, воспитанною молодежью; онѣ сдѣлались школою права и мѣстомъ высшей практики, открывавшей путь къ высшимъ должностямъ въ краѣ. Но съ паденіемъ политической самостоятельности Польши, адвокатура сразу пришла въ упадокъ, „особенно подъ вліяніемъ совершенно иныхъ понятій австрійскаго и прусскаго законодательства; лучшая воспитанная молодежь оставила палестру“ (Малковскій) и съ сожалѣніемъ надо признать, что адвокатура больше и не подымалась уже здѣсь. Не пользовалась она ни уваженіемъ, ни довѣріемъ и въ мѣстныхъ судахъ предъ нашей реформой, а Учред. Комитетъ прямо таки боялся допускать защитниковъ въ гм. суды.

Но иначе предполагала отнестись къ нимъ реформа: то было у насъ время особенной симпатіи и славы тогда молодой, пышно было зацвѣтшей адвокатуры. Образую адвокатуру по образцу прис. повѣренныхъ Суд. Уставовъ, реформа въ началѣ сулила имъ Совѣтъ здѣсь, но... „адвокатовъ Ц. Ц. преслѣдуетъ постоянная неудача: по суд. организаціи 1808 г.

предполагалось (Наполеономъ) учредить при каждомъ трибуналѣ палату публичн. защитниковъ а въ Варшавѣ—высшую палату“ (Юрневъ), составлены были и проекты этихъ учреждений; все это осталось однако безъ осуществленія. И теперь: открывался было адвокатурѣ новый удобный случай образовывать органъ самоуправленія и по проекту—совѣтъ пр. повѣренныхъ подлежалъ учрежденію въ Варшавѣ, какъ вдругъ послѣдовало распоряженіе о приостановленіи открывать эти совѣты въ Имперіи, и Варшавскій округъ не могъ получить большаго, чѣмъ давалось во внутреннихъ губерніяхъ. Съ точки зрѣнія нынѣшняго мѣстнаго судьи, входящаго въ положеніе обывателя, сердечно приходится жалѣть, что, относясь съ большимъ уваженіемъ къ тому, что было народнымъ укладомъ въ мѣстной гражд. жизни, и оставляя таковое въ неприкосновенности, реформаторы не сохранили слѣдующей присяги для адвокатовъ, составленной творчествомъ чисто польскаго духа и совѣсти: „клянусь Господомъ Богомъ въ Святой Троицѣ Единымъ, яко сторонѣ, которая потребуеть меня къ своему дѣлу, буду служить вѣрно, излишняго награжденія требовать не стану; взявъ награжденіе отъ дѣла не откажусь, ни совѣтовъ къ промедленію святого правосудія или противозаконныхъ, къ истощенію тащущихся сторонъ, своимъ довѣрителямъ *quovis colore et praetextu* давать не буду; ввѣренныхъ мнѣ по дѣлу документовъ, во избѣжаніе правосудія, скрывать не стану“....

Сокращая настоящій трудъ даже въ существенномъ, я неискупно согрѣшилъ бы предъ истиною, если бы хоть вкратцѣ не остановился на трехъ дѣлаемыхъ нашей судебной реформѣ упрекахъ: 1) законопроекты ея были начертаны только русскими дѣятелями, безъ участія Поляковъ и, стало быть, безъ знанія мѣстнаго быта, а потому и безъ достаточной соображенности съ его требованіями, 2) былъ введенъ судебнымъ языкомъ русскій языкъ и 3) судебныя должности были замѣщены русскими людьми.

Что касается перваго упрека, то съ одной стороны онъ не вполнѣ вѣренъ, ибо въ составъ Юрид. Комиссіи вошли че-

тверо изъ лучшихъ мѣстныхъ юристовъ: Губе, Дуткевичъ, Лонцкій и Восинскій, а съ другой—сами же Поляки и были причиною необходимости ввѣрить все дѣло судебной реформы русскимъ дѣателямъ. Дѣло въ томъ, что необходимость судебной реформы въ краѣ давно уже составляла серьезную заботу Правительства и оно не одну и не разъ учреждало для сей цѣли комиссію изъ польскихъ юристовъ, но это ни къ чему не приводило: „опытъ истекшаго тридцатилѣтія, читаемъ въ постановленіи Учред. Комитета отъ 23 Марта 1865 г., доказалъ, что *невозможно ожидать сочувствія къ преобразованію суд. части отъ мѣстн. дѣателей*; бывшіе доселѣ комиссіи и комитеты, труды которыхъ производились единственно мѣстными дѣателями, не успѣли не только приготовить это преобразование, но даже не исполнили удовлетворительно матеріальныхъ работъ, т. е. собранія и приведенія въ извѣстность дѣйствующаго въ Ц. законодательства. Въ настоящее время еще менѣе можно ожидать въ туземныхъ чиновникахъ сочувствія къ судебной реформѣ, такъ какъ реформа сія должна быть направлена въ духѣ послѣднихъ правительственныхъ мѣръ, благая цѣль которыхъ столь мало соотвѣтствуетъ взглядамъ и стремленіямъ значительной части мѣстныхъ чиновниковъ“. Только этотъ многолѣтній горькій опытъ вызвалъ полную необходимость прибѣгнуть къ русскимъ юристамъ, для которыхъ почти невѣроятная колоссальность предстоявшей работы станетъ вполне очевидной только тогда, если вспомнимъ, что до реформы русскіе юристы не получали судебныхъ назначеній въ краѣ. При всемъ томъ реформа произведена была съ такою освѣдомленностію, что и понынѣ судебное дѣло здѣсь если и не стоитъ мѣстами на должной высотѣ, то только тамъ, гдѣ личный составъ слишкомъ недостаточенъ.

Изображенное несочувствіе мѣстнаго элемента къ реформѣ само собою, силою своего бытія, опредѣлило и неизбѣжность замѣщенія судебныхъ должностей въ новыхъ учрежденіяхъ русскими юристами ¹⁾. Мы уже видѣли, съ какимъ совер-

¹⁾ Были однако оставлены и всѣ лучшіе польскіе судебные дѣатели, получивъ въ новыхъ учрежденіяхъ соотвѣтственныя назна-

шеннымъ знаніемъ дѣла, обслѣдовательностію, вдумчивостію и осмотрительностію было созданы законопроекты реформы,—не меньшее раченіе было приложено и къ выбору личнаго состава новыхъ судовъ. Вотъ какія укланія по этому предмету мы имѣемъ въ законодательныхъ работахъ нашей реформы: „о посылкѣ въ Ц. П. плохихъ русскихъ чиновниковъ, готовыхъ принять всякую должность, лишь бы она давала имъ насущный хлѣбъ, не можетъ быть и рѣчи; подобное предположеніе не можетъ входить въ виды Министерства Юстиціи, которое безъ сомнѣнія приложить въ этомъ отношеніи всю необходимую, самую строгую осмотрительность какъ въ интересахъ самага дѣла, такъ и ради охраненія авторитета правительственныхъ назначеній“..., постарается привлечь „лицъ, могущихъ по своимъ способностямъ, образованію и дѣльности съ честью и успѣхомъ поддержать этотъ авторитетъ...., лицъ, коихъ нравственныя качества, а равно достаточная зрѣлость и стойкость въ убѣжденіяхъ могли бы *при всякихъ обстоятельствахъ* служить надлежащимъ оплотомъ противъ тенденцій и вліяній и всякаго рода притязаній“. Насколько же и въ дѣйствительности судебныя должности были замѣщены лицами исключительныхъ достоинствъ съ неотразимою убѣдительностію свидѣтельствуетъ то, что новое судебное дѣло въ краѣ сразу пошло такъ, что весьма скоро приобрѣло себѣ, быть можетъ, небывалое въ населеніи довѣріе къ судамъ. При предварительной неизвѣстности условій мѣстнаго быта, при новомъ кодексѣ и недружелюбномъ отношеніи мѣстнаго элемента къ прибывшимъ судебнымъ дѣателямъ, ничего не было бы удивительнаго, еслибы дѣтельность новыхъ судовъ и не оказалась здѣсь на требуемой юстиціею высотѣ; но произошло какъ разъ обратное, рельефно и неоспоримо показавъ, какъ даровиты, трудолюбивы и добросовѣстны русскіе дѣатели, если только сдѣлать умѣлый ихъ выборъ, дать сно-

ченія, не исключая и самыхъ высшихъ должностей; такъ, должности предсѣдателей двухъ департаментовъ Варшавской Судебной Палаты были замѣщены В. И. Голевинскимъ и М. В. Рогозинскимъ.

сное обезпеченіе и довѣриться ихъ благородству, всегда и возвышенно проникнутому чувствомъ долга до самопожертвованія.

Судебнымъ языкомъ уже оба предыдущія условія съ неотвратимостію опредѣляли только языкъ русскій, къ тому же хорошо изслѣдованная, доказанно установленная, достаточная подготовленность населенія уже въ то время къ судопроизводству на этомъ языкѣ и не создавала сколько нибудь серьезнаго препятствія къ признанію его языкомъ судебнымъ. Составители законопроектовъ не упустили изъ виду и важности того, „въ какой степени единый государственный языкъ долженъ составлять неотъемлемую принадлежность каждаго государства“. Вообще вопросъ о языкѣ составлялъ у реформаторовъ предметъ серьезнаго обсужденія и наиболѣе освѣдомленнымъ, убѣжденнымъ и убѣдительнымъ сторонникомъ положительнаго разрѣшенія этого вопроса былъ *Д. Н. Набоковъ*, повидимому являвшій изъ себя вообще центральную фигуру въ славномъ сонмѣ свѣтлой памяти реформаторовъ.

Въ судебной реформѣ мы подѣлились съ нашимъ братомъ самымъ лучшимъ, чѣмъ только могли тогда гордиться передъ всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ; подѣлились наилучшими своими людьми, быть можетъ, даже въ ущербъ родной Россіи, и если, *М. м. Г. г.*, на скрижаляхъ Предопредѣленія изображено и впредь быть Привислянскому краю воедино съ свято-Русскою землею, — будетъ, въ этомъ я искренно и сознательно убѣжденъ, будетъ время, когда и соплеменникъ нашъ — Полякъ за судебную реформу съ сердечнымъ благоговѣніемъ станетъ чтить святую память Царя — Освободителя!

Дм. Туткевичъ.

О ПРЕПОДАВАНИИ ПРАВА.

Проф. В. В. Есипова.

Въ последнее время, когда заговорили о реформѣ нашихъ университетовъ вообще, въ печати нашей иногда особенно критически относились къ постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ. Въ журналахъ и газетахъ приходилось читать цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній по поводу нашего юридического преподаванія. Были даже разсужденія и о полной будто-бы его неудовлетворительности. Но ужели эти замѣчанія и разсужденія имѣютъ непоколебимыя основанія? Ужели дѣйствительно мы должны сознаться въ несостоятельности нашей системы преподаванія права.

Для обновленія университетскаго преподаванія юридическихъ наукъ, нѣкоторые предлагаютъ даже совершенно уничтожить существующее чтеніе лекцій и замѣнить ихъ всецѣло одними только практическими занятіями. Но лекціонная система преподаванія права, которую они осуждаютъ и крити-

кують, существовала у нас издавна и, повидимому, не безъ пользы. Практическія-же занятія по юридическимъ наукамъ, о которыхъ въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ говорятъ, какъ о чемъ-то совершенно новомъ, въ томъ или другомъ видѣ существуютъ у насъ не менѣе давно, со временъ Лангганса, Горюшкина, Сандунова и друг. А между тѣмъ нѣкоторые изъ авторовъ объ этомъ не хотятъ и вспоминать.

Одни изъ авторовъ, критикуя постановку преподаванія права въ Россіи, ставятъ намъ въ образецъ преподаваніе юриспруденціи въ Германіи. Другіе авторы, наоборотъ, всѣ недостатки нашей науки права сводятъ исключительно къ тому, что у насъ въ этомъ отношеніи будто-бы слишкомъ ужъ много подражанія, именно, Германіи. Последнее указаніе касается, впрочемъ, не самого преподаванія, а трудовъ нашихъ ученыхъ-юристовъ, которые будто-бы построены всѣ на нѣмецкій ладъ и не отвѣчаютъ требованіямъ нашей жизни. Что же касается перваго указанія, то на немъ слѣдуетъ остановиться внимательнѣе.

Дѣйствительно-ли преподаваніе права въ Германіи поставлено настолько образцово, что можетъ удовлетворять всѣхъ безусловно. Едва-ли. Профессорскія лекціи читаются и въ германскихъ университетахъ такъ-же, какъ и у насъ: одни изъ профессоровъ произносятъ лекціи изустно, другіе читаютъ ихъ по тетрадкѣ. Но далеко не все, что они читаютъ, обязательно для студентовъ; обязательны только основныя положенія, такъ сказать, тезисы.

Нѣкоторые нѣмецкіе профессора-юристы, читая лекціи, даже прямо отмѣчаютъ обязательный для студента минимумъ знаній путемъ диктовки основныхъ положеній. Они просто говорятъ въ такихъ случаяхъ: „ich dictire, I, 1), а)“. Студенты записываютъ этотъ тезисъ, а если не успѣваютъ, то путемъ шарканья ногами по полу требуютъ, чтобы лекторъ повторилъ сказанное. Затѣмъ профессоръ развиваетъ это положеніе, приводитъ примѣры, но аудиторія уже положила перья и совершенно не слушаетъ этой части лекціи, зная что она не обязательна.

Затѣмъ профессоръ будить вниманіе своихъ слушателей новымъ „ich dictire, I, 1) в)“, опять записываніе, опять шарканіе ногами, а потомъ опять полное невниманіе. Дай Богъ, чтобы въ лекціонный часъ студентъ записалъ одну страницу такихъ „I, 1), а)“, „I, 1), в)“ и т. п. Въ годъ у него составитъ небольшая тетрадка страничекъ въ 50—100; вотъ и курсъ; вотъ уже онъ и знаетъ, напримѣръ, гражданское право; еще другая тетрадка—знаетъ и уголовное право; такъ въ десяткѣ тоненькихъ тетрадокъ или въ десяткѣ печатныхъ конспектовъ и всѣ юридическія науки.

Изучивъ нѣсколько такихъ тетрадокъ и конспектовъ, юноша въ Германіи уже имѣетъ право представить разсужденіе на степень „Доктора правъ“, соотвѣтствующее, собственно говоря, нашей кандидатской диссертациі. Но онъ не нашъ скромный кандидатъ, онъ уже Doctor juris. Встрѣтится такой Doctor juris за-границею съ пріѣзжимъ русскимъ кандидатомъ или даже дѣйствительнымъ студентомъ, завяжется между ними бесѣда, и вдругъ оказывается, что докторъ дальше Германіи многого не знаетъ, да и самое устройство судовъ въ Германіи, организацію германскаго процесса и т. п. русскій студентъ знаетъ лучше прирожденнаго нѣмца.

Причина понятна: въ русскихъ университетахъ большинство юридическихъ дисциплинъ излагается сравнительнымъ методомъ; въ Германіи-же преподавателямъ приходится ограничиваться лишь краткимъ комментированіемъ дѣйствующаго германскаго законодательства. Неудивительно поэтому, что выпущенный съ такими минимальными свѣдѣніями студентъ совершенно теряется въ судѣ и очень многого не знаетъ. Чтобы работать въ судѣ, ему надо опять учиться и притомъ чуть-ли не больше, чѣмъ въ университетѣ.

Вслѣдствіе этого въ Германіи и признанъ необходимымъ такой порядокъ: по прослушаніи трехлѣтняго университетскаго курса, молодые юристы сдаютъ экзаменъ при апелляціонномъ судѣ; послѣ чего прикомандировываются къ одному изъ судовъ,

для занятій у прокуроровъ, адвокатовъ, нотаріусовъ и т. п., и получаютъ званіе Referendar. Послѣ трехлѣтней практики, они подвергаются новому испытанію—государственному экзамену (grosse Staatsprüfung) въ юридической комиссіи (Iustiz-Prüfungskommission) и получаютъ званіе Gerichtsassessor. Званіе же доктора, соотвѣтствующее нашему кандидату, какъ было замѣчено выше, даетъ факультетъ по защищеніи диссертаци. (Gesetz über die juristische Prüfungen, 1869, § 2; die Vorschriften über die Ausbildung der Juristen in Preussen, Berlin, 1891).

Не то видимъ мы у насъ: окончившіе курсъ юридическихъ наукъ молодые люди тотчасъ-же зачисляются на службу, напримѣръ, въ суды младшими кандидатами; послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ практическаго приспособленія къ формѣ дѣлопроизводства, нашъ молодой юристъ уже совершенно осваивается съ дѣломъ. Въ этомъ и отличіе университетски образованнаго человѣка отъ канцелярскаго писца; канцелярскій писецъ только черезъ десять-двадцать лѣтъ писарской практики можетъ считать себя „искусившимся въ подсудностяхъ и формалистикѣ“; получившій-же юридическое образованіе юноша всѣ эти хитрости дѣлопроизводства схватываетъ и обобщаетъ въ какіе-нибудь два-три мѣсяца. И нашимъ молодымъ юристамъ не приходится переучиваться въ судахъ, какъ равно не приходится держать въ судѣ новыхъ экзаменовъ. Существующій-же у насъ экзаменъ на старшаго кандидата имѣетъ совершенно специальное значеніе.

Да, говорятъ поклонники нѣмецкаго метода преподаванія, но не въ этомъ суть. Университетскіе курсы правовѣдѣнія, говорятъ они, чѣмъ сжатѣе, тѣмъ лучше. Но преимущество германскихъ юридическихъ факультетовъ заключается еще въ широкомъ развитіи системы практическихъ занятій въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: у нихъ есть и диспутаторіи, и конверсаторіи, и репетиторіи, и экзаменаторіи, и рефераты, и казуистика, и семинаріи. Поговариваютъ уже и о юридическихъ клиникахъ. (См. Deutsche Juristen-Zeitung, 1900, 21 и 1901, 3).

Но вѣдь и мы-же въ дѣлѣ постановки юридическихъ наукъ ученики Германіи; и мы все это отъ нихъ переняли, а кое-что и сами насадили; и у насъ всѣ эти виды практическихъ занятій въ большей или меньшей степени существуютъ, но только или безъ такихъ громкихъ названій, или съ наименованіями болѣе скромными. И у насъ по многимъ юридическимъ предметамъ, подѣ руководствомъ преподавателей, устраиваются научные споры (диспутаторіи), ведутся научныя собесѣдованія (конверсаторіи). Затѣмъ многіе профессора-юристы періодически или въ концѣ академическаго года спрашиваютъ студентовъ изъ пройденнаго и такимъ образомъ провѣряютъ, насколько предметъ ими усвоенъ (репетиторіи и экзаменаторіи). Далѣе, и у насъ студенты изустно докладываютъ свои письменныя сочиненія (рефераты), и у насъ во всѣхъ университетахъ практикуется рѣшеніе со студентами задачъ на примѣрные случаи изъ судебной практики (казуистика). Въ зачаточномъ состояніи у насъ только еще юридическія семинаріи, и то нѣкоторые изъ университетовъ уже кое-что сдѣлали и въ этомъ направленіи.

Какъ извѣстно, министерство народнаго просвѣщенія обратилось съ запросомъ въ нѣкоторые судебные округа о желательныхъ перемѣнахъ въ практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ. Судебные округа высказались: а) за письменныя занятія и устные рефераты, б) экзегетическое преподаваніе дѣйствующихъ законовъ и в) примѣрные суды. (Н. 1901 г. № 312).

Польза практическихъ занятій несомнѣнна. Она отражается прежде всего на усвоеніи пріемовъ научной работы и на лучшемъ знаніи предмета, а отчасти способствуетъ и сближенію преподавателя со студентами, хотя послѣднее должно не только сопутствовать, но и предшествовать занятіямъ. Только при наличности взаимнаго довѣрія студентовъ къ преподавателю и обратно, возможны оживленныя и цѣлесообразныя практическія занятія. Только при этомъ условіи не будетъ такъ называемыхъ пассивно-участвующихъ студентовъ, такъ

какъ каждый, не стѣсняясь, попросить преподавателя разъясненія по тому или другому интересующему его предмету. Только при этомъ условіи студентъ не будетъ бояться высказывать своихъ иногда не вполне точныхъ, но все-же близкихъ къ истинѣ, сужденій по тому или иному научному вопросу, не опасаясь строгой критики профессора или осужденія аудиторіи. Вотъ почему ошибочныя рѣшенія юридическихъ задачъ въ году, неправильное толкованіе кодекса и тому подобные недочеты на практическихъ занятіяхъ не должны смущать учащихся, вызывая въ нихъ лишь одно желаніе усовершенствоваться.

И въ настоящее время студенты-юристы посѣщаютъ практическія занятія весьма охотно, не требуя въ этомъ отношеніи никакихъ мѣръ искусственнаго понужденія или контроля. Единственнымъ раціональнымъ способомъ такого контроля посѣщенія занятій является знакомство профессора со своею аудиторіей или, по крайней мѣрѣ, знаніе фамилій своихъ студентовъ. Послѣднее, на первый взглядъ, несущественное обстоятельство способствуетъ даже болѣе дѣятельному участию всей аудиторіи въ практическихъ занятіяхъ, такъ какъ преподаватель, знающій своихъ студентовъ, можетъ въ самое непродолжительное время спросить по какому-нибудь вопросу цѣлый рядъ слушателей. Поэтому студентовъ пассивно-участвующихъ въ практическихъ занятіяхъ быть не должно, такъ какъ преподаватель, рѣшая судебный случай или обсуждая студенческій рефератъ, имѣетъ возможность спросить если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, очень многихъ изъ присутствующихъ въ аудиторіи; а въ двѣ-три недѣли по тому или другому вопросу онъ переспроситъ и всѣхъ.

Если мы уже совершенно не хотимъ стать самостоятельными и самобытными, и если намъ постоянно нужно подражаніе и заимствованіе, то слѣдуетъ взглянуть и на Францію, и на Англію и на Америку, а не на одну Германію.

Во Франціи, напримѣръ, преподаваніе права долгое время носило чисто теоретическій характеръ. Лишь за послѣд-

ніе 20 лѣтъ оно сдѣлалось болѣе практическимъ. Публичныя чтенія, игравшія прежде главную роль, нынѣ занимають лишь только часть дѣятельности профессоровъ: вторая-же ихъ забота состоитъ въ разнообразномъ видѣ занятій со студентами. Кромѣ того, рядомъ съ университетами или юридическими факультетами во Франціи возникаютъ спеціальныя юридическія практическія курсы и школы, которыя приняли на себя обязанность знакомить студентовъ-юристовъ съ практикой ихъ будущей профессіи. Такова, напр., *École pratique de droit de Bordeaux*. Студенты этой школы, подъ руководствомъ опытныхъ, лучшихъ юристовъ, посѣщаютъ суды, бюро и камеры и обязательно исполняютъ цѣлый рядъ письменныхъ работъ. Каждому студенту приходится ихъ исполнять, въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ школѣ, не менѣе 60 на темы, точно переименованныя въ программѣ. Сюда относится составленіе всевозможныхъ юридическихъ актовъ или дѣйствій (И. И. Янжуль, Ж. М. Н. П., 1901, 11).

По правиламъ 28 декабря 1880 года, на всѣхъ юридическихъ факультетахъ практическія занятія (*conférences*) ведутся такъ называемыми *agrégés* и имѣють предметомъ репетиціонное повтореніе курсовъ каждаго года, критическое изученіе авторовъ и судебныхъ рѣшеній и юридическую практику; каждая конференція обнимаетъ два упражненія, по крайней мѣрѣ по часу каждое. (*Décret du 28 décembre 1880: Les conférences, faites par les agrégés, ont pour objet la revision des cours de chaque année, l'étude critique des auteurs et des arrêts, la pratique du Droit; chaque conférence comprend deux séances par semaine, d'une heure au moins chacune*).

Въ Англіи, въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, каждый студентъ, поступившій въ одинъ изъ университетскихъ колледжей, можетъ посѣщать лекціи: 1) въ своемъ колледжѣ, 2) между-коллегіальныя и 3) университетскія. Коллегіальныя лекціи имѣють болѣе элементарный, такъ сказать, техническій характеръ, высшія-же части науки излагаются профессорами университета, а не колледжей, и между-коллегіальными профессорами. Студентъ при этомъ самъ выбираетъ профессоровъ и предметы, которые онъ желаетъ слушать. Студенты

занимаются подъ наблюдениемъ т. наз. тьюторовъ, которыхъ метафорически называютъ „coach“, т. е. извозчикъ, ибо тьюторъ „перевозитъ“ студентовъ на экзаменахъ. (Университеты Англіи, стр. 29 и сл.).

Само собою разумѣется, такой порядокъ едва-ли желателенъ въ Россіи. Превращеніе профессоровъ въ тьюторовъ, спрашивающихъ уроки, повело-бы только къ пониженію университетскаго преподаванія. Введеніе-же института тьюторовъ въ помощь профессорамъ не желательно потому, что тьюторы имѣютъ въ виду не столько науку, сколько экзаменаціонныя требованія отдѣльныхъ профессоровъ. „Особенная обязанность англійскаго тьютора и состоитъ въ томъ, чтобы знать спеціально тѣ отдѣлы, которые особенно важны для экзаменовъ, умѣть рѣшать задачи именно того сорта, которыя задаются на экзаменѣ и умѣть передать своимъ ученикамъ массу частныхъ пріемовъ, искусственныхъ мнемоническихъ правилъ и пр.“.

Въ Америкѣ, напримѣръ, въ старѣйшемъ Гарвардскомъ университетѣ преподаваніе безусловно живое, непосредственное, очень мало лекцій, гдѣ студенты пассивно записываютъ читаемое, но очень много комментаріевъ à livre ouvert, бесѣдъ и дебатовъ. Профессоръ является здѣсь не столько авторитетомъ, слова котораго принимаются безъ возраженія, сколько руководителемъ, направляющимъ работу студентовъ. По методу, американское преподаваніе отличается отъ европейскаго тѣмъ, что оно болѣе напоминаетъ гимназическое, чѣмъ университетское. По юридическимъ наукамъ, кромѣ того, въ большемъ ходу чтеніе подъ руководствомъ профессора въ классѣ судебныхъ дѣлъ, а также примѣрное сужденіе, гдѣ роли судей, адвокатовъ, свидѣтелей и т. п. распределены между студентами. Но главною особенностью американскихъ университетовъ является т. наз. избирательная система, согласно которой требуется изученіе предметовъ, лишь добровольно избранныхъ; система эта уничтожаетъ дилетантизмъ, и, вслѣдствіе строгаго надзора факультета, устраняетъ возможность неудачнаго выбора курсовъ: изучается только ограниченное число наукъ, но такъ, чтобы это изученіе было воз-

можно полно и всесторонне. (Заатлантическіе университеты, стр. 37, 65, 96).

Здѣсь, такимъ образомъ, есть чему и поучиться. Прежде всего очень полезнымъ является развитіе практическихъ занятій, въ формѣ комментаріевъ, бесѣдъ, дебатовъ, чтеній судебныхъ дѣлъ и примѣрныхъ судовъ. Затѣмъ, очень цѣлесообразнымъ является и малочисленность избираемыхъ предметовъ. Многочисленность наукъ на нашихъ юридическихъ факультетахъ сама собою подсказываетъ необходимость раздѣленія ихъ на опредѣленныя группы, хотя-бы напр. на три разряда или отдѣленія: 1) историко-юридическое, которое обнимало-бы исторію римскаго, русскаго, славянскаго и иностраннаго права, съ добавленіемъ специальныхъ курсовъ по русской и всеобщей исторіи, по археологіи и архивовѣдѣнію и элементарныхъ курсовъ по всѣмъ юридическимъ наукамъ; 2) политическое или административное, которое обнимало-бы государственное, международное, церковное, полицейское, финансовое право, философію права, политическую экономію и статистику, съ добавленіемъ энциклопедическихъ курсовъ по гражданскому и уголовному праву; 3) чисто-юридическое, которому останутся римское, гражданское, торговое, уголовное право и процессы, съ добавленіемъ энциклопедическихъ курсовъ по государственному и полицейскому праву. При такомъ дѣленіи факультета на отдѣленія облегчится и веденіе практическихъ занятій. Это тройственное дѣленіе на разряды, какъ увидимъ ниже, соотвѣтствуетъ и тремъ основнымъ формамъ практическихъ занятій — комментаторской (по историко-юридическимъ наукамъ), конваторской (по политическимъ наукамъ) и казуистической (по чисто-юридическимъ наукамъ).

Но практическія занятія по историческимъ, политическимъ и юридическимъ наукамъ никогда не могутъ устранить лекцій, подобно тому, какъ эксперименты по естественнымъ наукамъ не устранили и понынѣ живато слова въ этой области. Да и не безплодно-же было въ Россіи чтеніе юридическихъ лекцій въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ.

Если наши профессора-юристы пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, почти всѣ отдававшіе предпочтеніе лекціонной системѣ, могли гордиться тѣмъ, что они воспитали главныхъ дѣятелей начала судебной реформы, то и профессора-юристы послѣдующихъ годовъ могутъ гордиться тѣмъ, что ихъ ученики твердо и неуклонно проводили и проводятъ въ жизнь основныя положенія новаго судоустройства и судопроизводства и всегда стояли на высотѣ своего положенія.

Въ частности и профессора юридического факультета перваго Александровскаго университета въ Варшавѣ и профессора юридического отдѣленія Главной Школы большею частью придерживались исключительно лекціоннаго метода, а въ ряду ихъ были такія выдающіяся силы, какъ Бандтке, графъ Скарбекъ, Минасовичъ, Ромуальдъ Губе, Мацѣевскій и другіе¹⁾. Съ другой стороны, гдѣ это было возможно, лекціи, напримѣръ, римскаго права, имѣвшаго въ Главной Школѣ трехъ представителей П. П. Полея, В. Я. Оженцаго и Ю.

¹⁾ Первое высшее юридическое заведеніе открыто въ Варшавѣ въ 1808 году; это была юридическая школа съ присоединенной къ ней въ 1811 году школой административныхъ наукъ; въ системѣ преподаванія здѣсь руководились преимущественно порядками парижской школы права.

Въ 1818 году эта школа уступила мѣсто юридическому факультету Александровскаго Университета, каковой факультетъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: на отдѣленіи юридическихъ наукъ курсъ былъ трехлѣтній, на отдѣленіи административныхъ наукъ — двухлѣтній; для тѣхъ-же, кто проходилъ оба отдѣленія, курсъ продолжался четыре года.

Въ 1862 году учреждена была въ Варшавѣ Главная Школа. Здѣсь на юридическомъ отдѣленіи, на ряду съ лекціями, отмѣчаются и практическія занятія; такъ напримѣръ по римскому праву спеціально изучаются институты и пандекты, по гражданскому праву — кодексъ, судопроизводство, нотаріатъ и ипотека, съ практическими упражненіями и т. д.

См. И. П. Щелкова, очеркъ исторіи высшихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ до открытія Императорскаго Варшавскаго Университета, В., 1893.

М. Дыдынского, всегда дополнялись практическимъ разборомъ и толкованіемъ источниковъ. Что-же касается преобразованнаго изъ юрид. отд. Главной Школы юрид. факультета Варшавскаго Университета, то, какъ это видно изъ годовичныхъ отчетовъ „учебная дѣятельность студентовъ-юристовъ всегда усиливалась и контролировалась: во-первыхъ, дополнительными къ лекціямъ по нѣкоторымъ предметамъ экзегетическими упражненіями, толкованіемъ и разборомъ источниковъ русскаго и римскаго права и рѣшеніемъ со студентами задачъ на примѣрные случаи изъ судебной практики; во-вторыхъ, обязательными для всѣхъ студентовъ письменными курсовыми работами“. Этотъ порядокъ существуетъ на юрид. фак. В. У. уже болѣе 25 лѣтъ.

Чтеніе-же лекцій, по самому существу науки права, какъ науки живой и постоянно развивающейся, не можетъ быть монотоннымъ повтореніемъ изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ-же данныхъ. Если профессоръ имѣетъ свой печатный учебникъ или руководство, то тѣ отдѣлы науки, которыя представляются общепринятыми ея началами, онъ можетъ излагать кратче, чѣмъ въ учебникѣ, только лишь въ интересахъ системы. Наоборотъ, новѣйшія данныя науки, такъ сказать, вопросы дня, конечно, должны быть излагаемы значительно подробнѣе учебника, соотвѣтственно послѣднимъ выводамъ научныхъ изслѣдованій.

Конечно, все живое и жизнеспособное прогрессируетъ и видоизмѣняется къ лучшему; измѣняются и методы преподаванія. Постоянное сохраненіе одного и того-же способа отношенія къ дѣлу преподаванія вело-бы къ рутинѣ и къ омертвленію университетскаго дѣла. Прогрессъ вполнѣ естественъ, но едва-ли полезна искусственная ломка. Реформы хороши, если они не имѣютъ характера случайнаго новаторства. Разумная реформа согласуется съ прошлымъ, поснѣшное-же новаторство не оглядывается назадъ и потому нерѣдко остается безъ успѣха.

Нѣкоторые видятъ прогрессъ университетовъ въ необходимости будто-бы раздѣленія ихъ на отдѣльные институты и

спеціальныя школы, сообразно числу факультетовъ. Но, по самой своей идеѣ, университетъ не механическое собраніе спеціальныхъ школъ, готовящихъ специалистовъ, а единое органическое цѣлое, „Universitas litterarum“, служащая цѣлямъ чистой науки. Затѣмъ, и съ точки зрѣнія всеобщей исторіи университетовъ, предположеніе о томъ, что наши русскіе университеты слѣдуетъ преобразовать въ отдѣльныя спеціальныя заведенія или институты, является нѣсколько несвоевременнымъ; подобная передѣлка совершенно противорѣчила-бы тому, что дѣлается на Западѣ. На Западѣ, напримѣръ, во Франціи, именно теперь пришли къ совершенно обратной мысли о необходимости воссоединенія отдѣльныхъ факультетовъ и высшихъ школъ въ одно цѣлое, почему на мѣсто этихъ разрозненныхъ заведеній въ Парижѣ и былъ возстановленъ прежній университетъ.

Подобная ломка не будетъ прогрессомъ. Нужна реформа осмотрительная. Такая реформа сведется къ видоизмѣненію существующаго порядка преподаванія путемъ естественнымъ безъ искусственнаго и огульнаго разрушенія и отрицанія всего стараго. Теперь у насъ, сознаться надо, лекціи составляютъ предпочтительный способъ преподаванія права; практическія занятія по юридическимъ наукамъ имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Не такъ, конечно, должно быть. Истина, какъ всегда, по срединѣ. Практическимъ занятіямъ въ области юриспруденціи слѣдуетъ отвести мѣсто равносильное лекціямъ, не умаляя значенія ни тѣхъ, ни другихъ.

Такого порядка придерживаются теперь и на Западѣ — и въ Германіи и во Франціи. Во Франціи, напримѣръ, официально рекомендуется преподавателямъ юридическихъ наукъ имѣть, приблизительно, по каждому предмету въ недѣлю двѣ или три лекціи (*grands discours*) и два часа на практическія занятія (*conférences*). Въ Германіи, на ряду съ лекціями (*Vorlesungen*), существуютъ 1) особыя *practische Übungen* (*verbunden mit einem repetitorischen Examinatorium, sowie mit freien Vorträgen*) и 2) *wissenschaftliche Übungen in Seminar* (*Leitung wissenschaftlicher Arbeiten*). Въ Америкѣ-же юриди-

ческія лекціи прямо дополняются спрашиваніемъ уроковъ и изученіемъ судебной практики.

Но мы были-бы далеко не правы, если-бы сказали, что на необходимость практическихъ занятій не было официально обращаемо вниманіе у насъ въ Россіи. Наоборотъ, въ ряду официально утвержденныхъ „экзаменаціонныхъ требованій, коимъ должны удовлетворять испытуемые въ комиссіи юридической“ (1885 г.) прямо указано между прочимъ на необходимость пракческаго изученія права. Здѣсь напр. категорически говорится слѣдующее: „По римскому праву требуется умѣнье прилагать теоретическія познанія къ рѣшенію не особенно затруднительныхъ практическихъ случаевъ и непосредственное знакомство, чрезъ изученіе въ подлинникъ, съ важнѣйшими источниками римскаго права. По исторіи русскаго права требуется подробное изученіе древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права, опытность въ экзегезѣ ихъ текстовъ, и начитанность въ древнихъ юридическихъ актахъ. По гражданскому праву требуется начитанность въ русскомъ гражданскомъ кодексѣ и опытность въ экзегезѣ и герменевтикѣ его постановленій. По уголовному праву требуется умѣнье отчетливо опредѣлять составъ отдѣльныхъ преступленій по русскому законодательству и экзегетически относиться къ его постановленіямъ“¹⁾. Отдѣльные-же случаи поощренія практическихъ занятій встрѣчаются и ранѣе. Такъ напр. Министерскимъ распоряженіемъ, 25 января 1862 г., разрѣшено было въ Университетѣ Св. Владиміра поручить постороннему лицу, по избранію совѣта, упражнять студентовъ въ юридической практикѣ по дѣламъ административнымъ и уголовнымъ.

¹⁾ Все это и практиковалось въ нашихъ Университетахъ, стоить просмотрѣть „Обозрѣнія преподаванія“ въ различныхъ Университетахъ. Я имѣю подъ рукою „Обозрѣніе преподаванія въ С.-Петербургскомъ Университетѣ“ изд. 1891 г. И здѣсь уже отмѣченъ цѣлый рядъ практическихъ занятій, каковы были: чтеніе и объясненіе избранныхъ титуловъ и мѣстъ изъ *Corpus juris civilis*, разборъ законодательныхъ и административныхъ памятниковъ русскихъ и иностранныхъ, практическія занятія по сельско-хозяйственной экономіи и т. п.

Еще ранѣ велись практическія занятія Неволинымъ и Бунге. Въ Казанскомъ университетѣ, еще во времена Мейера, студенты-юристы равнымъ образомъ обучались юридической практикѣ по 7 часовъ въ недѣлю. Въ Училищѣ Правовѣдѣнія также издавна преподавалась практика гражданского и уголовного судопроизводства, и преподавалась выдающимися юристами-практиками, каковы, напр. И. И. Стояновскій, В. В. Фришъ, А. О. Кони, В. К. Случевскій, В. В. Самарскій и друг. Кроме того слушатели Училища Правовѣдѣнія обязаны представлять письменныя работы по указанью профессоровъ въ той формѣ, какая признается наиболѣе удобною каждымъ профессоромъ въ отдѣльности¹⁾. Наконецъ, независимо письменныхъ работъ, въ Училищѣ издавна существуютъ еще т. наз. репетиціи.

Разнообразные виды пракческаго ознакомленія съ основными предметами юридическихъ наукъ въ обширномъ смыслѣ могутъ быть сведены въ три большія группы:

- А. Занятія спеціально-ученаго характера,
- Б. Занятія канцелярскаго характера и
- В. Занятія научно-практическія въ узкомъ смыслѣ.

Разсмотримъ вкратцѣ всѣ эти три формы пракческаго ознакомленія съ юриспруденціею, насколько они приняты у насъ въ дѣйствительной жизни.

¹⁾ По правиламъ 1891 года, „Обязательныя письменныя работы въ Училищѣ Правовѣдѣнія представляются: воспитанниками III класса—одна по римскому праву и другая по исторіи русскаго права; воспитанниками II класса—одна по римскому праву, обязательная для всѣхъ, и другая—по уголовному или гражданскому праву, по выбору воспитанниковъ, съ тѣмъ, чтобы половина ихъ избирала тему по одному, а другая по другому предмету; воспитанниками I класса—въ первомъ полугодіи одна работа по уголовному или гражданскому праву, по выбору, но съ тѣмъ, чтобы писавшіе во II классѣ по гражданскому праву представляли работы по уголовному праву, и наоборотъ, во второмъ полугодіи—одна работа по уголовному или гражданскому судопроизводству“.

А. Занятія спеціально-ученаго характера.

Спеціально-ученыя или (для краткости назовемъ условно) *семинарскія занятія*, въ видѣ самостоятельной научной работы и спеціальныхъ изслѣдованій подъ руководствомъ профессора, находятся у насъ, какъ мы сказали, еще въ зачаточномъ состояннн и, по существу своему, являются не учебными занятіями учениковъ, и скорѣе учеными занятіями начинающихъ ученыхъ.

Они, по самому ихъ характеру, представляются не способомъ практическаго ознакомленія съ различными сторонами той или другой дисциплины, а совершенно самостоятельной работою научнаго творчества. Семинарскія занятія не являются вовсе методомъ преподаванія, а научаютъ лишь методамъ самостоятельнаго изслѣдованія.

Вслѣдствіе такого ихъ характера, чисто ученаго, а не учебнаго, они и не могутъ быть обязательны для всей массы университетскихъ слушателей. Это — лишь удѣлъ избранныхъ. Поэтому мы на нихъ подробно останавливаться и не будемъ, а, въ видѣ примѣра, скажемъ два слова объ одной изъ германскихъ юридическихъ семинарій, именно, о семинаріи Галльской, въ которой я лично нѣкоторое время занимался.

Семинарія въ Галле имѣла цѣлю практическое изученіе науки уголовного права; составъ ея членовъ — студенты высшихъ семестровъ и референдаріи. Семинарія въ 1893 году занимала довольно большое помѣщеніе отдѣльное отъ Университета и совершенно самостоятельное во всѣхъ отношеніяхъ; оно состояло изъ пяти комнатъ: аудиторіи, читальни, бібліотеки и двухъ кабинетовъ — профессора и его ассистента. Аудиторія была разсчитана на сравнительно небольшое число слушателей, примѣрно, не болѣе пятидесяти. Въ читальной комнатѣ находилось множество юридическихъ журналовъ и современныхъ изданій, выписываемыхъ Семинаріей. Библіотека представляла богатое собраніе книгъ по уголовному праву и по другимъ отраслямъ юриспруденціи, и на дальнѣйшее пополненіе ея прусское правительство отпускало ежегодныя по-

собія. Книги на домъ не давались, но всѣ занимавшіеся въ семинаріи получали свой собственный ключъ, и, посѣщая библіотеку, могли пользоваться всѣми руководствами, сборниками, монографіями и т. п., ставя ихъ по прочтеніи на прежнее мѣсто.

Главнымъ и единственнымъ условіемъ процвѣтанія этой семинаріи было ея самостоятельное и во всѣхъ отношеніяхъ независимое существованіе, а равно и наличность особаго лица, которому ввѣрено было общее наблюденіе за преподаваніемъ и занятіями въ Семинаріи. Затѣмъ благопріятные результаты занятій въ Семинаріи и дальнѣйшіе успѣхи ея питомцевъ объясняются отчасти и ея сравнительною немногочисленностью. Тридцать, сорокъ слушателей представляли ея нормальный составъ. При такихъ условіяхъ профессоръ имѣлъ возможность ближе ознакомиться со способностями и развитіемъ своихъ учениковъ, слѣдить за ихъ занятіями, пополнять пробѣлы ихъ познаній и руководить ихъ первыми самостоятельными работами.

Эти два обстоятельства составляли характерную черту, отличающую практическія занятія Галльской Семинаріи отъ подобныхъ-же занятій, которыя велись въ другихъ германскихъ университетахъ. Такъ, напр., въ Берлинѣ и Лейпцигѣ вовсе не существуетъ особыхъ уголовныхъ семинарій, отдѣльных отъ юридическихъ семинарій вообще; послѣднія-же представляютъ весьма небольшія помѣщенія въ самихъ Университетахъ, съ очень бѣдными библіотеками. Практическія занятія ведутся въ аудиторіяхъ, вмѣщающихъ болѣе двухсотъ слушателей—обстоятельство, исключающее всякую возможность для профессора ближе познакомиться съ познаніями и способностями слушателей. Профессоръ здѣсь по необходимости долженъ, вмѣсто метода семинарскихъ занятій, вести простое преподаваніе съ кафедръ, лично разъясняя поставленные вопросы своей громадной аудиторіи ¹⁾).

¹⁾ Въ Германскихъ университетахъ существуютъ для юридическихъ факультетовъ слѣдующаго рода семинаріи и подобныя имъ учрежденія: *Въ Берлинѣ*: Juristisches Seminar für römisches und kanoni-

Въ Россіи значеніе семинарскаго метода признано уже съ давняго времени. Этому вопросу посвящено много прекрасныхъ статей въ повременныхъ изданіяхъ и журналахъ. Но самостоятельныхъ юридическихъ семинарій у насъ почти не возникало. То-же надо сказать и объ университетѣ Варшавскомъ и о б. Главной Школѣ; въ послѣдней для филологовъ существовала особая педагогическая семинарія, но юридической семинаріи также не было.

Б. Занятія канцелярскаго харантера.

Канцелярскія занятія, каковы, напримѣръ, составленіе дѣловыхъ бумагъ, актовъ, постановленій, протоколовъ и т. п.,

sches Recht, Seminar für deutsches Recht, Staatswissenschaftlich-statistisches Seminar; въ *Боннѣ*: Juristisches Seminar, Staatswissenschaftliches Seminar; въ *Бреславль*: Juristisches Seminar, Staatswissenschaftlich-statistisches Seminar; въ *Эрлангенѣ*: Preisinstitut der Jurist. Fakultät, Staatswissenschaftliches Seminar; въ *Фрейбургѣ*: Juristisches Seminar, Kameralistisches Seminar; въ *Гиссенѣ*: Juristisches Seminar, Landw.-Institut, Statistisches Institut; въ *Гёттингенѣ*: Diplomatischer Apparat; въ *Грейфсвальдѣ*: Juristisches Seminar; въ *Галле*: Juristisches Seminar, Kriminalistisches Seminar, Seminar für Staatswissenschaften; въ *Гейдельбергѣ*: Juristisches Seminar, Staatswissenschaftliches Seminar; въ *Иенѣ*: Seminarien der Juristischen Fakultät, Staatswissenschaftliches Seminar; въ *Килѣ*: Juristisches Seminar, Institut für Staatsarzneikunde; въ *Кёнигсбергѣ*: Juristisches Seminar, Staatswissenschaftliches Seminar; въ *Лейпцигѣ*: Juristisches Seminar, Staatswissenschaftliches Seminar, Volkswirtschaftlich-Statistisches Seminar; въ *Марбургѣ*: Juristisches Seminar; въ *Мюнхенѣ*: Juristisches Seminar, Staatswirtschaftliches Seminar; въ *Постолѣ*: Juristische Seminar-Bibliothek; въ *Страсбургѣ*: Juristisches Seminar, Staatswissenschaftliches Seminar; въ *Тюбингенѣ*: Juristisches Seminar, Staatswissenschaftliches Seminar; въ *Вюрцбургѣ* особыхъ семинарій не имѣется.

Итого въ Германіи существуютъ: обще-юридическихъ семинарій 15, семинарій государственныхъ наукъ 9, семинарій государственныхъ наукъ и статистики 2, семинарій экономическихъ, статистическихъ и камеральныхъ 3, семинарія римскаго и каноническаго права 1, семинарія нѣмецкаго права 1, семинарія уголовного права 1, Diplomatischer Apparat 1.

конечно, уже не дѣло университета, а дѣло соотвѣтствующихъ канцелярій и присутственныхъ мѣстъ, гдѣ эта рутина усваивается сравнительно въ очень непродолжительное время.

Но съ другой стороны, если занятія канцелярскаго характера не должны входить въ общій составъ университетскихъ практическихъ занятій, то во всякомъ случаѣ преподаватели не должны внушать своимъ слушателямъ какого-либо пренебреженія къ этой сторонѣ судебной дѣятельности. Наоборотъ, молодые, начинающіе юристы, кромѣ основательнаго знанія теоріи, не должны пренебрегать и различными практическими требованіями службы и дисциплины. Эти условія имѣютъ особенно серьезное значеніе въ отношеніи лицъ, призванныхъ къ тяжелой и трудной работѣ предварительнаго слѣдствія. А между тѣмъ многіе, часто талантливые молодые люди, со школьной скамьи вступая въ слѣдственную камеру, иногда воображаютъ себя, что дѣятельность слѣдователя—дѣятельность, такъ сказать, артистическая, свободная, не подчиненная никакимъ требованіямъ формализма и дисциплины. Составивъ себѣ такое представленіе о службѣ, какъ о свободномъ искусствѣ, трудно, конечно, дисциплинировать себя, въ смыслѣ пріученія себя къ служебной аккуратности. И вотъ, на первыхъ же порахъ служебной дѣятельности, такіа лица, пріобрѣтая репутацію людей не дѣловитыхъ и не аккуратныхъ, часто готовы разочароваться въ значеніи службы, видя въ ея требованіяхъ какъ бы нѣкоторое противорѣчіе требованіямъ науки.

Но, конечно, такіа разсужденія были бы слишкомъ поверхностны. Наука права prepares юристовъ для служенія обществу, практика же даетъ матеріалъ для науки. И какъ въ наукѣ самую существенную роль играетъ извѣстное дисциплинированіе мысли, такъ и въ судебной службѣ серьезное значеніе имѣетъ дисциплина дѣятельности. Аккуратная явка въ камеру, чтобы не задерживать понапрасну свидѣтелей и другихъ лицъ; аккуратный почеркъ при вписываніи бумагъ, при записываніи показаній, а тѣмъ болѣе при составленіи постановленій; аккуратная подшивка всѣхъ относящихся къ данному дѣлу бумагъ—всѣ эти, на первый взглядъ, мелочныя

требованія оказываютъ самое благотворное вліяніе на выработку служебной исполнительности. Было неоднократно замѣчено весьма опытными чинами прокуратуры и суда, что служебная аккуратность тѣхъ или другихъ лицъ всегда бываетъ залогомъ того, что лица эти въ будущемъ окажутся наиболѣе полезными и дѣльными работниками.

Правильное веденіе настольнаго реестра, правильное записываніе входящихъ и исходящихъ бумагъ, внимательное отношеніе къ дѣлу статистическихъ записей—все это составляетъ ту необходимую основу, безъ которой не только не возможна регистрація уголовныхъ дѣлъ, но даже затруднительна провѣрка тѣхъ или другихъ данныхъ въ интересахъ самаго правосудія. Но всему этому молодой юристъ научится не въ университетѣ, какъ учрежденіи учено-учебномъ, а въ соответствующихъ камерахъ и канцеляріяхъ среди дѣйствительной жизни.

В. Занятія научно-практическія въ узкомъ смыслѣ.

Практическія занятія этого рода, занимая какъ бы среднее мѣсто между занятіями семинарскими и канцелярскими, и составляютъ главное и необходимое подспорье лекціоннаго метода преподаванія. Не входя въ критическую оцѣнку того или другого способа, не бесполезно представить хотя краткое описаніе существующихъ видовъ практическихъ упражненій по различнымъ отраслямъ правовѣдѣнія. Упражненія эти могутъ быть крайне разнохарактерны, что въ высшей степени полезно для дѣла по слѣдующимъ соображеніямъ.

Чтобы поддержать научный интересъ у учащихся къ практическимъ занятіямъ, не утомляя ихъ однообразіемъ какого-либо одного изъ дня въ день принятаго метода, весьма полезно употреблять различные способы практическихъ упражненій. Это необходимо и по существу дѣла, такъ какъ это обуславливается не только чисто-психологическими требованіями (невозможность рассчитывать на безпредѣльность вниманія), но и требованіями педагогическими (необходимость дать слушате-

лямъ разностороннее, а не одностороннее юридическое развитие).

Въ этихъ видахъ практическія занятія, сообразно свойству каждой научной дисциплины и потребностямъ данной аудитории (большая или меньшая ея подготовленность), могутъ принимать самыя разнообразныя формы, что отражается самымъ благотворнымъ образомъ, несомнѣнно поддерживая болѣе шій научный интересъ и внося неподдѣльное оживленіе въ самыя упражненія.

Именно, практическія занятія по различнымъ юридическимъ наукамъ, могутъ имѣть, на примѣръ, слѣдующія формы:

- I. Объясненіе источниковъ права.
- II. Толкованіе и разборъ дѣйствующихъ кодексовъ.
- III. Рѣшеніе со студентами задачъ на примѣрные случаи изъ судебной практики.
- IV. Реферированіе студентами ихъ научныхъ работъ.
- V. Диспутаторіи и конверсаторіи со студентами по научнымъ вопросамъ.
- VI. Репетиціи изъ пройденнаго.
- VII. Практическій разборъ дѣлъ, съ распредѣленіемъ между слушателями главныхъ процессуальныхъ ролей.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ видовъ занятій, которыя въ ихъ совокупности могутъ представлять весьма законченное цѣлое.

I. Объясненіе источниковъ права.

Объясненіе источниковъ права имѣетъ мѣсто, конечно, по предметамъ, историко-юридическимъ, каковыми у насъ являются исторія римскаго права, исторія русскаго права и исторія славянскихъ законодательствъ въ связи съ исторіей западноевропейскаго права вообще. Занятія эти, въ формѣ толкованія, комментированія и разбора древнихъ законодательныхъ памятниковъ, существуютъ искони на всѣхъ нашихъ юридическихъ факультетахъ и не требуютъ никакихъ разъ-

ясненій ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ же спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ они занимали даже совершенно самостоятельное мѣсто; такой порядокъ былъ, напримѣръ, въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ съ 1865 года чтеніе и толкованіе источниковъ римскаго права было выдѣлено въ совершенно особый предметъ.

II. Толкованіе и разборъ дѣйствующихъ кодексовъ.

Толкованіе дѣйствующаго законодательства со стороны преподавателей, на первый взглядъ, можетъ показаться излишнимъ при практическихъ занятіяхъ, потому что таковое должно составлять предметъ общаго университетскаго преподаванія; но дѣло въ томъ, что, толкуя отдѣльныя постановленія положительнаго права, профессоръ вызываетъ самодѣятельность своихъ слушателей, задавая имъ различные вопросы по поводу тѣхъ или другихъ статей закона, или предлагая имъ привести примѣры на соотвѣтствующіе параграфы кодекса, что приучаетъ студентовъ къ способности самостоятельнаго обоснованія различныхъ юридическихъ конструкцій. Для этой цѣли студентамъ предлагается изучить къ назначенному дню тотъ или другой отдѣлъ кодекса, по возможности, съ разъясненіями статей закона судебною практикою. Студенты могутъ дѣлать свои доклады по этому предмету изустно или письменно, причемъ необходимыя толкованія, разъясненія и сопоставленія даются преподавателемъ или предоставляются на обсужденіе остальной аудиторіи.

¹⁾ Для облегченія этой цѣли, какъ извѣстно, издавна служатъ, особыя христоматіи и сборники историческихъ памятниковъ. Таковы напримѣръ, христоматіи *Утина* и *Лазаревскаго* или *Владимірскаго-Буданова* по русскому праву, „Сборникъ отрывковъ изъ Дигестъ“ *Дядьинскаго* по римскому праву, „Ordo judicii terrae“ *Зигеля* по славянскому праву и т. п.

III. Рѣшеніе со студентами задачъ на примѣрные случаи изъ судебной практики.

Въ этомъ отношеніи могутъ быть примѣняемы, главнымъ образомъ, два слѣдующихъ приема: приемъ письменныхъ рѣшеній и приемъ устныхъ рѣшеній.

а) Приемъ письменныхъ рѣшеній.

Этотъ приемъ практикуется, на примѣръ, въ германскихъ университетахъ. Сочиненія на примѣрные случаи, изъ специальныхъ сборниковъ ¹⁾, являются наиболѣе характерною особенностью и главною задачею большинства германскихъ юрид. факультетовъ, преслѣдующихъ юридическое развитіе будущихъ судебныхъ практиковъ до такой степени, чтобы они не затруднялись при разрѣшеніи любого встрѣтившагося въ жизни случая. Задачи, заданныя изъ сборника, представляются черезъ недѣлю, прочитываются профессоромъ и на слѣдующей недѣлѣ возвращаются студентамъ съ указаніемъ ихъ ошибокъ и неточностей. Нельзя не отмѣтить при этомъ нѣкоторой очень симпатичной подробности: авторы неудовлетворительныхъ работъ не называются; авторы же лучшихъ работъ, наоборотъ, всегда приглашаются разъяснить на словахъ высказанные въ ихъ работахъ взгляды. Разборъ сочиненій и бесѣда съ прочими слушателями, принимающими дѣятельное участіе въ разрѣшеніи намѣченныхъ вопросовъ, придаютъ занятіямъ истинно-учебный характеръ, преслѣдующій цѣли научнаго саморазвитія. Такого рода занятія происходятъ одинъ разъ въ недѣлю.

¹⁾ Таковъ, на примѣръ, сборникъ юридическихъ задачъ *Dochow'a* „Strafrechtsfälle zum akademischen Gebrauch“; *Ihering'a* „Казусы гражданского права безъ рѣшеній“, „Юриспруденція обыденной жизни р. п.“ и друг.

Подобные задачки существуютъ и у насъ; таковы труды *Н. Д. Сертневскаго* „Казуистика, сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву“; *В. К. Случевскаго* „уголовно-процессуальная казуистика, пособіе для лекцій и экзаменовъ“, *К. П. Пободоносцева*, „Вопросы и задачи“ въ курсѣ гражданского права.

б) Приемъ устныхъ рѣшеній.

При этомъ порядкѣ студентамъ предлагаются для рѣшенія примѣрные случаи изъ судебной практики—по старымъ дѣламъ или также по спеціальнымъ сборникамъ задачъ. Прочитывается тотъ или другой примѣръ и рѣшеніе его предоставляется студентамъ подъ руководствомъ преподавателя, причемъ указываются и разсматриваются всѣ относящіеся къ данному случаю статьи закона. Такой приемъ устныхъ рѣшеній можно считать болѣе цѣлесообразнымъ, имѣя въ виду болѣе оживленіе научныхъ занятій. При письменныхъ рѣшеніяхъ на все время практическихъ занятій (часъ или два) вниманіе студентовъ должно сосредоточиваться на одномъ какомъ-нибудь случаѣ, который въ концѣ концовъ только утомитъ ихъ вниманіе. Между тѣмъ, при условіи устныхъ рѣшеній, въ одинъ часъ можно рѣшить цѣлый рядъ краткихъ задачъ, что вызываетъ постоянный интересъ у студентовъ, охотно ожидающихъ постоянно новыхъ юридическихъ комбинацій и приучающихся такимъ образомъ къ нѣкоторой юридической гимнастикѣ, т. е. къ умѣнью болѣе или менѣе быстро ориентироваться и понимать разнообразныя юридическіе казусы.

IV. Реферированіе студентами ихъ научныхъ работъ.

Рефераты и болѣе или менѣе самостоятельныя сочиненія могутъ быть представляемы студентами какъ по теоретическимъ, такъ и по практическимъ вопросамъ права, на примѣръ по поводу новыхъ законоположеній, по поводу толкованій судебной практики и т. п. По прочтеніи этихъ работъ преподавателемъ таковыя съ необходимыми помѣтками возвращаются авторамъ для устнаго реферированія ихъ въ аудиторіи; при этомъ на данный часъ (или два) практическихъ занятій удобнѣе подбирать работы на ту же или однородную тему. Весьма полезно, если и прочіе студенты подготовятся по этой же темѣ. Студентъ-докладчикъ долженъ въ самомъ сжатомъ видѣ изложить содержаніе своей работы, причемъ болѣе спорныя мѣста ея разъясняются профессоромъ или отдаются на обсужденіе

другихъ студентовъ, вызывая иногда весьма оживленный обменъ мыслей и порождая въ высшей степени интересные дебаты, заставляющіе референта быть на-готовѣ противъ возможныхъ нападеній, и приучающіе начинающихъ юристовъ обстоятельно и ясно излагать свои мысли и мнѣнія.

V. Диспуторіи и конверсаторіи со студентами.

Диспуты по научнымъ вопросамъ могутъ или сопровождать реферированіе студентами ихъ работъ, или же могутъ имѣть и самостоятельное значеніе. Иногда даже совершенно философскія темы, специально поставленныя для диспута, вызываютъ самые живые дебаты. Тѣмъ болѣе подобныя диспутированія студентовъ между собою, подъ ближайшимъ руководствомъ преподавателя, полезны въ примѣненіи къ чисто-юридическимъ вопросамъ. Что-же касается конверсаторій, то многіе считаютъ ихъ даже основнымъ способомъ преподаванія, при такъ называемыхъ лекціяхъ-бесѣдахъ или лекціяхъ съ бесѣдованіями. Такого рода способъ обученія рекомендовалъ въ свое время Пироговъ; тотъ-же методъ указываетъ нынѣ и проф. Г. Ф. Симоненко, въ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ текущемъ году, а затѣмъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ о возрожденіи нашихъ университетовъ. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ проф. Симоненко, что такой способъ преподаванія потребуетъ отъ преподавателей болѣе солидной научной подготовки, чѣмъ какая необходима для составленія лекцій, чтенія которыхъ никто изъ слушателей не въ правѣ прерывать своими вопросами и просьбами о разъясненіи возбуждаемыхъ ими недоразумѣній. Содержаніе профессорскихъ лекцій несомнѣнно сдѣлается болѣе яснымъ и продуманнымъ для самого преподавателя. Иначе умѣло поставленный кѣмъ-либо изъ студентовъ вопросъ, при обладаніи, хотя-бы нѣкоторыми изъ нихъ, хорошими диалектическими способностями, можетъ легко привести въ смущеніе неопытнаго преподавателя и подорвать его авторитетъ. При такомъ способѣ преподаванія потребуется со стороны профессора не одна только обширная эрудиція, но и умѣнье

вполнѣ владѣть словомъ, находчивость и хорошія діалектическія способности“.

VI. Репетиції изъ пройденнаго.

Репетиції изъ пройденнаго, по моему мнѣнію, могутъ вестись лишь по прочтеніи полнаго курса наукъ, т. е. лишь въ самомъ концѣ академическаго года; въ такомъ случаѣ онѣ являются если не чисто „практическими занятіями“, то весьма существеннымъ практическимъ подспорьемъ для студентовъ въ качествѣ ближайшей подготовки къ экзамену. Еще въ 1876 году Карсевичъ указывалъ, что для правильнаго преподаванія науки права необходимо существованіе слѣдующихъ условій: „а) посѣщеніе лекцій и записываніе ихъ; б) практическія упражненія, т. е. чтеніе источниковъ и литературы, письменныя сочиненія, устные рефераты и рѣшенія примѣрныхъ казусовъ; в) *репетиторіи*: въ акроаматической формѣ, т. е. производимыя самимъ профессоромъ; въ катехизической формѣ, т. е. экзаменаторіи; и въ конверзаторской формѣ, т. е. диспутаторіи“. Но репетированіе изо дня въ день едва-ли можетъ способствовать систематическому усвоенію науки, такъ какъ университетское преподаваніе должно дать стройное и цѣлостное изложеніе предмета. Поэтому въ нѣкоторыхъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ репетиції производятся лишь разъ въ годъ, въ концѣ перваго полугодія; такой порядокъ принять, на примѣръ, въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія¹⁾. Обыкновенно курсы рассчитываются такимъ образомъ, чтобы въ первомъ полугодіи прочесть какую-либо вполнѣ законченную часть науки, представляющую изъ себя самостоятельное цѣлое, а во второмъ полугодіи — все остальное. Поэтому и при подобныхъ полугодовыхъ репетиціяхъ, въ концѣ перваго по-

¹⁾ Такимъ образомъ, въ Училищѣ Правовѣдѣнія провѣрка свѣдѣній, въ формѣ репетицій и экзаменовъ, по всемъ предметамъ происходитъ по два раза, а по римскому, гражданскому и уголовному праву, которыя преподаются въ теченіе двухъ лѣтъ, — по четыре раза.

лугодія, производится вполнѣ систематическая провѣрка знаній по цѣлому отдѣлу прочитаннаго курса, а не случайное спрашиваніе изъ прослушанныхъ за недѣлю отрывочныхъ лекцій. Тѣмъ болѣе такія репетиціи или экзаменаторіи цѣлесообразны въ концѣ втораго полугодія, т. е. при самомъ окончаніи академическаго года, когда пройденъ весь курсъ данной науки.

VII. Практическій разборъ судебныхъ дѣлъ.

Затѣмъ нѣкоторымъ подспорьемъ въ занятіяхъ на старшихъ курсахъ считается иногда также и практическій разборъ дѣлъ, съ распредѣленіемъ между слушателями главныхъ процессуальныхъ ролей. Путемъ такихъ упражненій имѣется въ виду ближайшимъ образомъ ознакомить студентовъ съ практической стороною процесса и съ самымъ порядкомъ судоустройства.

Таковъ вкратцѣ характеръ различнаго рода практическихъ занятій, принятыхъ въ той или иной формѣ, какъ существенное дополненіе къ лекціонной системѣ. Но самая лекціонная система ни коимъ образомъ не можетъ быть устранена или замѣнена одними только практическими занятіями по слѣдующимъ соображеніямъ. Практическія занятія, напримѣръ, въ формѣ толкованія кодексовъ знакомятъ лишь съ положительнымъ правомъ, но не могутъ познакомить со всею системою науки. Практическія занятія въ формѣ рѣшенія задачъ даютъ лишь отрывочныя понятія не только о наукѣ, но и о положительномъ правѣ. Практическія занятія въ формѣ студенческихъ рефератовъ тѣмъ болѣе не могутъ замѣнить, конечно, профессорскихъ лекцій и т. д.

„Лекціи, какъ справедливо отмѣтилъ это въ свое время одинъ изъ нашихъ выдающихся юристовъ, замѣняютъ цѣлый рядъ учебниковъ и пособій и, по своей словесной формѣ, скорѣе способны пробудить вниманіе и возбудить интересъ“. Онѣ и должны быть основнымъ способомъ преподаванія, который, однако, весьма полезно сопровождать практическими упражненіями въ формахъ, принятыхъ и у насъ, и на Западѣ.

Наконецъ, подспорьемъ при преподаваніи нѣкоторыхъ дисциплинъ является и посѣщеніе со студентами судовъ, тюремъ, исправительныхъ пріютовъ и колоній и т. п. Такъ, напримѣръ, въ свое время студенты-юристы послѣдняго курса Варшавскаго Университета посѣщали со мною тюрьмы слѣдственную и уголовную для болѣе близкаго и нагляднаго ознакомленія съ устройствомъ мѣстъ заключенія, а затѣмъ имъ были показываемы въ камерахъ судебныхъ слѣдователей различные приемы производства предварительнаго слѣдствія, а въ канцеляріи прокурора палаты была осмотрѣна коллекція хранящихся тамъ вещественныхъ доказательствъ по уголовнымъ дѣламъ.

Такія практическія занятія со студентами въ самыхъ мѣстахъ заключенія и въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, безспорно, могутъ имѣть полный успѣхъ лишь при заранѣе выработанной программѣ и при живомъ участіи чиновъ судебного вѣдомства и администраціи. Въ припоминаемыхъ мною случаяхъ намѣченные программы занятій могли быть выполнены удачно, именно, благодаря живому участію представителей суда и администраціи — благодаря разрѣшенію и содѣйствію прокурора судебной палаты, губернскаго тюремнаго инспектора, чиновъ прокуратуры и судебныхъ слѣдователей. (Ср. В. Д. 1896 г. № 101: Практическія занятія студентовъ-юристовъ).

Точно также недавняя поѣздка наша со студентами, для осмотра Студзенецкой исправительной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, могла считаться удачной, исключительно благодаря тому предупредительному содѣйствію, которое оказала экскурсантамъ мѣстная администрація, въ лицѣ предсѣдателя правленія общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, директора Студзенецкой колоніи и мѣстнаго персонала служащихъ въ Студзенцѣ. (Ср. В. Д. 1901 г. №№ 280 и 281).

Вотъ наиболѣе существенныя принятія у насъ формы и способы преподаванія права. Если на нашихъ юридическихъ факультетахъ требуются какія-либо реформы, то развѣ только въ смыслѣ нѣкотораго усиленія существующихъ уже практическихъ занятій.

Но и для такой, повидимому, скромной реформы нужны прежде всего средства, средства и средства. Для правильной постановки преподаванія юридическихъ наукъ и для обезпеченія наилучшаго успѣха практическихъ занятій по нимъ, какъ это уже указывалось неоднократно, 1) нужно увеличить количество штатныхъ преподавателей, нынѣ вообще крайне немногочисленное; 2) нужно увеличить суммы, отпускаемыя на выпускъ книгъ и другихъ научныхъ пособій для фундаментальныхъ, для студентскихъ и для семинарскихъ библіотекъ; 3) нужно дать юридическимъ факультетамъ и особымъ помѣщенія для юридическихъ семинарій, специальныхъ семинарскихъ библіотекъ, юридическихъ кабинетовъ и т. п. ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя изъ нашихъ университетовъ уже и теперь имѣютъ такого рода кабинеты. Такъ, напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ Университетѣ существуютъ кабинеты юридическій, статистическій, политико-экономическій и кабинетъ уголовного права. Послѣдній изъ нихъ обязанъ своимъ возникновеніемъ совершенно исключительнымъ условіямъ: „Въ іюнѣ 1890 года при С.-Петербургскомъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ организована была пенитенціарная выставка. По закрытіи ея, многіе бывшіе на ней предметы пожертвованы русскому правительству, и поступили въ распоряженіе Главнаго Тюремнаго Управленія. Имѣя въ виду огромную важность этихъ предметовъ для изученія тюремовѣдѣнія, проф. Фойницкій вошелъ 17 декабря 1890 г. съ представленіемъ въ Юридическій Факультетъ о томъ, чтобы эта богатая коллекція была приобрѣтена Университетомъ и положила бы начало для Кабинета Уголовнаго Права, устройство котораго весьма желательно въ учебномъ отношеніи“. Результатомъ факультетскаго ходатайства была передача этой коллекціи СПб. Университету. (См. очень интересный „Каталогъ Кабинета уголовного права при И. П. У.“, предисловіе И. Я. Фойницкаго).

Заключеніе.

Выводы, къ которымъ мы такимъ образомъ приходимъ, опредѣляются сами собою:

I. Лекціонный методъ, будучи основнымъ способомъ преподаванія права, долженъ быть въ болѣе широкомъ размѣрѣ дополненъ практическими занятіями.

II. Этимъ практическимъ занятіямъ слѣдуетъ отвести мѣсто равносильное лекціямъ, не умаляя значенія ни тѣхъ, ни другихъ.

III. Польза такихъ практическихъ занятій отражается прежде всего на усвоеніи приѣмовъ научной работы и на лучшемъ знаніи предмета.

IV. Всѣ виды практическаго ознакомленія съ правомъ могутъ быть сведены въ три большія группы: А) Занятія спеціально-ученаго или семинарскаго характера; Б) Занятія канцелярскаго характера и В) занятія научно-практическія въ узкомъ смыслѣ.

V. Но занятія спеціально-ученаго (семинарскаго) характера, въ видѣ самостоятельной научной работы подъ руководствомъ профессора, вслѣдствіе ихъ ученаго, а не учебнаго направленія, не могутъ быть обязательны для всей массы университетской молодежи, будучи удѣломъ избранныхъ (оставляемыхъ при университетѣ, кандидатовъ-стипендіатовъ и т. п.).

VI. Занятія канцелярскаго характера (т. е. составленіе дѣловыхъ бумагъ, актовъ, постановленій и т. п.) не дѣло университета, а дѣло соотвѣтствующихъ канцелярій и присутственныхъ мѣстъ, гдѣ все это можетъ быть легко усвоено и безъ помощи науки.

VII. Научно-практическія занятія въ узкомъ смыслѣ составляютъ, такимъ образомъ, единственное необходимое подспорье лекціоннаго метода преподаванія права.

VIII. Эти занятія могутъ имѣть самые разнообразныя виды, но они могутъ быть все-таки сведены къ тремъ общимъ основнымъ формамъ. Именно, они могутъ вестись: 1) въ формѣ комментаторской, обнимающей объясненіе источниковъ права, а равно толкованіе и разборъ дѣйствующаго права; 2) въ формѣ конверсаторской, обнимающей реферированіе студентами ихъ научныхъ работъ, диспутаторіи, конверсаторіи и лекціи съ собесѣдованіями; 3) въ формѣ казуистической, обнимающей рѣшеніе со студентами задачъ на примѣрные случаи изъ судебной практики или практическій разборъ судебныхъ дѣлъ съ распредѣленіемъ между слушателями главныхъ процессуальныхъ ролей. Наконецъ, не самостоятельную, а дополнительную формую является форма репетиторная, обнимающая репетиціи изъ отдѣльныхъ законченныхъ частей пройденнаго или экзаменаторіи изъ цѣлаго курса науки.

IX. Комментаторская форма наиболѣе приложима къ наукамъ историко-юридическимъ (исторія римскаго, русскаго и славянскаго права) и къ положительному праву (русскому и иностранному). Конверсаторская форма особенно примѣнима къ наукамъ философскимъ и политическимъ (энциклопедія, государственное, международное, церковное, полицейское, финансовое право, политическая экономія и статистика). Казуистическій способъ наиболѣе приложимъ къ наукамъ чисто-юридическимъ (римское, гражданское, торговое, уголовное право и всѣ процессы). Репетиторный-же способъ, конечно, примѣнимъ ко всѣмъ наукамъ.

X. Но чтобы поддержать научный интересъ у учащихся къ практическимъ занятіямъ, не утомляя ихъ однообра-

зіємъ какого-либо одного изъ дня въ день принятаго метода, весьма полезно употреблять различные способы практическихъ упражненій. По наукамъ историко-юридическимъ, кромѣ комментаторскаго способа, вполне допустимы методы конверсаторскій и репетиторный. По наукамъ политическимъ, кромѣ конверсаторской формы занятій, также возможны и комментаторская и репетиторная. По наукамъ чисто юридическимъ, независимо казуистическаго метода, одинаково желательно примѣненіе всѣхъ прочихъ названныхъ выше методовъ; именно, въ началѣ учебнаго курса могутъ имѣть мѣсто комментаторскія занятія, затѣмъ казуистическія, далѣе конверсаторныя и наконецъ репетиціи.

XI. Въ виду многочисленности наукъ на нашихъ юридическихъ факультетахъ, было-бы желательно раздѣленіе факультета на три разряда или отдѣленія: 1) историко-юридическое, 2) административное или политическое и 3) чисто юридическое,— что соотвѣтствуетъ и тремъ упомянутымъ формамъ практическихъ занятій по каждому изъ этихъ отдѣленій (см. выше, стр. 9).

XII. Для такой болѣе правильной постановки преподаванія права, необходимо: 1) увеличить количество штатныхъ преподавателей на юридическихъ факультетахъ; 2) увеличить суммы, на выпускъ книгъ для университетскихъ библіотекъ, особенно ради практическихъ занятій; 3) дать юридическимъ факультетамъ особыя помѣщенія для семинарій, кабинетовъ, спеціальныхъ библіотекъ и т. п.

Правительство дастъ средства, профессора внесутъ свои силы, и общество наградитъ ихъ своимъ сочувствіемъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Русская литература по вопросу о преподавании права у насъ очень обширна. Напомнимъ хотя-бы работы, вышедшія въ 1900 и 1901 годахъ:

Симоненко, возможно-ли возрожденіе нашихъ университетовъ при сохраненіи въ нихъ нынѣшней системы преподаванія, Варшава, 1901; ср. также статьи въ Н. В. 1901 г., № 9118—9122.

Казанскій, къ вопросу о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, Одесса, 1901. Ср. „Замѣчанія читателя по поводу брошюры Казанскаго“, Одесса, 1901.

Петржицкій, къ вопросу о реформѣ университетскаго преподаванія, Право, 1901, №№ 24—28; смѣшанныя системы университетскаго преподаванія, Право, 1901, №№ 29, 31, 32; ср. также статьи въ газетѣ Россія за май и іюнь 1901 г.

Романовичъ-Славатинскій, лекціи и практическія занятія, Россія, 29 іюня 1901; голосъ стараго профессора по поводу университетскихъ вопросовъ, Кіевъ, 1901.

Левитскій, къ вопросу о лекціонной системѣ и практическихъ занятіяхъ въ нашихъ университетахъ, Р. В. 1901, іюль.

Гессенъ, о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, Право, 1901, №№ 17—19.

Слюзбергъ, къ вопросу о реформѣ юридическаго образованія, Вѣстникъ Права, 1901, № 4—5.

Бородинъ, быть или не быть юридическимъ факультетамъ, Новості, 1901, №№ 209, 216, 225.

Шершеневичъ, о желательной постановкѣ высшаго юридическаго образованія, Право, 1900, № 4.

Запоровскій, о преподаваніи и изученіи гражданскаго права, Ж. М. Н. П. 1900, мартъ—іюль.

Есиповъ, практическія занятія по юридическимъ наукамъ, В. Д. 1901, № 116.

Изъ работъ, вышедшихъ въ прежніе годы, назовемъ, напримѣръ, слѣдующія:

Яновскій, мысли о воспитаніи и обученіи, Русская Школа, 1898, мартъ.

Сергеевичъ, воспитаніе и обученіе въ нашихъ университетахъ, Научное Обозрѣніе, 1898, оятябрь.

Азаревичъ, къ университетскому вопросу, Наблюдатель, 1898.

Сліозбергъ, римское право и практическія занятія на юридическихъ факультетахъ, Ж. Г. и У. П., 1892, № 2.

Загоровскій, практическія занятія по гражданскому праву, Ю. В., 1888.

Зимель, преподаваніе исторіи права, Ю. В. 1888, № 11.

Бьлюрицъ-Котляревскій, къ вопросу о высшемъ юридическомъ преподаваніи, Ю. В. 1886, авг.

Карасевичъ, о формѣ университетскаго преподаванія науки права, Ю. В., 1876, авг. и сент.

Варадиновъ, необходимость реформы въ нашемъ университетскомъ преподаваніи, Ж. М. Н. П. 1870.

Пироговъ, университетскій вопросъ, Сиб., 1863. Ср. также письма Пирогова въ Ж. М. Н. П. 1863, дек. и въ Голосъ 1864 г. № 25 и 26 и ихъ разборъ Сергѣевичемъ въ М. У. И. 1865, 2.

Мейеръ, о значеніи практики въ системѣ юридическаго образованія, Казань, 1855.

О преподаваніи по другимъ отраслямъ знаній и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ университетовъ, представляютъ большой интересъ слѣдующія работы:

Дройзенъ, о научно-практическихъ занятіяхъ студентовъ, преимущественно по исторіи, Ж. М. Н. П. 1869 г.

Брикнеръ, о практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой русской исторіи въ университетахъ, Ж. М. Н. П. 1876 г., ч. 185.

Герасимовъ, о лекціяхъ, какъ средствѣ преподаванія наукъ въ артиллерійской академіи, А. Ж. 1870 г. февраль.

Леонтовичъ, коммерческія училища за-границей и въ Россіи, Ж. М. Н. П. 1887 г., ч. 251—253.

О преподаваніи въ иностранныхъ университетахъ см. напримѣръ:

Янжулъ, роль и значеніе практическихъ занятій въ современномъ юридическомъ образованіи западной Европы, Ж. М. Н. П. 1901, № 11.

Бодановичъ, иностранные университеты: университеты Англии, 1899; университеты Германии, 1899; заатлантические университеты, 1900 г.

Гуляевъ, реформа юридического образования въ Германии, Ж. М. Ю. 1897, № 10.

Зинель, юридическое образование въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, Сборн. Правов. т. VI, ср. также статью въ Ж. М. Н. П. 1894, № 12.

Азаревичъ, историко-юридическая семинарія въ Пизѣ, Ж. М. Н. П. 1881, № 3.

Есиповъ, семинарія уголовного права въ Галле, Варшава, 1893.

Изъ новѣйшей-же иностранной, преимущественно нѣмецкой, литературы ср. напримѣръ:

Derenburg, die Reform der juristischen Studienordnung, Berlin, 1886.

Liszt, die Reform des juristischen Studiums, Berlin, 1886.

Fischer, Rechtsforschung und Rechtsunterricht, Berlin, 1893.

Lexis, die deutschen Universitäten, Berlin, 1893.

Schmidkunz, die Praxis im Universitätsunterricht, A. R., 1894.

Eck, juristische Seminare, D. J. Z., 1896.

Bernheim, der Universitätsunterricht, Berlin, 1898.

Akademisches Taschenbuch für Juristen, Berlin, 1901.

Blondel, de l'enseignement du droit dans les universités allemandes, Paris, 1885.

Guide-Manuel de l'étudiant en droit pour l'année scolaire 1900—1901, Paris.

Liard, l'enseignement supérieur en France.

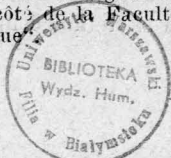
Campana, discours à l'école pratique de droit de Bordeaux, l'enseignement du droit au point de vue pratique et professionnel, 1901 ¹⁾.

Whewell, Elements of English University Education.

Boone, Education in the United-States, New York, 1893.

Thorpe, university of Pennsylvania, Washington, 1893.

¹⁾ *Campana* даетъ между прочимъ краткія указанія о практическихъ занятіяхъ и въ другихъ странахъ: „Au Japon, à la Faculté de droit de Tokyo, des exercices pratiques ont été créés en vue de faire avancer les élèves dans leurs études; ils sont laissés au libre choix du professeur. En Belgique, des cours de pratique notariale ont été organisés officiellement dans les Universités de l'Etat de Gand et de Liège et dans les Universités libres de Bruxelles et de Louvain, en vertu d'une loi du 10 avril 1890. Des cours de rédaction d'actes notariés existent également dans les Universités d'Espagne. Dans les Universités hollandaises d'Utrecht, de Groningue et d'Amsterdam, des cours pratiques de notariat sont professés par des privaats-docenten. La pratique du droit est enseignée au Chili, à l'Université de Santiago. En Sicile, à Palerme, existe, à côté de la Faculté, un cercle juridique où l'on étudie le droit au point de vue pratique“.

О п е ч а т к и.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
Отд. I, стр. 23	28-го ноября	28-го октября
" II " 1	вѣкъ,	вѣкъ
" " " 73	указать	оказать
Въ статьѣ В. В. Есипова, стр. 32, внизу, пропущено: <i>В. А. Юшкевичъ</i> . Руководящія начала къ преподаванію русскаго гражданскаго права. Ярославль, 1900.		

Ив 133503

— (Цѣна 1 руб.) —